

СТРАННИК

— Дитя Тихой Воды —

СТИВ АНДЕРСОН

Стив Андерсон

СТРАННИК. Дитя Тихой Воды

«Автор»

2026

Андерсон С.

СТРАННИК. Дитя Тихой Воды / С. Андерсон — «Автор», 2026

«Когда последний Странник падёт на колени, а его камень замолчит, явится Дитя Тихой Воды...» Даймон потерял всё: память, имя, прошлое. Очнувшись после битвы с чудовищем из Разлома, он оказался в глухой северной деревне, где его выходила старая знахарка. Но древний артефакт — Слеза Странника — выбрал нового хозяина. Шестнадцатилетнюю внучку знахарки Илу. Теперь они вынуждены идти вместе. Через земли, истерзанные Разломами. Через города, где Инквизиция объявила на них охоту. Через древние подземелья и речные пороги, где сама реальность истончается до предела. Им предстоит найти ответы на вопросы, которые страшат даже богов. И сделать выбор, от которого зависит судьба мира. «Странник» — первая книга цикла «Хроники Седого Рубежа». Тёмное фэнтези в лучших традициях жанра: мрачный мир, живые персонажи, многослойный сюжет и атмосфера, от которой невозможно оторваться.

© Андерсон С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Недетский улов	5
Глава 2. Дитя Тихой Воды	14
Глава 4. Резонанс стали и дерева	46
Глава 5. Фальшивые ноты	62
Глава 6. Тень Пастуха	71
Глава 7. Узел на речном пороге	83
Глава 8. Поступь «Старой выдры»	95
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Стив Андерсон

СТРАННИК. Дитя Тихой Воды

Глава 1. Недетский улов

Воздух в пещере пах озоном и палёной шерстью. Даймон сплюнул кровь, не убирая меча. Перед ним горой плоти лежал Грохотун — тварь из Разлома, напоминавшая помесь медведя и панцирной многоножки. Костяные наросты монстра ещё светились тусклым фиолетовым светом, отдавая остатки чужой энергии в холодный воздух пещеры.

Даймон чувствовал, как удача, которая вела его весь бой, медленно угасает, сменяясь дикой усталостью. Его универсальный меч, сейчас тусклый и серый, казался неподъёмным. Разлом за спиной чудовища схлопнулся с тихим хлопком, оставив после себя лишь выжженную землю.

— Справился... — прохрипел он, чувствуя, как мир вокруг начинает вращаться.

Ноги стали ватными, а пальцы, намертво вцепившиеся в рукоять меча, свело судорогой. Даймон качнулся, пытаясь опереться на стену пещеры, но ладонь соскользнула по слизи, которую оставил после себя Грохотун. В голове пульсировало: магия Разлома не проходит бесследно, она выпивает силы, оставляя после себя лишь звон в ушах и привкус меди на языке. Тяжёлый универсальный меч со звоном выпал из ослабевшей руки, ударившись о камень. Клинок, ещё мгновение назад сиявший яростным светом, мгновенно потускнел, став похожим на кусок обычного серого железа. Даймон потянулся было к нему, но зрение окончательно подвело: выход из пещеры поплыл, превращаясь в яркое белое пятно.

Он сделал ещё один шаг, слепо нащупывая путь к свету. Холодный лесной воздух ворвался в лёгкие, обжигая их после смрада подземелья. Даймон рухнул на колени прямо на мягкий порог из мха и хвои. Перед глазами вспыхнули и погасли последние искры его угасающей удачи.

Мир вокруг затих. Лишь где-то высоко в небе закричала встревоженная птица, да ветер зашелестел в кронах сосен, замечая следы недавней магической бури. Последним, что почувствовал Даймон перед тем, как окончательно провалиться в тяжёлое беспамятство, была прохлада земли и далёкий, едва слышный скрип несмазанных колёс старой телеги.

Солнце ещё не успело подняться над верхушками вековых сосен, когда старая телега, натужно скрипя несмазанными осями, миновала последние избы деревни Глушь. Утренний туман, густой и белый, как парное молоко, стелился по земле, скрывая выбоины на разбитой колее. Старый мерин по кличке Буян лениво переставлял мохнатые ноги, привычно игнорируя назойливых мух и мерно покачивая головой в такт движению.

Ила, правившая повозкой, зябко поёжилась и посильнее закуталась в серую шерстяную накидку. Бабка Марта, местная знахарка, отправила их в путь ещё до первых петухов. Задание было важным: добраться до дальних склонов Каменной пади, где после недавней грозы должен был взойти пепельник — редкая трава, способная унимать лихорадку. В их краях, где дыхание Разломов иногда просачивалось сквозь почву, обычные средства часто оказывались бесполезны.

— Ила, а правда, что в Каменной пади Лиходеи до сих пор коней крадут? — шёпотом спросил десятилетний Мика, крепче сжимая в руках пустую плетёную корзину. Мальчишка во все глаза глядел на темнеющие лесные заросли, где солнечные лучи ещё не разогнали ночной мрак.

— Глупости, Мика. Лиходеи в глубоких чашах сидят, к дорогам они не выходят, если их не злить, — отозвалась Ила, хотя сама невольно крепче сжала вожжи. — Ты лучше за подлеском следи. Если увидишь, что кусты шевелятся против ветра — сразу говори. Утопы с болот иногда забредают к ручью, а они страшнее любых сказок будут.

Лес вокруг них жил своей привычной, настороженной жизнью. Роса тяжёлыми каплями срывалась с резных листьев папоротника, с тихим стуком разбиваясь о сухую хвою. Пахло прелой листвой, смолой и чем-то неуловимо сладким — так пахнет настоящий летний рассвет в мире, где магия разлита в самом воздухе. Птицы в вышине перекликались звонко, и это был хороший знак: лесное зверьё вело себя спокойно.

Дорога петляла, уводя их всё дальше от безопасных частоколов деревни к подножию серых скал. Колёса телеги мягко шуршали по песку, перемешанному с хвоей. Ила смотрела на дорогу, стараясь не думать о том, что Каменная падь всегда считалась дурным местом.

— Смотри, Ила! Вороны! — Мика указал пальцем в сторону утёса, где над входом в старую пещеру кружила стая встревоженных птиц. Их хриплое карканье нарушало утреннюю тишину.

Буян вдруг прятнул ушами и резко замер. Мерин шумно втянул ноздрями воздух, в котором к запаху сосен начал примешиваться едва уловимый, едкий аромат озона и чего-то палёного. Конь попятился, натужно храпя, и едва не сбросил телегу в придорожную канаву.

— Тпру-у, окаянный! Стой! — Ила изо всех сил натянула вожжи. Телега качнулась, но замерла у самого края кювета.

Девушка спрыгнула на мягкую хвою и подобрала лежавший в телеге крепкий дорожный посох. Сердце колотилось в горле. Сделав несколько шагов в сторону скал, она замерла. Прямо перед ней земля была выжжена дочерна идеальным кругом, в центре которого, привалившись к валуну, сидел человек в изорванном тёмном доспехе. Рядом с ним, глубоко уйдя в растрескавшуюся землю, стоял меч. Вокруг его рукояти дрожало сизое марево, а на лезвии застыла густая фиолетовая слизь.

Ила осторожно протянула посох, намереваясь коснуться плеча незнакомца. Но стоило дереву пересечь границу выжженного круга, как раздался сухой треск. Кончик посоха мгновенно обуглился, рассыпавшись чёрной сажей.

— Ой! — Ила отпрянула, выронив палку. Ладони неприятно покалывало.

В этот момент человек зашевелился. Он медленно поднял голову. Один его глаз был залит кровью, а второй — холодного цвета штормового неба — уставился прямо на девушку.

— Не... трогай... клинок... — прохрипел он. Его голос звучал так, будто в горле перекачивались острые камни. — Убьёт.

Даймон судорожно вздохнул, и это движение отозвалось резкой болью в изрубленной груди. Он заставил свои не слушающиеся пальцы разжаться и медленно, сантиметр за сантиметр, протянул дрожащую руку к рукояти, торчащей из растрескавшейся земли всего в локте от его плеча.

Как только его ладонь коснулась потёртой кожи, сизое марево вокруг клинка мгновенно втянулось внутрь металла, словно послушный пёс, вернувшийся к ноге хозяина. Звон прекратился, и воздух вокруг выжженного круга сразу остыл. Меч снова стал выглядеть как обычный кусок тёмного железа, тяжёлый и безжизненный.

— Теперь... можно... — вытолкнул из себя Даймон. Его веки задрожали и сомкнулись. Голова воина снова бессильно упала на грудь, и он окончательно провалился в тяжёлое забытие.

Ила замерла, боясь пошевелиться, но Мика, чей страх всегда боролся с любопытством, уже спрыгнул с телеги и подошёл ближе. Мальчик осторожно, кончиками пальцев, коснулся эфеса. Никакого удара не последовало — металл был просто холодным и гладким.

— Тяжёлый какой, — прошептал Мика, обхватывая рукоять обеими руками и пытаясь вытянуть меч из земли. — Ила, помогай!

— А ну брось сейчас же! — прикрикнула на него Ила, утирая пот со лба. — Совсем рассудок потерял? Сначала человека в телегу поднять надо, пока он кровью не стёк, а ты за игрушку хватаешься! Меч твой никуда не убежит, а вот этот господин — запросто.

Мика нехотя разжал пальцы и попятился, виновато шмыгнув носом. Ила, не теряя времени, подошла к Буяна задом к самому краю выжженного круга. Конь храпел и косил глазом на неподвижное тело, но с места не двигался — видимо, чувствовал, что «злая» магия ушла.

— Помогай давай, — скомандовала Ила, хватая Даймона под мышки. — Тяни за ноги, только осторожно, за щитки берись!

Это было непросто. Странник оказался крупным мужчиной, а его доспех, сработанный из тёмной стали, прибавлял к весу добрых два пуда. С трудом, используя две широкие доски как настил, им удалось втащить Даймона на повозку. Его голова бессильно мотнулась, а доспех глухо лязгнул о деревянные борта. Ила подложила под плечо раненого старую рогожу, чтобы хоть как-то унять качку.

— Теперь за мечом, — выдохнула она, вытирая испачканные в пыли и крови руки о передник.

Они вдвоём подошли к клинку. Ила обхватила лезвие через край накидки, а Мика вцепился в рукоять. Меч нехотя, с противным скрежетом, вышел из растрескавшейся земли. Он оказался неожиданно весомым, словно был выкован не из стали, а из куска скалы. Кое-как дотащив его до телеги, они уложили оружие вдоль борта, прямо рядом с его хозяином. Металл глухо звякнул, встретившись с деревом, и в этот миг Иле показалось, что по всей повозке прошла едва заметная дрожь, будто меч и его владелец снова замкнули незримую цепь.

— Всё, прыгай в телегу! — Ила вскочила на козлы, чувствуя, как сердце колотится где-то в самом горле. Она резко взмахнула вожжами. — Но-о, Буян! Живее! Если утопы с болот почуют этот запах, нам до деревни не добраться!

Мерин, напуганный до предела, рванул с места так, что колёса подскочили на выпирающем корне столетнего дуба. Мика едва успел ухватиться за борт, чтобы не вылететь на дорогу. Мальчик тяжело дышал, не сводя глаз с бледного лица Странника.

— Ила, стой! — вдруг истошно закричал Мика, перекрывая грохот колёс. — Стой, зашибём! Гляди, там... блеснуло!

Ила яростно обернулась, готовая отругать брата, но слова застряли у неё в горле. Там, где всего минуту назад в луже собственной крови лежал Даймон, из примятого окровавленного мха исходило странное сияние. Оно было неярким, матовым, но в густой тени валуна казалось пугающе чужеродным.

— Сиди в телеге! — прикрикнула Ила, но сама уже натянула вожжи. Буян недовольно захрапел, переминаясь с ноги на ногу.

Девушка спрыгнула на землю и, пересиливая растущий страх, подошла к выжженному кругу. Прямо под выступом скалы, наполовину скрытая сорванным куском хитина Грохотуна, лежала небольшая сфера. Она была размером чуть больше куриного яйца, из мутного, серого стекла. Внутри неё, за толстыми стенками, медленно вращался иссиня-чёрный вихрь, усеянный крохотными золотыми искрами.

Ила протянула руку, и как только её пальцы коснулись гладкой поверхности, по телу пробежал мгновенный разряд холода, сменившийся покалывающим жаром. Сфера была пугающе лёгкой, почти невесомой, будто внутри неё не было материи, а застыло само время.

— Это... Слеза Странника... — прошептала Ила, вспомнив старые сказки бабки Марты о камнях, в которых Странники хранят частицы иных миров.

Она быстро сунула сферу в глубокий карман передника. Ткань мгновенно потяжелела, а бедро обожгло коротким уколом жара. Ила бросилась обратно к телеге, чувствуя, как её собственное сердце начинает биться в такт неровной, едва слышной пульсации артефакта.

— Погнали! — крикнула она, вскакивая на сиденье.

На этот раз она не жалела кнута. Колёса бешено вращались, поднимая облака пыли, но за спиной, в прибрежных зарослях ручья, уже послышался первый хлюпающий звук. Утопы, привлечённые запахом Разлома, начали свою охоту.

Буян летел во весь опор, чуя за спиной смрад разложения. Телега подпрыгивала на кочках так, что Даймон, лишённый сознания, едва не вылетал из кузова при каждом ударе колёс о корни.

— Ила! Они нагоняют! — вскрикнул Мика, вцепившись в борт.

Из придорожных зарослей папоротника, прямо наперерез повозке, выскочили три твари. Самый крупный утоп, оскалив пасть, в два мощных прыжка настиг телегу и вцепился в задний борт. Мика, побелев от ужаса, перехватил обломок дубового посоха. Когда безносая морда существа показалась над краем, мальчик с размаху ударил наотмашь. Утоп хлюпнул и кубарем полетел под вращающееся колесо.

Остальные двое, разъярённые потерей вожака, начали издавать мерзкое клокотание. Вместо того чтобы прыгать, они принялись на ходу вырывать из вязкой придорожной канавы куски дёрна вместе с корнями и с силой швырять их в убегающую телегу.

— Берегись! — пригнулась Ила, когда над её головой просвистел тяжёлый ком грязи.

Один из таких снарядов с глухим шлепком ударился в спину бесчувственного Даймона, а другой развалился прямо в кузове у ног Мики. Мальчик хотел было брезгливо смахнуть грязь, но вдруг его глаза расширились. В липком чёрном коме земли, вырванном утопом прямо из-под корней старой ивы, виднелись знакомые резные листья и мелкие серые соцветия.

— Ила! Пепельник! — закричал Мика, хватая грязный стебель. — Они в нас пепельником кидаются! Тем самым, за которым нас бабка Марта посылала!

Твари, сами того не зная, вырвали дефицитную траву вместе с землёй из самых глубоких, сырых мест, куда дети побоялись бы лезть. Один из преследователей, самый тощий и длиннолапый, сумел подобраться к телеге почти вплотную. Он прыгнул, цепляясь когтями за заднюю ось, и повозку ощутимо тряхнуло. Мика замахнулся обломком посоха, но тварь ловко увернулась, шипя и вытягивая шею к сапогу раненого воина.

— Не смей! Пшёл вон! — взвизгнул Мика.

Он не стал бить сверху, где утоп мог перехватить палку, а резко ткнул обрубок прямо в широкую, сопливую пасть существа. Тварь поперхнулась, захлебнувшись собственным шипением, и на мгновение ослабила хватку. Этого хватило: телега подскочила на очередном корне, и когтистая лапа со скрежетом сорвалась с железного обода колеса.

Монстр кубарем покатился по дороге, поднимая тучу пыли, а следовавшие за ним сородичи споткнулись о его тело, сбивая темп погони. Ещё несколько комьев грязи с корнями пепельника шлёпнулись в кузов, но твари начали отставать, не в силах тягаться в скорости с обезумевшим от страха конём.

— Гони, Ила! Гони! — кричал Мика, тяжело дыша и прижимая к груди охапку грязных растений.

Ила не оборачивалась. Она стояла на козлах, навалившись всем телом на вожжи, и её крик сливался со ржанием Буяна. Мерин, почуяв, что лес за спиной начинает редеть, вложил в бег последние силы.

Дорога резко вильнула в сторону, выбираясь из низины на открытую просеку, залитую ярким утренним солнцем. Свет ударил по глазам. Позади, в прохладной тени папоротников, раздалось яростное, разочарованное клокотание. Утопы — твари сырости и мрака — не решились выходить на открытый солнцепёк. Они замерли на кромке леса, провожая повозку злобными взглядами своих жёлтых глаз.

— Отстали... — Мика бессильно опустил на дно телеги прямо в кучу перемешанного с грязью пепельника. Его руки тряслись так сильно, что он едва не выронил свой обломок посоха. — Кажется, отстали.

Телега выкатилась на ровный тракт, ведущий через поля. Скорость упала, Буян перешёл на тяжёлую, хриплую рысь. Ила медленно опустилась на сиденье, чувствуя, как мелко дрожат её собственные пальцы, намертво вцепившиеся в кожу вожжей.

В кузове было тихо, если не считать тяжёлого дыхания Мики и металлического бряцания доспехов Даймона. Мальчик осторожно потянулся к одному из комьев грязи, что прилетел от утопов, и вытащил из него длинный, сочный корень травы.

— Гляди, Ила... — он показал ей находку. — Целый. И сока в нём — хоть отбавляй. Бабка Марта скажет, что мы герои.

— Героями будем, если доведём его живым, — глухо отозвалась Ила, кивая на Странника. — И если нас самих в деревне не прибьют за то, что притащили за собой хвост из Каменной пади.

Она прижала руку к карману, где под слоем ткани лежала Слеза Странника. Сфера была тяжёлой, словно свинец, но внезапно Ила почувствовала, как от неё поползло мягкое, умиротворяющее тепло.

Сквозь плотную ткань передника пробилось слабое, едва заметное сизое сияние. Оно не было колючим или пугающим, как в лесу. Напротив, свет пульсировал ровно и ласково. В этом безмолвном мерцании чувствовалось нечто большее, чем просто магия — артефакт словно признал их поступок, ответив теплом на то, что дети не бросили Даймона на растерзание лесу и не побоялись прийти на помощь чужаку.

Это чувство правильности сделанного выбора на мгновение прогнало усталость и страх. Ила кожей ощущала присутствие «Слезы», понимая: самое трудное для них с Микой уже позади, а для раненого Странника всё только решается.

Телега свернула на просёлок, и впереди, в золотистом мареве полдня, наконец показались первые крыши деревни Глушь. Пыль, поднятая колёсами, лениво оседала на придорожную лебеду, а густой запах нагретого жита вытеснял из ноздрей едкий смрад Разлома.

У самой околицы путь повозке преградили трое парней постарше. Долговязый Ватка, сын кузнеца, небрежно держал на плече простенький охотничий лук, а двое его приятелей размахивали самодельными рогатинами, явно собираясь попытать удачу в ближних перелесках. Увидев запылённую телегу и взмыленного, покрытого мыльной пеной Буяна, компания дружно загоготала.

— Глядите-ка, Ила с малым из лесу воротились! — выкрикнул Ватка, картинно опираясь на лук. — Что, пепельник ваш весь утопы погрызли? Вид такой, будто за вами сама Погибель по кустам гналась!

— Или вы там в овраге с перепугу в грязи вывалялись? — подхватил второй, тыча пальцем в перепачканную одежду Мики и тёмные пятна жижи на бортах. — Охотники, тоже мне... Мы вон за тетеревом собрались, а вы только лягушек на болоте пугать горазды!

Мика, всё ещё сжимавший в кулаке пучок бесценной травы, не выдержал. Он вскочил в кузове, едва не наступив на скрытый рогожей сапог Даймона, и яростно высунул язык, скорчив самую обидную гримасу.

— Сами вы подобие жалкое, а не охотники! — звонко выкрикнул он, потрясая кулаком. — Мы — герои! Мы такое видели, что вам и в кошмарах не приснится! А вы своих тетеревов до заката провороните!

— Мика, замолчи сейчас же! — шикнула на него Ила, наотмашь хлестнув вожжами, чтобы Буян быстрее миновал задиристую компанию. Она изо всех сил старалась не смотреть на край рогожи, из-под которой предательски блеснул металл наплечника. — Язык твой — враг наш. Сиди тихо!

— Ну и катитесь! — крикнул вслед Ватка, но в его голосе уже слышалось недоумение. — Герои... Гляди, как коня загнали, ровно черти за ними по пятам шли.

Ила не оборачивалась. Она чувствовала, как Слеза Странника в её кармане начала пульсировать быстрее, словно предупреждая: лишнее внимание им сейчас ни к чему. Она правила прямо к дому бабки Марты, стараясь держаться подальше от центральной улицы, где у колодца всегда толпились кумушки.

Повозка с грохотом пронеслась мимо покосившихся заборов и наконец остановилась у самой окраины, где под сенью старых вязов притаилась изба знахарки. Здесь воздух был другим — тяжёлым, пахнувшим горьким дымом и сушёными кореньями.

— Приехали, — выдохнула Ила, чувствуя, как руки окончательно онемели от вожжей. — Мика, живо к дверям. Зови Марту, да смотри, не ори на всю улицу!

Мальчик спрыгнул с телеги, всё ещё сжимая в горсти грязный пепельник, и бросился к тяжёлой дубовой двери, обитой потемневшей от времени кожей.

Мика взлетел на крыльцо в два прыжка и принялся колотить в тяжёлую дубовую дверь кулаками и обломком посоха, да так, что зазвенели стёкла в маленьких оконцах.

— Бабушка Марта! Открывай! Скорее, бабушка! — вопил он, приплясывая на месте от возбуждения и страха.

За дверью послышалось тяжёлое шарканье, недовольное кряхтение и звон отодвигаемого засова.

— Кого там черти в полдень принесли? — раздался хриплый, надтреснутый голос. — Ни сна, ни покоя старухе... Ила? Мика? Вы чего ж так рано? Сказано было: без пепельника к закату не являться!

Дверь распахнулась, и на порог вышла Марта. Сгорбленная, в выцветшем платке, она щурилась от яркого солнца, вытирая руки о засаленный передник. Увидев взмыленного Буяна и перепуганные лица внуков, она замерла, и её брови сошлись у переносицы.

— Мы... там... оно... — затараторил Мика, размахивая грязными руками. — Там у Каменной пади страх чего было! Земля горелая, чёрная вся! И он лежит, ровно мертвец, а меч как зазвенит — аж в ушах тонко! А потом утопы из канавы — раз! И комок грязи — хлоп! А в грязи трава, бабушка, та самая! Мы его в телегу, а он тяжёлый, ровно камень, и кровь везде странная...

— Тише ты, пустомеля! — прикрикнула Марта, хватая мальчишку за плечо. — Ни слова не разобрать, только слюни в разные стороны. Зашиб тебя лиходеи в лесу, что ли?

Она перевела взгляд на Илу, которая всё ещё сидела на козлах, бледная и прямая как струна. Девушка медленно спрыгнула на землю и подошла к бабке.

— Бабушка Марта, Мика правду говорит. Нашли мы его у входа в пещеру. Разлом там был, — тихо, но твёрдо произнесла Ила, указывая на повозку. — И Разлом тот закрыт, только дым сизый по камням стелется. А человек этот... он живой ещё. Только изрублен сильно, будто когтями огромными его полосовали.

Марта на мгновение окаменела. Она медленно, словно не веря своим глазам, спустилась с крыльца и подошла к борту телеги. Старуха осторожно отогнула край рогожи, и её лицо мгновенно осунулось, превратившись в восковую маску. Увидев рукоять универсального меча и характерные пластины тёмного доспеха, она шумно выдохнула, прижав сухую ладонь к губам.

— Ох, Лики пречистые... — прошептала знахарка, и в её голосе впервые послышался настоящий, неприкрытый страх. — Странник. В нашей Глуши...

Она резко обернулась к лесу, словно ожидая, что прямо сейчас из-за деревьев покажутся тени преследователей, а затем впилась взглядом в Илу.

— В дом его. Живо! — скомандовала Марта. — Мика, за засов хватайся, ворота наглухо закрой! Если кто из соседей нос сунет — скажешь, мерин ногу повредил, вот и воротились рано. И чтоб про железо в телеге — ни звука, ясно вам?!

Марта подошла к заднему борту и, невзирая на возраст, ухватила за край доски, помогая Иле развернуть телегу поудобнее к сеням.

— Тяжёлый он, — пропыхтел Мика, налегая на колесо. — И меч его... мы его еле вдвоём подняли.

— Меч в доме не класть, — отрезала Марта, оглядывая двор. — В сарае прикопайте в сено, подальше от входа. Если староста увидит такое лезвие — нам всем конец. А теперь — на счёт «три»! Тяните его за плечи, а я ноги подхватчу.

— Раз, два... Взяли! — скомандовала Марта, и её голос прозвучал неожиданно властно для такой дряхлой старухи.

Перетащить Странника из телеги в сени оказалось задачей почти непосильной. Доспехи Даймона, сработанные из тяжёлой тёмной стали, прибавляли к его и без того немалому весу добрых два пуда. Ила, вцепившись в кожаные ремни наплечников, чувствовала, как жилы на её шее натянулись до предела, а пальцы начали неметь. Мика, сопя и краснея от натуги, изо всех сил подпирал воина под поясницу, стараясь не поскользнуться на залитых кровью досках повозки.

— Осторожнее, не уроните! — прошипела Марта, подхватывая ноги Странника в тяжёлых кованых сапогах. — Голову, голову придерживай, Ила!

Они медленно, дюйм за дюймом, стаскивали тело на дощатый пол сеней. Доспех Даймона скрежетал по дереву, выбивая глухую дробь, которая в тишине двора казалась Иле громче ударов тяжёлого молота в кузне. Каждый лязг отдавался в её висках паникой: «Лишь бы никто не услышал, лишь бы Ватка со своими друзьями не заглянул через забор!»

Когда они наконец втащили Даймона в прохладу избы, воздух в горнице мгновенно изменился. Запахло озоном, старым железом и тем самым едким ароматом Разлома, который они привезли с собой из Каменной пади.

— На лавку его, к окну! — Марта указала на широкую дубовую скамью, застеленную чистой холстиной. — Мика, живо носи ведро воды, да похолоднее, из колодца! Ила, хватай нож с полки. Будем ремни резать. Если сейчас это железо с него не снимем, он в собственном жару сгорит раньше, чем я отвары заварю.

Даймон глухо застонал, когда его тело коснулось твёрдой лавки. Его пальцы в изрубленной перчатке судорожно сжались, царапая дерево, а из-под шлема вырвался тяжёлый, рваный вздох.

— Живой... — выдохнула Ила, вытирая пот со лба перепачканным в пыли рукавом. — Бабушка Марта, он всё это время ни разу глаз не открыл. Только в лесу... у меча своего...

— И слава Ликам, что не открыл, — отрезала знахарка, уже засучивая рукава и примериваясь к пряжкам на груди воина. — У Странников пробуждение бывает страшнее, чем сама битва. Давай нож, не стой столбом! Нам ещё этот «урожай» от утопов перебрать надо, пока корни не высохли.

Ила уже занесла нож над кожаным ремнём наплечника, как вдруг полуденный луч солнца, пробившийся сквозь узкое оконце, упал прямо на истерзанную грудь Даймона.

То, что произошло в следующую секунду, заставило детей застыть от изумления. Под воздействием чистого солнечного света глубокие борозды и вмятины на тёмном металле начали медленно затягиваться, словно живые раны. Железо задышало, по его поверхности пробежала едва заметная рябь, выталкивая застрявшую в сочленениях фиолетовую слизь Грохотуна.

Затем раздался мелодичный, кристально чистый звон. Пряжки и застёжки доспеха сами собой распахнулись, и тяжёлые стальные пластины с глухим грохотом опали с тела воина прямо на дощатый пол, оставив его в одной лишь тонкой, пропитанной кровью нижней рубахе.

— Ох, Лики пречистые... — ахнула Марта, всплеснув руками и попятившись к печи. — Сами... Сами ушли. Чуют, что хозяину немогуту их тяжесть больше нести.

Старуха быстро пришла в себя и, схватив Илу за плечо, указала на грудь металла у ног.

— Живо! Тащите это в сарай! — скомандовала Марта. — И меч из телеги забирайте, ироды! Бросили средь двора, ровно кочергу ненужную! Под сено всё прячьте, поглубже, чтоб ни одна искорка не блеснула. Если кто из соседей на блеск этот заглянет — по миру пойдём!

Ила и Мика, стараясь не касаться всё ещё тёплых, вибрирующих пластин голыми руками, принялись собирать доспех в охапку. Выскочив во двор, они первым делом бросились к повозке. Меч Странника лежал на дне, тяжёлый и мрачный. Стоило Иле прикоснуться к рукояти, как по её пальцам пробежала знакомая волна холода, а Слеза в кармане отозвалась коротким, согласным толчком.

Двоём, нутужно кряхтя, они перетасили оружие и части брони в тёмный, пахнущий сушёной травой сарай. Как только тяжёлые железки скрылись под толстым слоем прошлогоднего сена, Ила почувствовала, как в воздухе вокруг них стало легче дышать. Словно сама земля Глуши не желала принимать в себя эту чужую, опасную сталь.

А в это время в избе Марта уже склонилась над раненым. Она осторожно разрешила пропитанную кровью рубаху Даймона, обнажая его грудь и плечи.

— Ох, матушка-природа, земля-кормилица, — зашептала она, и её голос стал глубоким, вибрирующим, словно шелест листвы перед бурей. — Не дай искре угаснуть, не отдай его Пустоте. Поделись соком своим, как с деревом в засуху, вдохни силу в жилы его...

Она не звала богов. Она зывала к корням, что держат избу, к дождю, что питает лес, к самой жизни, текущей в стеблях того самого пепельника, который Мика притащил с дороги. Её пальцы, испачканные в соке трав, быстро забегали по рваным краям ран Даймона, запечатывая их и вытягивая гнилой холод Разлома.

Когда через какое-то время Ила и Мика, отряхнувшись от колючего сена, вернулись в избу, в горнице уже царила вязкая, прятная тишина. Даймон лежал неподвижно, его мощная грудь ровно вздымалась под белоснежным чистым саваном. Бабка Марта, заметно осунувшаяся и бледная, медленно обходила лавку, обрызгивая пространство вокруг раненого мутной жидкостью из глиняной чаши. Воздух наполнился резким запахом хвои и горькой живицы.

— Утих... — выдохнула старуха, не оборачиваясь. — Жизнь в нём крепкая, ровно у старого дуба. Коли ночь перестоит, и лихорадка Разлома не сожрёт — значит, и Грань его не заберёт.

Ила медленно подошла ближе, чувствуя, как Слеза Странника в её кармане пульсирует всё настойчивее. Помедлив, девушка опустила руку в складки передника и вытянула на свет серую матовую сферу. Иссиня-чёрный вихрь внутри неё замер, превратившись в глубокий, неподвижный омут.

Марта замерла. Её глаза расширились, а рука с чашей едва заметно дрогнула.

— Ох, матушка-земля... — прошептала знахарка, благоговейно принимая артефакт. — Значит, и впрямь Слеза.

Она не стала касаться сферы голой кожей. Вытащив из сундука кусок старой, расшитой охристыми знаками льняной ткани, Марта бережно приняла шар и закутала его в несколько слоёв, бормоча под нос охранные слова. Теперь, скрытая лоскутом, Слеза перестала вибрировать, словно подчинившись воле старой травницы.

— А теперь слушайте меня оба, — Марта обернулась к детям, и её взгляд стал жёстким, как камень. — Ступайте к колодцу, умойтесь, кровь и грязь лесную с себя дочиста смойте. И домой. Чтоб духу вашего до утра здесь не было.

Она сделала шаг к Мике и, схватив его за плечо, заглянула прямо в глаза.

— А ты, малец, язык свой за зубами привяжи на мёртвый узел. Если хоть одно слово про Странника, про железо его или про камень этот из твоего рта вылетит — Лиходеи тебя по голосу найдут. Они таких болтунов любят: за язык к дереву пришивают, да так и оставляют в лесу сохнуть, пока вороны глаза не выключут. Понял меня?

Мика испуганно икнул и часто-часто закивал, вжимая голову в плечи.

— Идите, — уже мягче добавила Марта, легонько подтолкнув детей к двери. — Утро вечера мудренее. Поспим, а там видно будет, какую судьбу нам этот гость на хвосте принёс.

Дети тихо выскользнули за порог, прикрыв за собой тяжёлую дверь. Марта постояла мгновение в тишине, прислушиваясь к ровному дыханию Даймона, а затем, накинув на плечи старый платок, вышла на задний двор.

Солнце всё ещё стояло высоко, нещадно припекая и высушивая пыль на дороге. Знойный воздух дрожал над огородами, и со стороны деревни доносился далёкий стук топора — Глушь жила своей обычной дневной жизнью. Старый Буян, привязанный к коновязи, лениво жевал сено, изредка всхрапывая и отгоняя хвостом назойливых мух.

Марта подошла к телеге и заглянула внутрь. Там, среди комьев подсыхающей болотной жижи, тускло белели те самые резные листья.

— Надо же... — прошептала старуха, запуская сухую ладонь в грязное месиво. — Утопы сами принесли. Видать, и впрямь удача у этого парня такая, что даже нечисть на него работает.

Она бережно, один за другим, выбрала из грязи все стебли пепельника. Трава была сочной, напитанной силой сырых низин — такой в обычных лесах в это время года не сыскать. Собрав драгоценный пучок в подол передника, Марта вернулась в прохладу избы.

Она ещё раз окинула взглядом неподвижного Даймона, коснулась пальцами заговорённого свёртка со Слезой на полке и, тяжело вздохнув, ушла в боковую комнату. Там, в полумраке, ей предстояло до самого заката растирать коренья и готовить мазь из свежего пепельника, чтобы к ночи лихорадка Разлома не выжгла Странника изнутри.

Дом погрузился в сонную дневную тишину. Лишь яркие лучи солнца, пробивавшиеся сквозь щели в ставнях, играли на складках белого савана, под которым лежал неожиданный гость, принёсший в тихую деревню Глушь запах далёких битв и нездешней магии.

Конец 1 главы.

Глава 2. Дитя Тихой Воды

Тьма не была пустой. Она бурлила, словно дёготь в котле, выплёскивая на поверхность обрывки того, что Даймон так отчаянно пытался забыть.

Сначала пришли лица. Сотни лиц, сливающихся в бесконечный, безмолвный хоровод. Друзья, чьи имена давно стёрлись из памяти, враги, чьи глотки он перерезал в придорожной пыли — все они смотрели на него одинаковыми пустыми глазами. В этом бреду грани стирались: люди скалились звериными пастьми, а чудовища — многоглазые, покрытые склизкой чешуёй или жёстким хитином — плакали человеческими слезами, протягивая к нему когтистые лапы.

Когтистые лапы, покрытые трупной изморозью, тянулись из меж мировой пустоты, смыкаясь на его горле, но видение снова дрогнуло, рассыпаясь искрами хаотичной энергии.

Сквозь гул магического отката, бьющего в ушах, прорвался плач детей — тонкий, надрывный, он шёл отовсюду и ниоткуда, будто само время оплакивало своих нерождённых сыновей. Перед глазами вспыхнули пылающие хутора, затерянные в лесах и степях, где помощь никогда не приходит вовремя. Соломенные крыши пожирало яростное рыжее пламя, а в чёрном жирном дыму над пепелищами разорённых поселений плясали тени тех, кого нельзя называть — порождений враждебного мира, посылаемых через разломы.

Прямо посреди улиц, с хрустом разрывая саму реальность, точно сухую ткань, разевались эти самые разломы. Они зияли бездонными шрамами на теле земли, источая едкий запах озона и серы. Из этих кровоточащих ран мироздания, точно гной, вытекало фиолетовое марево, порождая новых монстров, чьи очертания ежесекундно менялись, не желая подчиняться законам плоти и крови. Каждое появление такой трещины сопровождалось низким, вибрирующим гулом, от которого крошились камни и замертво падали птицы.

И вдруг среди этого хаоса смерти и гари вспыхнула Слеза Странника. Она зависла в пустоте — холодная, безразличная, пульсирующая ровным сизым светом, как сердце умирающей звезды. Её матовый блеск затягивал в себя огонь и крики, превращая их в густую, вязкую тишину, в которой задыхалось само мироздание.

Где-то там, за незримой Гранью, из бесконечного «далёко» донёсся зов молодой женщины. Голос был едва слышным, как предсмертный шелест пепельника, но в нём таилась такая тоска и первородная мощь, что Даймон рванулся на него, пытаясь вырваться из липких объятий бреда.

Но опора ушла из-под ног.

Он начал падать в пропасть. Бездонная чёрная бездна внизу кипела и бурлила, как котёл демиурга, наполненный жидким мраком и обломками забытых измерений. Даймон летел вниз, раскинув руки, чувствуя ледяной свист эфирного ветра. Он пытался ухватиться за воздух, за обрывки древних заклиний, но был не в силах что-то изменить. Скорость росла, кипящая Пустота уже раскрыла свою пасть, готовясь поглотить его искру навсегда...

Резкая темнота.

Удар. Тишина.

А затем — первый робкий звук реальности. Где-то совсем рядом, за тонкой преградой из старого дерева, залиvisto и нагло пропел петух. Сквозь сомкнутые веки пробился мягкий, тёплый свет, не имеющий ничего общего с мертвенным сиянием Разломов.

Наступило утро.

Оно просочилось в избу тонкими иглами света, прошивая пыльный полумрак горницы. Даймон открыл глаза, но мир не спешил обретать форму. Сначала это были лишь жёлтые пятна на закопчённых брёвнах потолка и монотонный, сухой шелест пучков трав, свисающих с балок.

Он попытался вспомнить своё имя, но наткнулся на глухую стену из серого тумана. В голове не было ничего, кроме вязкого, липкого эха ночного кошмара: пламя, крики и бесконечное падение в бездну. Память была похожа на разбитое зеркало — острые осколки образов резали сознание, не желая складываться в единую картину. Он не знал, кто он, но на подкорке бился первобытный инстинкт: здесь, в мире, где разломы вскрывают землю, точно нарыв, а магия горчит на языке медью, тишина — это лишь затишье перед бурей.

Даймон попробовал пошевелиться, и мир тут же взорвался острой, пульсирующей болью. Массивная дубовая лавка под ним казалась каменным надгробием. Его грудь и плечи были стянуты тугими полотнами холстины, сквозь которые проступал резкий, незнакомый запах горького сока пепельника и болотной прели.

Он был гол и беззащитен под тонким белым саваном. Это пугало больше всего — инстинкт воина, выжженный годами битв, кричал о том, что нельзя оставаться без стали в руках, когда в воздухе всё ещё витает едкий аромат озона. Руки были слабыми, как у младенца, а в венах вместо силы пульсировала пустота

— Лежи, не дёргайся, — раздался хриплый, властный голос откуда-то сбоку.

Даймон с трудом повернул голову. В тени у печи сидела сторбленная старуха в выцветшем платке. Её сухие пальцы методично растирали что-то в глиняной ступке, а взгляд, острый и пронзительный, казался, видел его насквозь. Бабка Марта не улыбалась; в её восковом лице читалась смесь суровой решимости и затаённого страха перед тем, что она приютила в своём доме.

— Где... я? — вытолкнул он из себя. Голос был чужим, надтреснутым, будто он долго кричал в пустоту.

Марта не ответила сразу. Она медленно вытерла руки о передник и подошла ближе, вглядываясь в его лицо своими выцветшими, но цепкими глазами. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь ставни, освещал танцующие в воздухе пылинки и глубокие морщины на лбу знахарки.

— В деревне Глушь ты, Странник, — наконец произнесла она, и её голос прозвучал как шелест сухой травы. — Третье утро пошло с того часа, как внуки мои притащили тебя в телеге из Каменной пади. Двое суток ты Грань за край плаща держал, всё вырваться пытался. Если бы не пепельник да не сила твоя упрямая — уже бы в Пустоте растворился.

Даймон замер. Двое суток. Сорок восемь часов выпали из его жизни, оставив лишь пепел кошмаров. Он попытался вспомнить, что было до пещеры, до того, как Грохотун вогнал свои когти в его доспех, но память отзывалась лишь глухой пульсирующей болью.

— Третий день... — прохрипел он, пытаясь осознать масштаб своей слабости. — А.... вещи? Где то, что было при мне?

Он не решался назвать Слезу или меч своими именами, боясь выдать их истинную цену, но его взгляд невольно метнулся к полке, где под охристой тканью таилось нездешнее сияние.

Марта сузила глаза, заметив этот мимолётный жест. Она поняла всё без слов.

— Железо твоё в сарае под сеном спит, подальше от соседских глаз, — отрезала она, делая шаг назад к печи. — А камень твой... Слеза эта... здесь полежит. Негоже такому свету по деревне гулять, пока ты на ногах не стоишь. Слишком много бед в этот раз на хвосте принёс, Странник.

Даймон сглотнул, чувствуя, как сухая корка на губах трескается. Память вернулась, но она была весомой, как его доспех.

— Ты назвала моё имя, старая, — хрипло произнёс он. — Значит, ты знаешь больше, чем должна обычная травница из Глуши.

Марта лишь криво усмехнулась.

— В Глуши, соколик, долго не живут те, кто глаз и ушей не имеет. Я видела таких, как ты, когда ещё девчонкой по лесам бегала. Только тогда Разломы были реже, а Странники — сильнее.

Она подошла ближе, и Даймон ощутил от неё запах земли и древности.

— Твой универсальный меч в сарае. Он спит, железо холодное. А Слеза... она поёт. Ночью так выла, что мне пришлось двойной заговор на охру накладывать. Если бы не этот камень, твоя искра уже давно бы в Пустоту улетела. Он тебя вытянул, Даймон. Но и он же тебя выдал.

— Кто ещё видел... это? — он кивнул на свёрток с артефактом.

— Только я да внуки мои, Ила с Микой. Малец болтлив, но я припугнула его Лиходеями — посидит пока с завязанным языком. — Марта вздохнула и присела на край лавки. — Ты лучше скажи, Даймон, что там, у Каменной пади, произошло? Почему Грохотун так близко к людям подобрался? Такого не бывало уже тридцать зим.

Даймон закрыл глаза.

— Грань истончается, Марта. То, что я закрыл в пещере — лишь трещина. Настоящая беда ещё впереди.

В этот момент за дверью послышался приглушённый шёпот и возня.

— Да пусти ты, Ила! Я только одним глазком гляну, живой он или нет! — донёсся звонкий голос Мики.

Даймон стиснул зубы так, что челюсти свело судорогой. Мысль о том, что он предстанет перед какими-то деревенскими сорванцами в виде беспомощного куска мяса под саваном, жгла сильнее, чем раны от когтей Грохотуна. Инстинкт воина, привыкшего встречать и врагов, и союзников на ногах, взял верх над слабеющим телом.

Он упёрся ладонями в край дубовой лавки. Каждое микронное движение отдавалось в груди каскадом электрических разрядов. Бинты, пропитанные соком пепельника, натянулись, угрожая лопнуть. Перед глазами на миг поплыли кровавые круги, но Даймон заставил себя выпрямить спину. Он сел, дыша натужно и чувствуя, как по позвоночнику катится холодный пот. Саван сполз, обнажая его мощные плечи, пересечённые свежими багровыми шрамами.

— Заходите уже, горе-травники, — проскрипела Марта, заметив усилия Странника и не сделав ни единой попытки ему помочь. Она лишь иронично вскинула бровь, глядя на его бледное, но решительное лицо.

Массивная дверь, обитая потемневшей кожей, со скрипом отворилась. На пороге замерли двое. Девушка — высокая, с серьёзным взглядом и крепкими руками, в которых она сжимала край серой накидки. И мальчишка — вихластый, с всклокоченными волосами и горящими от любопытства глазами.

— Вот, знакомься, Странник, — Марта махнула рукой в сторону внуков, и в её голосе зазвучали шуточные нотки, за которыми она пыталась скрыть гордость. — Это Ила, девчонка не по годам рассудительная, она тебя на повозке из Каменной пади тащила, пока ты с Гранью целовался. А этот сорванец и пустозвон мелкий — Мика. Пока утопы в них грязью швыряли, он умудрился из этой самой грязи лечебную траву выковырять. Считай, спасли тебя, не побоявшись погони лесной нечисти.

Мика, услышав про «пустозвона», обиженно шмыгнул носом, но тут же забыл об обиде, во все глаза уставившись на Даймона. Для него этот израненный человек, который даже сидя казался выше и опаснее любого мужика в деревне, был ожившей сказкой.

Даймон обвёл взглядом присутствующих. В этой тесной избе, пропитанной запахами сушёной полыни и горького пепельника, решалась его дальнейшая судьба. Он не привык открываться незнакомцам, но эти люди уже стали частью его истории, вырвав его из лап Разлома.

— Не стоит звать меня Странником, — Даймон сделал паузу, справляясь с очередным приступом боли, прошившим грудь. — Для вас я просто Даймон.

Ила чуть заметно кивнула, принимая это доверие, а Мика восторженно зашептал имя, будто пробуя его на вкус.

— Вот и ладно, — Марта сурово прищурилась, но в глубине её глаз промелькнуло одобрение. — Раз уж мы теперь по именам, то слушай, Даймон. Глушь — место тихое, и мы хотим, чтобы оно таким и оставалось. Твоё появление здесь — как камень, брошенный в стоячую воду: круги пойдут далеко.

Она подошла к столу и налила из глиняного кувшина мутную жидкость, пахнущую хвоей.

— Ила, дай ему отвар. Пусть искру свою подпитает, а то бледный, как полотно на погосте. А ты, Мика, пустозвон мелкий, брысь во двор! Проверь, не крутится ли кто у сарая. Если Ватка или ещё кто из поселковых бездельников решит заглянуть — свистни трижды.

Мальчишка, гордый важным поручением, пулей вылетел за дверь, едва не задев косяк. Ила осторожно подошла к лавке, протягивая Даймону объёмную кружку. Её пальцы слегка дрожали, когда она встретилась взглядом с его холодными, как штормовое небо, глазами.

— Пейте... Даймон, — тихо сказала она. — Бабушка всю ночь над этим варевом шептала. Оно силу вернёт.

Даймон принял кружку. Прохлада глины приятно остудила его горячие от лихорадки ладони. Сделав глоток, он почувствовал, как по жилам разливается терпкое, колющее тепло, выжигая остатки ледяного оцепенения. Навыки выживания подсказывали ему: это не просто травы, в отваре чувствовалась крупица природной магии, которой владела старуха.

— Пора тебе из-под савана вылезать, — проворчала Марта, вытаскивая из сундука стопку чистой одежды. — Негоже воину в простыне сидеть, да и гостям лишнее видеть ни к чему. Вот, держи. Вещи добротные, от деда Илы остались. Из конопли да шерсти тканые, крепкие.

Она кивнула внучке и вышла в боковую комнату, оставив их вдвоём. Даймон попытался натянуть рубаху, но рука предательски дрогнула, и он глухо застонал. Ила, до этого стоявшая в тени, решительно подошла ближе. В её глазах читалась не наивная жалость, а взрослая рассудительность и не по годам серьёзное понимание ситуации.

— Позвольте, Мастер Даймон... я помогу, — тихо, но твёрдо сказала она.

Девушка осторожно приняла из его рук грубую холщовую рубаху. Её пальцы, привыкшие к изнурительной деревенской работе, действовали удивительно нежно. Она придерживала ткань, пока Странник медленно продевал руки в рукава, стараясь не тревожить свежие бинты. Даймон чувствовал исходящий от неё запах лесного ветра и полевых цветов — так пахла жизнь, за которую он сражался всю свою сознательную карьеру.

Когда с рубахой было покончено, Ила помогла ему затянуть кожаный шнурок на воротах. Даймон ощутил, как к нему возвращается привычное чувство контроля. Пусть это была не его воронёная сталь, а простая крестьянская одежда местного образца, он снова чувствовал себя мужчиной, готовым к действию, а не беспомощной жертвой Разлома.

— Спасибо, Ила, — произнёс он, и на этот раз его взгляд был более тёплым. — Ты не только спасла меня, но и вернула мне достоинство.

Ила лишь слегка покраснела и отошла к окну, поправляя занавеску. Она видела его шрамы — старые и новые — и понимала, что перед ней человек, чья жизнь состоит из бесконечных битв с монстрами, посылаемыми через разломы.

В этот момент дверь приоткрылась, и в горницу просунулась лохматая голова младшего брата. Мика, несмотря на недавний страх перед утопами, уже сгорал от азарта и любопытства. Его язык без костей снова рвался в бой.

— Мастер Даймон, а вы правда не умрёте? — выпалил мальчишка, восторженно разглядывая преобразившегося воина. — А то Ватка сказал, что раз вы без меча, то вы теперь как обычный мужик, только шрамов больше!

Даймон усмехнулся. В этой детской прямолинейности было больше правды, чем в тех немногих ускользающих обрывках прошлого, что ещё метались в его изломанной памяти. Он

не помнил лиц пророков или имён королей, но само ощущение вечной лжи, которой его пичкали годы службы, осталось. Мальчишка же не лукавил.

— Меч — это всего лишь кусок заговорённой стали, Мика, — негромко произнёс Даймон. Его голос, хоть и надтреснутый, обрёл былую властность. — Странника делает не железо. Навыки остаются с тобой, даже когда память превращается в труху, а сам ты гол и безоружен.

Он сделал глубокий вдох, проверяя, как лёгкие справляются с воздухом, пропитанным пепельником. Регенерация работала: искра Странника внутри него уже начала латать самые опасные разрывы. Мышцы наливались привычной, хоть и пока ещё слабой силой.

— Значит, Ватка уже всю болтает? — Даймон прищурился, глядя на поникшую Илу. — И вся деревня теперь знает, что у вас в горнице лежит «беззубый» воин?

Ила виновато опустила глаза, теребя край фартука.

— Мика не со зла... Он хотел защитить нас. Ватка вечно задирает его, говорит, что мы с бабушкой Мартой только и умеем, что коренья в болоте собирать.

— Ватка... — Даймон повторил это имя, словно проверяя его на излом. — Сын того, кто считает себя здесь хозяином? Или просто местный задира, которому не терпится сунуть нос в чужой сарай?

— Он просто хвастун и бездельник, Мастер Даймон, — тихо ответила Ила. — Но за ним всегда ходят такие же, как он. Если они решат, что вы принесли в Глушь проклятие Разлома, шёпот быстро превратится в крик.

Даймон осторожно, стараясь не тревожить свежие шрамы, сделал первый шаг. Пол под ногами предательски качнулся, но он устоял. Навыки выживания, сохранившиеся вопреки амнезии, кричали ему: тишина в деревне — это плохой знак. Так затихает лес перед появлением Лиходея.

— Дай мне руку, Ила, — попросил он. — Нужно выйти на свет. Если я буду прятаться в сумерках избы, Ватка решит, что я действительно «обычный мужик», который боится собственной тени.

Девушка нерешительно подошла и подставила плечо. Даймон ощутил исходящий от неё запах свежего хлеба и полевых трав — запах жизни, которую он, по какой-то причине, поклялся защищать, даже если не помнил всех подробностей своего обета.

Даймон, опираясь на крепкое плечо Илы, сделал несколько шагов к выходу. Массивная дубовая дверь была приоткрыта, и в узкую щель пробивался запах сырой земли и утренней росы. Странник замер, прислушиваясь. Его чувства, обострённые годами выживания, работали безупречно, несмотря на провалы в памяти. Он ясно слышал сопение и шорох суконной куртки о доски забора с той стороны.

— Стой, — шепнул он Иле, слегка сжав её плечо. — Твой Ватка уже здесь. Прирос глазом к щели у калитки.

Мика, стоявший у порога, испуганно округлил глаза и хотел было попятиться, но Даймон едва заметно усмехнулся. В его голове, очищенной от лишних имён, созрел план. Он решил проучить задиру и заодно поднять авторитет пустозвона мелкого.

— Мика, подойди ближе, — велел Даймон, стараясь, чтобы его голос звучал достаточно громко для того, кто грел уши за забором. — Ты выполнил мой приказ? Достал те самые заговорённые кости из брюха Грохотуна?

Мальчишка застыл, не понимая, о чём речь, но, встретившись с подмигивающим взглядом Странника, быстро смекнул, что к чему. Ила лишь удивлённо приподняла бровь.

— Д-да, Мастер Даймон! — звонко выпалил Мика, расправляя плечи. — Всё как вы велели! Еле вырезал, такие они горячие были, чуть руки не спалил!

— Хорош, малец, — Даймон довольно хмыкнул, чувствуя, как за забором наступила мёртвая тишина. — Теперь слушай. Раз ты их добыл, то теперь ты — хранитель малого круга. Любой, кто на тебя посмотрит косо или, не дай бог, слово худое скажет, в тот же миг... —

Даймон сделал паузу для пущего эффекта, — покроется зелёной чешуёй утопа и начнёт квакать до следующего полнолуния. Понял?

— Понял! — Мика едва сдерживал торжествующий смех, поглядывая на забор. — А если Ватка захочет подраться?

— Ну, тогда ему придётся привыкать есть мух на болоте, — отрезала Даймон. — Иди, вынеси мусор за порог. И смотри, нечаянно не глянь в сторону забора, а то сглазишь кого-нибудь ненароком. Магия — штука тонкая, дураков не любит.

Мика, едва не лопааясь от собственной важности, схватил ведро и вразвалку направился к калитке. За досками послышался судорожный вздох, а затем — шумный топот убегающих ног и хруст ломаемых веток ивы. Ватка драпал так, будто за ним гналась вся свита Лиходеев.

Топот его сапог быстро затих в пыли единственной улицы Глуши, оставив после себя лишь облако оседавшей взвеси и звенящую тишину.

Ила коротко хмыкнула, закусив губу, чтобы не рассмеяться в голос. Она помогла Даймону развернуться и сделать несколько шагов обратно в глубь горницы. Мастер Даймон опустился на край лавки, его лицо было бледным, но в глазах застыло удовлетворение хищника, удачно расставившего ловушку. Мика, сияя как начищенный пятак, осторожно закрыл засов.

В этот момент массивная дверь боковой комнаты со скрипом отворилась, и на пороге появилась бабка Марта. Она обвела горницу подозрительным взглядом, почуяв, что за время её отсутствия атмосфера в избе круто переменялась.

— Ишь, расшумелись, — проворчала она, поправляя выцветший платок. — Один из Бездны только вынырнул, другие — уши развесили. А ну, живо за стол! Живот пустой — разум сонный, а нам сегодня ещё до заката дожить надо.

Даймон опустился на массивную дубовую скамью, чувствуя, как регенерация Странника жадно поглощает остатки сил после короткой вылазки к порогу. Бабка Марта, ворча под нос заклинания вперемешку с ругательствами, принялась за накрывание стола. Каждое её движение было отточенным, лишённым суеты, словно она совершала древний ритуал.

Она водрузила в центр стола закопчённый чугунок, и по горнице поплыл такой густой и дурманящий аромат, что у Мики звонко заурчало в животе. Это была похлёбка, настоящая на диком вепре, сдобренная сушёными кореньями и щедрой горстью пепельника. Рядом на стол лёг каравай грубого тёмного хлеба, ещё хранивший тепло печи, и плошка с крупной серой солью.

— Ешьте, — коротко бросила Марта, разливая варево по глубоким деревянным мискам. — В этом мире пустой желудок — лучший друг утопа.

Даймон принял миску. Горячий пар приятно коснулся лица, выбивая испарину на лбу. Первый же глоток обжёг горло, но тут же разлился по жилам живительным теплом. Похлёбка была наваристой, с привкусом хвои и земли; корень пепельника придавал ей едва уловимую горечь, которая мгновенно проясняла разум. Он ел молча, чувствуя, как магия трав и честная крестьянская еда латают его изнутри, возвращая «искре» былое сияние.

Мика уплетал за обе щеки, то и дело вылавливая из своей миски самые крупные куски мяса, а Ила ела медленно, чинно, изредка бросая на Даймона изучающие взгляды. В полумраке избы, под аккомпанемент мерного постукивания ложек, всё происходящее казалось Страннику странным сном. Ещё три дня назад он бился в когтях Грохотуна, а теперь сидел за одним столом с теми, кто вырвал его у смерти.

Когда с обедом было покончено, Марта решительно отодвинула свою миску и кивнула внукам.

— Всё, набили утробу — и будет. Пора и честь знать. Ила, Мика — забирайте корзины и ступайте к матери. Путь по главной улице хоть и недолог, а сумерки уже на пятки наступают. Лесная нечисть нынче чует слабость Грани и наглеет с каждым часом, нечего по темноте шастать.

Мика, всё ещё сияя как начищенный пятак после своей «победы» над Ваткой, важно выпятил грудь.

— Мы быстро, бабушка! Я теперь «хранитель костей», мне никакой Лиходей не страшен!

— Я тебе дам «хранитель», — пригрозила Марта ухватом, но в уголках её губ промелькнула тень улыбки. — Язык за зубами храни, вот твоя главная служба. Ступайте.

Ила, помедлив секунду у самой двери, тихо обернулась. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь щель в ставнях, подсветил её русую косу.

— Берегите себя... Мастер Даймон. Мы заглянем, как только сможем.

Дверь за ними закрылась, и в избе воцарилась та особенная, густая тишина, которая бывает только в домах, хранящих опасные тайны. Марта подошла к окну и задвинула кованный засов. Даймон, чувствуя, как по телу разливается живительное тепло после еды, медленно подошёл к стеклу.

Изба знахарки стояла на самом краю поселения, отделённая от остальных домов Глуши широким пустырьём. Вокруг дома колыхалось море высокой, седой травы, которая под вечерним ветром серебрилась, напоминая беспокойное море. Вдали, точно исполинская стена, темнел древний лес. Воздух за окном застыл, не колыхалась ни одна ветка — природа вокруг замерла, затаив дыхание. Небо на горизонте наливалось тревожным багровым цветом, а над самой кромкой деревьев Даймон заметил едва уловимое фиолетовое марево. Это был знак того, что где-то там реальность всё ещё кровоточит, а Разломы не затянулись до конца.

Марта подошла к полке и бережно сняла свёрток с Слезой Странника. Она положила артефакт на стол, и его сизое сияние, холодное и чуждое, пробилось сквозь охристую ткань.

— Ну, Странник, — она повернулась к нему, и её лицо в сумерках снова стало похожим на суровую восковую маску. — День к вечеру клонится. Пора нам с тобой о деле потолковать. Рассказывай всё, что помнишь, Даймон. Ибо тень, что ты принёс с собой, длиннее, чем ты думаешь.

Даймон не ответил. Он смотрел на Слезу, и в его изломанной памяти всплывали образы пылающих хуторов и разорённых поселений. Он чувствовал, как навыки выживания, сохранившиеся вопреки амнезии, заставляют его мышцы напрягаться.

— О какой тени ты говоришь, старая? — хрипло спросил он. — Я помню только бой и холод Разлома.

Марта медленно протянула руку к артефакту, но не коснулась его, а лишь замерла в дюйме от охристой ткани.

— Этой ночью, когда ты метался в бреду, а Ила меняла тебе повязки, случилось то, чего я не видела за все свои семьдесят зим. Стоило девчонке коснуться края стола, как твоя Слеза... она запела.

Марта медленно опустила руки на колени, и её лицо, изрезанное морщинами, в пляшущем свете Слезы показалось ликом древнего идола.

— Мой род, Даймон, пришёл в эти земли ещё до того, как первая тень Разлома коснулась этой земли, — начала она, и её голос стал глубоким, вибрирующим. — Мы были Ведуньями Польши. Нас гнали, нас жгли на кострах в больших поселениях, называя ведьмами, но мы знали истину: земля — это живое тело, а мы — её кровь. — В нашем роду из поколения в поколение передавалось Пророчество Оборванной Нити. В нём говорилось, что наступит время, когда небо расколется, точно гнилой орех, и из трещин потечёт фиолетовая желчь иного мира. Странники будут биться, пока их мечи не затупятся, а память не превратится в пепел. Но победа не придёт от стали.

Марта сделала паузу, и Даймон почувствовал, как в избе стало неестественно тихо. Даже сверчок за печью умолк.

— Пророчество гласит: «Когда последний Странник падёт на колени, а его камень замолчит, явится Дитя Тихой Воды. Она не будет знать закланий, но её кровь отзовётся на крик земли. Она возьмёт Слезу и согреет её своим дыханием, и тогда холод мироздания отступит».

Даймон нахмурился, его рука непроизвольно сжалась в кулак.

— Дитя Тихой Воды... — прошептал он. — Ты хочешь сказать, что Ила и есть та самая, о ком шептали твои бабки в полнолуние?

— Я не просто хочу сказать, я это видела, Даймон! — Марта подалась вперёд, и её глаза блеснули фанатичным огнём. — Когда она коснулась стола, Слеза не просто потеплела. Она признала её. Это итог всего нашего рода, Даймон. Века мы прятались в этой Глуши, передавая искру от матери к дочери, чтобы в самый тёмный час привести в мир ту, кто сможет закрыть Разломы навсегда.

Даймон посмотрел на артефакт. Сизое сияние теперь перемешивалось с золотистыми нитями, которые тянулись в сторону двери, за которой недавно скрылась девушка.

— Если Ила — итог пророчества, — Даймон поднялся, преодолевая боль, — то её жизнь теперь стоит дороже, чем все королевства этого мира. И мой долг как Странника теперь не просто закрывать дыры в реальности, а стать тенью этой девчонки.

Он посмотрел на Марту в упор.

— Но ты понимаешь, что пророчества часто пишутся кровью тех, о ком в них говорится? Она ещё ребёнок, Марта. Она боится утопов и верит в сказки. Как ты можешь обрекать её на это?

Марта горько усмехнулась, и по её щеке, похожей на пергамент, скатилась одинокая слеза.

— Судьба не спрашивает разрешения, Странник. Она просто наступает, как ночь. И теперь нам обоим придётся с этим жить.

Даймон долго молчал, вглядываясь в сизое марево, проступающее сквозь охристую ткань на столе. Слова знахарки упали в его сознание, как массивные камни в тёмную воду, окончательно пробивая брешь в «сером тумане» его памяти. Он не помнил имён королей, но Пророчество Оборванной Нити отозвалось в его груди глухим, вибрирующим эхом. Это было то, к чему его готовили всю его жизнь, даже если детали обучения стёрлись.

— Завтра, — Марта прервала тишину, и её голос обрёл стальную твёрдость, не свойственную старухе. — Завтра на рассвете я соберу здесь всю свою семью. Дочь мою, мать Илы, и самих детей. Настало время выложить все карты на этот дубовый стол.

Даймон нахмурился, чувствуя, как инстинкт Странника противится лишним свидетелям.

— Ты хочешь раскрыть правду обычным людям, Марта? Это может сломать их. Или превратить в мишени.

— В моём роду, Даймон, «обычных» людей не бывает, — отрезала она. — Мать девочки знает о тяготах нашей крови не меньше моего. Она всю жизнь прожила под сенью этого ожидания. Мы соберёмся, чтобы принять нелёгкое решение. Пришло время сказать им, что судьба дала знак: это именно тот случай. Это время Илы. Девочке пора познавать мир, принимая свою участь. Ибо если она не пойдёт навстречу своей доле, Разломы придут за ней сами.

Даймон молча кивнул. Он понимал: завтрашний рассвет разделит жизнь этой семьи на «до» и «после». Он чувствовал, как в воздухе избы сгущается магия, переплетаясь с запахом горького пепельника.

— А пока... — Странник медленно поднялся, чувствуя, как регенерация наконец-то вернула ему контроль над изломанным телом. — Мне нужно проверить снаряжение. Завтра мне понадобится не только слово, но и сталь.

Марта молча указала на дверь, ведущую во двор, и протянула ему кованый ключ.

Даймон вышел на крыльцо. Ночь в Глуши была неестественно тихой. Вокруг избы колыхалось море высокой, седой травы, которая в лунном свете казалась серебристой и мёртвой. Он пересёк двор, чувствуя, как обострились его чувства — он ощущал настороженное дыхание древнего леса и присутствие утопов в низинах, привлечённых пробудившимся светом Слезы.

Он толкнул массивную, скрипучую дверь сарая. Внутри пахло сухим сеном, пылью и озоном. Даймон отбросил слой соломы под старым вязом, обнажая своё добро. Его универсальный меч лежал прямо на сухой земле, но ни пыль, ни влага не коснулись его поверхности — магическая сталь сама отторгала любую грязь. Даже в полумраке сарая клинок испускал едва уловимое сизое мерцание, вторящее пульсации Слезы в избе.

Он коснулся рукояти. Холод металла был привычным, родным, и в этот миг он почувствовал, как меч отозвался на его прикосновение лёгкой, почти живой вибрацией. Рядом лежали его доспехи, изрубленные когтями Грохотуна, но всё ещё способные держать удар. Даймон начал методично проверять каждое сочленение, каждый кожаный ремешок, восстанавливая связь со своим прошлым через холодный металл.

Дверь сарая тихо скрипнула, и внутрь, кутаясь в шаль, вошла бабка Марта. Огонёк её масляного фонаря выхватил из темноты блеск стали и суровое лицо воина.

— Проверяешь своего «друга»? — негромко спросила она, останавливаясь у порога. — Я слышала, как он запел, когда ты его коснулся. Раньше он так не делал.

Даймон не обернулся, его пальцы продолжали ощупывать выщербины на нагруднике.

— Он изменился, Марта. Стал весомее и будто... злее. Будто бой в Каменной пади не закончился, а просто затих на время.

Марта подошла ближе, и её тень на стене сарая вытянулась, став похожей на скрюченное дерево.

— Искажение коснулось и его, Даймон. Магия Разлома — это яд, она пропитывает всё, до чего дотянется. Но твоя сталь выстояла. Это добрый знак для завтрашнего дня.

Даймон наконец поднял взгляд на знахарку. В его глазах, отражавших свет фонаря, не было ни страха, ни сомнений — только холодная решимость Странника.

— Иди в избу, Марта. «Тебе нужно отдохнуть перед рассветом», — произнёс он, и в его голосе снова прорезались властные нотки. — А я останусь здесь.

Старуха нахмурилась, собираясь возразить, но Даймон качнул головой.

— Так будет надёжнее. С моим мечом и доспехами я — часовой на стене. Если утопы или кто похуже решат заглянуть в Глушь, привлечённые светом Слезы, я встречу их первым. В избе я — раненый гость, здесь я — воин на посту.

Марта внимательно посмотрела на него, понимая, что спорить бесполезно. Навыки выживания и долг Странника были сильнее любой лихорадки.

— Твоя правда, соколик. Сталь к стали, а кости к костям. Спи на сене, оно нынче душистое, пепельником отдаёт.

Марта молча кивнула, оставила масляный фонарь на старом ящике и вышла, притворив массивную дверь. Скрежет засова прозвучал в тишине сарая как окончательный разрыв с миром живых и тёплых изб. Даймон остался один.

Он опустился на ворох сена, пахнувшего сухим летом и горьким пепельником, но не закрыл глаза. Его рука привычно легла на холодную сталь универсального меча, который в полумраке едва заметно пульсировал сизым светом, будто дышал в унисон с его собственным сердцем.

— Значит, пророчество... — негромко произнёс Даймон, и его голос потонул в шуршании соломы. — Дитя Тихой Воды.

Он посмотрел на свои ладони, огрубевшие от бесконечных схваток с монстрами, и почувствовал, как по жилам разливается гнетущая, свинцовая ответственность. Судьба, которую он

почти забыл в тумане амнезии, теперь навязывала ему новую роль. Он больше не был просто воином-одиночкой, закрывающим разломы по всему свету. Теперь он становился щитом для девчонки, которая ещё вчера боялась собственной тени в лесу.

— Ила... — он произнёс её имя вслух. Оно звучало мягко, совсем не так, как имена героев из тех обрывков памяти, что ещё металось в его голове. — Ты даже не представляешь, какую ношу на тебя взвалили твои предки. И каким неразрывным узлом стянули мою судьбу с твоей.

Даймон понимал: впереди их ждут не просто дороги через хутора и заброшенные поселения. Их ждёт путь через самую преисподнюю, где реальность крошится под ногами, а твари из враждебного мира чувствуют свет Слезы за сотни вёрст. Ему придётся учить её убивать, прятаться и не доверять никому, кроме него самого. Он должен будет стать её глазами там, где магия ослепляет, и её рукой там, где рука дрогнет от страха.

— Ила, я — тот замок, который придётся взломать всему этому проклятому миру, чтобы добраться до тебя.

Он поудобнее устроился на сене, чувствуя, как регенерация окончательно завершает свою работу, превращая боль в тупое нытьё. Навыки выживания подсказывали ему: завтрашний рассвет принесёт не только правду, но и начало конца его спокойной, хоть и забытой жизни. Он готов был встретить любые приключения, будь то орды утопов или коварные игры богов, лишь бы сталь в его руке не подвела в самый ответственный миг.

Ночь в сарае тянулась медленно, наполненная шорохами и далёким, едва слышным гулом Грани. Даймон заснул чутким сном часового, сжимая рукоять меча, готовый вскочить при первом же подозрительном звуке.

Рассвет прорезал щели сарая тонкими золотыми спицами. Даймон открыл глаза за мгновение до того, как первая птица подала голос в Глуши. Его тело, напитанное магией знахарки и усиленное регенерацией Странника, отозвалось привычной, сухой готовностью. Сон не принёс забвения, но вернул телу былую власть над мышцами.

Он поднялся с сена, и сталь его универсального меча, лежащая рядом, негромко звякнула, приветствуя хозяина. Утро началось не с молитвы, а с работы. В душном полумраке сарая Даймон заставил свои мышцы вспомнить всё: серию резких выпадов, обманных движений и глухих блоков. Раны на груди ещё подвывали, напоминая о когтях Грохотуна, но с каждым движением кровь разгоняла остатки слабости. К тому времени, как яркое летнее солнце полностью выкатилось из-за стены древнего леса, тренировка была закончена.

Даймон нашёл во дворе бадью с водой, стоявшую в тени старого вяза. Вода была прохладной, пахнувшей деревом и прелой листвой. Он долго умывался, чувствуя, как влага окончательно стирает следы лихорадки и ночных кошмаров. Глядя в тёмное зеркало воды, Даймон просто привёл себя в порядок, жёстко огладив лицо ладонями и убрав со лба спутанные после сна волосы. Его лицо, чистое и резко очерченное, теперь выражало лишь холодную решимость воина.

Когда он вошёл в избу, он больше не напоминал того изломанного мертвеца, которого привезли дети. Собранный, с жёстким, прямым взглядом, в подпоясанной крестьянской рубахе, под которой угадывалась мощь тренированного бойца, он был готовый к дороге.

В горнице уже кипела жизнь. Бабка Марта, суется у печи, копошилась, расставляя на столе массивные глиняные кружки и раскладывая свежий хлеб. Её движения были резкими, нервными — она готовилась к самой важной встрече в своей жизни. Слеза Странника на полке была плотно укрыта охристой тканью, но Даймон кожей чувствовал её нетерпеливую пульсацию, которая, казалось, усиливалась с каждой секундой.

— Проснулся, соколик... — Марта мазнула по нему взглядом и замерла, поражённая переменой. Теперь перед ней стоял не «больной», а настоящий Странник, чья искра разгоре-

лась в полную силу. — Вижу, сталь твоя окрепла. Негоже воину в тени прятаться, когда Пророчество на пороге стоит.

Она на мгновение замерла, вглядываясь в суровое лицо Даймона, а затем её взгляд смягчился.

— У меня для такого случая кое-что припасено. Ждало своего часа дольше, чем я живу на этом свете.

Старуха, натужно кряхтя и опираясь на низкую притолоку, ушла в дальний угол избы, где под старым пологом скрывался глубокий, обитый медью сундук. Даймон слышал массивный скрежет замка и возню, а через минуту Марта вернулась, неся в руках длинный предмет, бережно обёрнутый в серую мешковину.

— Вот, — она протянула свёрток воину. — Это ножны для твоего меча. Настоящие, из времён былых побед и великих походов, когда Странники не прятались по лесам, а в открытую входили в города.

Даймон принял подарок. Под грубой тканью оказалась старая, но невероятно крепкая кожа, усиленная пластинами из тёмного, матового металла. Конструкция была сложной: широкие кожаные ремни позволяли надёжно крепить их за спину, как раз так, как привыкли те, кто проводит в пути долгие месяцы.

— Эти ножны не простые, — прошептала Марта, пока Даймон примерял обновку. — Старые мастера знали своё дело. Они отведут лишние взгляды, помогут спрятать меч и от людской зависти, и от не людской злобы. Для обычного глаза это будет просто старая железка за плечом бродяги, а не гроза монстров.

Даймон вложил свой универсальный меч в ножны. Оружие вошло в них без единого звука, словно сталь вернулась домой после долгого изгнания. Вес меча распределился идеально, не стесняя движений и оставляя руки свободными.

— Подарок, кстати, Марта, — глухо произнёс Даймон, поправляя ремень на груди. — Перед долгим путешествием такая защита стоит дороже золота. Спасибо.

Марта не спешила возвращаться к столу. Она снова зашуршала чем-то в недрах своего сундука, и на этот раз, когда она выпрямилась, в её руках был старый увесистый мешочек из потёртой кожи, перетянутый пеньковой верёвкой. При каждом её движении изнутри доносился глухой, приятный сердцу любого путешественника металлический звон.

— И вот ещё, возьми в дорогу, — проскрипела она, вкладывая мешочек в мозолистую ладонь Даймона. — Дед мой, царство ему небесное, копил когда-то. Собирал монету к монете, всё думал — пригодится на чёрный день.

Даймон прикинул вес на ладони. Сумма была неважной для того, кто привык распоряжаться судьбами миров, но для беглецов в диких землях это была цена многих недель сытой жизни.

— Нам здесь они без надобности особо, — Марта махнула рукой в сторону окна, где за пустырём начиналась Глушь. — Лес кормит, земля поит, река рыбой делится. Хватает нам. Да и деревня наша от больших торговых дорог далеко стоит, тратить эти кругляши здесь особо некогда, да и не на что. А вам в долгом путешествии ох как сгодятся. У каждого трактирщика и паромщика за Гранью совесть только золотом да серебром отмывается.

— Спасибо, Марта, — негромко произнёс он. — Ты даёшь мне больше, чем просто сталь и монеты. Ты даёшь нам шанс.

Даймон убрал увесистый кошель во внутренний карман новой куртки и поправил ремень ножен за спиной. Весомость меча теперь ощущалась иначе — как естественное продолжение его собственного тела. Он стоял у окна, наблюдая, как утреннее солнце золотит кроны старых вязов.

Дверь избы, которую Даймон оставил незапертой после возвращения из сарая, тихо скрипнула и распахнулась шире. В горницу вошли двое. Ила шла первой, её русая коса была

переплетена туго, по-дорожному, а взгляд, обычно мягкий, теперь светился странной, лихорадочной решимостью.

Следом вошла её мать — Елена. Она куталась в тёмный плат, и её лицо, хранившее следы былой красоты, казалось бледной маской в утреннем свете.

Мику оставили дома. Мать настояла на этом: не дело десятилетнему «горе-герою» видеть слёзы и слышать тайны, которые могут раздавить детское сердце.

Даймон, стоявший в тени у окна, сразу почувствовал перемену. В избе запахло не только пепельником, но и солью выпланных за ночь слёз. Всю ночь Елена рассказывала дочери о древнем роде Ведуний Полыни, о пророчествах, которые они хранили веками, и о том, что их тихая жизнь в Глуши была лишь долгим ожиданием этого самого утра.

— Мы пришли, мама, — тихо произнесла Елена, обращаясь к Марте, но её глаза невольно метнулись к Даймону.

Женщина вздрогнула, увидев его при полном снаряжении. В её взгляде смешались первородный страх и обречённое понимание: судьба дала знак, и этот знак вооружён и готов к путешествию.

Ила же, вопреки ожиданиям, не плакала. За одну ночь она повзрослела на целую жизнь. Страх перед монстрами и неизвестностью всё ещё жил в глубине её зрачков, но осознание того, что теперь она будет путешествовать, странным образом брало верх над непониманием предстоящих приключений. Она смотрела на Даймона уже не как на раненого бродягу, а как на проводника в новый мир с его суровыми законами и порядком.

— Я готова, Мастер Даймон, — голос Илы прозвучал на удивление твёрдо. Она подошла к столу, где под охристой тканью пульсировала Слеза Странника. — Мама всё рассказала. Если я — та, кого ждал этот камень, то я приму свою участь.

Даймон вышел из тени, и солнечный луч ярко осветил его шрамы и холодную сталь за плечом.

— Познавать мир — это не сказка, Ила, — негромко произнёс он. — Это холодные ночи, голод и постоянное ожидание удара из Разлома.

Ила подняла голову, и её взгляд встретился со взором Странника.

— Я знаю. Но я лучше встречу свою долю в пути, чем буду ждать, пока тень сама придёт в наш дом.

Марта оперлась о край стола и обвела взглядом притихшую семью. Напряжение в избе стало почти осязаемым, плотным, как смола старого бора.

— Хватит речей на пустой желудок, — проскрипела старуха, указывая на скамьи. — Садитесь. Перед долгим путешествием нужно тело напитать, а не только дух.

Они сели. Даймон ел быстро и сосредоточенно, восстанавливая силы — навыки выживания не позволяли ему пренебрегать пищей перед выходом в неизвестность. Елена почти не притрагивалась к еде, лишь молча смотрела на дочь, будто пытаясь запомнить каждую черту её лица в слабом утреннем свете.

— Слушай меня внимательно, Мастер Даймон, — Марта подалась вперёд, понизив голос до шёпота. — Путь ваш из Глуши должен лежать на север, в соседнее поселение — в Вербный Посад. Там, в уединённом доме у старой запруды, живёт моя младшая сестра Аглая.

Даймон перестал жевать и поднял на знахарку взгляд своих глаз цвета штормового неба.

— У неё хранится наше семейное сокровище, — продолжила Марта, и её лицо в тенях горницы стало похожим на восковую маску. — Старинный магический посох, передающийся в нашем роду именно для такой нужды. Аглая знает: когда время придёт и она увидит на пороге таких неожиданных гостей, как ты и Ила, она поймёт — час настал.

Даймон нахмурился, поправляя ремень новых ножен на груди.

— Посох? Девчонка и так будет мишенью из-за Слезы, а ты хочешь вручить ей ещё и заметный артефакт?

— Слушай и не перебивай, Странник, — отрезала Марта. — Сам по себе этот посох — лишь верный помощник для путника в пути, крепкая опора из морёного дуба, не привлекающая лишних глаз. Но он был создан как оправа. Если вставить в него твою Слезу, он превратится в мощное магическое оружие. Он поможет Иле направить её пробуждающуюся силу и защитит там, где обычная сталь бессильна. Без камня он скроет её дар, с камнем — станет грозой для любого монстра из Разлома.

Ила посмотрела на свои ладони. Осознание того, что её ждёт не просто бегство, а обретение силы, заставило её сердце биться чаще. Любопытство к приключениям теперь боролось в ней с пониманием ответственности.

— В Вербный Посад, — повторил Даймон, запечатлевая маршрут в своей памяти. — Значит, выступаем, как только соберёмся.

Бабка Марта внезапно замерла, хлопнув себя сухой ладонью по лбу.

— Ох, старая я корюшка, память совсем утопы проели! — заворчала она, сердито ругаясь на саму себя и прихлёбывая остывший отвар. — Всё в кучу свалила, а про главное чуть не забыла.

Она снова заковыляла к своему медному сундуку, гремя ключами и что-то бормоча под нос о «дырявой голове». Через минуту Марта вернулась, сжимая в кулаке тонкую, но невероятно крепкую вещицу. Это была оправа-плетёнка (или, как называли её в старину, колыбель для камня), сработанная из тончайших полосок сыромятной кожи, переплетённых с серебряной нитью.

— Вот, — Марта протянула Иле кулон на длинном шнурке. — Чтоб артефакт по карманам не совать и в посох по привычке сразу не вставлять. Вставишь Слезу сюда, затянешь узлы — и на шею.

Даймон внимательно наблюдал, как Ила дрожащими пальцами вкладывает сферу в кожаную «колыбель». Как только узлы затянулись, сизое сияние внутри мутного стекла послушно притухло, став почти невидимым для постороннего глаза.

— Под рубахой носи, у самого сердца, — наставляла Марта, помогая внучке надеть украшение. — Оправа эта не простая, она от чужого глаза скроет не хуже морока. Пока ты её рукой не коснёшься или силу не позовёшь, никто и не поймёт, что на тебе не обычная побрякушка, а частица иного мира. Так надёжнее: и артефакт при тебе, и дураков лишних не дразнишь.

Ила опустила кулон под ворот дорожной рубахи. Даймон заметил, как по телу девушки прошла лёгкая дрожь, а её лицо на миг осветилось мягким золотистым светом, который тут же погас под плотной тканью.

— Хорошая вещь, — одобрил Даймон, поправляя лямку своих новых ножен. — В пути кулон надёжнее сумки. Теперь мы действительно готовы.

Елена подошла к дочери и крепко обняла её, не в силах больше сдерживать слёзы. В избе воцарилась та гнетущая минута прощания, когда все слова уже сказаны, а впереди ждёт только неизвестность.

Они вышли на крыльцо. Солнце уже поднялось выше, выжигая утреннюю росу на серебристом море травы. Глушь просыпалась: где-то вдалеке лениво пролаяла собака, донёсся скрип колодезного журавля. Но здесь, на отшибе, у дома знахарки, воздух казался застывшим.

— Пой, Мастер Даймон, — тихо произнесла Елена, выходя вперёд. В её руках был свёрток из массивной, тёмно-серой шерсти. — Бабка ножны дала, а я вот... плащ тебе припасла. С капюшоном глубоким, чтоб ни дождь, ни дурной глаз не достали.

Она развернула подарок, помогая Даймону накинуть его на плечи. Под прямыми лучами утреннего солнца, пробивавшимися сквозь распахнутую дверь, тёмная сталь доспеха Даймона снова, как и вчера в избе, едва заметно «задышала». По изрубленным пластинам пробежала лёгкая рябь, окончательно выравнивая последние следы когтей Грохотуна. Металл Странника, напитавшись светом, замер, становясь гладким и безжизненным на вид.

Даймон закрепил весомую бронзовую фибулу. Теперь плащ полностью скрывал и обновлённую броню, и универсальный меч в новых ножнах. Он выглядел как суровый путник, каких сотни на дорогах между поселениями, и лишь жёсткий взгляд выдавал в нём хищника.

— Спасибо, Елена, — Даймон коротко кивнул. — Внимательный глаз — залог долгой жизни в пути.

Даймон первым спустился со ступеней, его сапоги мягко примяли пыль двора. За его спиной, под серым плащом, спал универсальный меч. Ила, закинув за плечо сумку со скарбом, сделала свой первый шаг за порог. Она обернулась лишь раз, чтобы увидеть, как мать и бабушка стоят на крыльце, провожая их взглядами, полными немой мольбы.

Они не пошли по главной улице, где мог встретиться вездесущий Ватка. Ила кивнула Даймону в сторону заброшенных гумен.

— Сюда, Мастер Даймон. Так короче и безопаснее.

Она повела его узкой тропой через зады, мимо старых сараев, прямо к кромке древнего леса. Там, где заканчивались последние огороды и начиналась дикая вольница, Ила остановилась.

Даймон посмотрел на восток, где над горизонтом дрожало фиолетовое марево Разлома.

— Обратной дороги не будет, Ила, — произнёс он, не оборачиваясь. — С этого мига твоя жизнь — это дорога. Твой дом — это костёр. А твоё имя — это легенда, которую нам ещё предстоит дописать.

Ила коснулась ладонью Слезы, пульсирующей под рубахой в такт её учатившемуся сердцу. Страх никуда не ушёл, но вместе с ним в её груди разгоралось то самое детское любопытство, ставшее теперь её новой силой.

— Я знаю, Мастер Даймон, — тихо ответила она. — Ведите.

И они шагнули под сень вековых сосен, растворяясь в зелёном сумраке леса. Впереди их ждал Вербный Посад, магический посох и целый мир, который ещё не знал, что его судьба теперь висит на кожаном шнурке на шее деревенской девчонки.

Конец 2 главы.

Глава 3.

Маяк для теней

Солнце стояло в зените, но под сводами древнего леса, что отделял Глушь от северных трактов, царил вечный полумрак. Прошло уже больше пяти часов с тех пор, как Ила в последний раз видела покосившиеся заборы родной деревни. Теперь её миром стали гигантские вязы и дубы, чьи кроны переплелись так плотно, что небо, казалось, лишь редкими осколками мутно-голубого хрустала.

Лес здесь был иным, нежели на обжитых окраинах. Если в Глуши деревья казались спящими великанами, то здесь они были бодрствующими хищниками. Стволы покрывал лишайник цвета запёкшейся крови, а в воздухе стоял густой, сладковатый запах прелой листвы и чего-то едкого, напоминающего жжёную кость — верный признак того, что где-то глубоко под корнями затаилось Искажение.

Даймон шёл впереди, не сбавляя темпа. Его шаги были расчётливыми: он обходил участки с «седой травой» — тонкими, белёсыми стеблями, которые вспыхивали ярким пламенем, стоило на них наступить. Серый плащ Елены, накинутый поверх живого доспеха, изрядно запылел, но Странник, казалось, не замечал усталости. Его рука то и дело ложилась на рукоять меча, проверяя, легко ли клинок выходит из новых кожаных ножен.

— Ноги гудят... — тихо произнесла Ила, вытирая пот со лба.

Она на мгновение остановилась, прислонившись плечом к стволу старой осины. Девушка осторожно поправила ворот плотной льняной рубахи. Там, под одеждой, в кожаном кулоне-

оправе, покоилась Слеза Странника. Артефакт ощутимо тянул шею, пульсируя тяжёлым, багровым теплом.

Даймон замер в паре шагов впереди. Он не обернулся сразу, но Ила заметила, как напряглись его плечи под серым плащом. Наконец, он медленно повернулся.

— Мастер Даймон... — позвала она. — Почему он стал таким тяжёлым? В Глуши, когда мы его прятали, он казался просто камнем.

Странник посмотрел на неё своим тяжёлым взглядом. Он знал, что Ила на пределе, но останавливаться здесь было нельзя.

— Потому что здесь его больше ничего не сдерживает, Ила, — ответил он, и его рука легла на эфес Универсального меча. — В деревне была защита Марты. А здесь — Искажение. Лес болен, и Слеза чувствует каждую «занозу» в реальности. Она тратит силу, чтобы закрыть нас невидимым щитом. А жизненную искру для этого она черпает из тебя.

Ила сглотнула, чувствуя, как под пальцами через ткань рубахи пульсирует камень. Она вспомнила слова бабки о том, что большая сила требует большой платы.

— Значит, я теперь вроде как... источник для него, Мастер Даймон? — спросила она, пытаясь выровнять дыхание.

— Ты — Хранительница, — отрезал он. — А щит здесь я. Ешь на ходу. Нам нельзя долго стоять на одном месте. Лиходеи любят тех, кто замирает. Для них это признак того, что жертва готова сдаться.

Он протянул ей кусок жёсткого вяленого мяса. Ила приняла его, чувствуя, как от одного лишь взгляда воина в ней просыпается упрямство. Она не хотела быть обузой.

Они двинулись дальше. Лес становился всё гуще. В какой-то момент Иле показалось, что один из сухих дубов за её спиной медленно повернул ветку, указывая в их сторону.

— Мастер Даймон, — прошептала она, не вынимая руки из-под воротника. — Он близко. Я чувствую его... он пахнет старой корой и холодом.

Даймон не ответил, но Ила услышала тихий щелчок — это меч вышел из ножен на пару дюймов, обнажая край лезвия, по которому побежали первые синие искры.

Однако Странник не бросился вперёд. Его рука, державшая эфес, замерла. Он не сменил темпа, продолжая идти с той же размеренной, бесшумной походкой, но его тело напряглось, как натянутая тетива. Взгляд Даймона не метался по сторонам, а методично сканировал средний ярус леса — там, где кривые сучья переплетались в естественные засады.

— Мастер Даймон, почему мы не бежим? — едва слышно прошептала Ила, стараясь попадать точно в его след, избегая хрустких веток.

— Бегство для Лиходея — это сигнал к охоте, — так же тихо отозвался он. — Мы идём как хозяева, а не как добыча. Пока ты не достала Слезу, он видит лишь смутный контур силы. Он сомневается.

Они прошли ещё около сотни шагов. Воздух здесь стал тяжёлым, застоявшимся, словно в старом склепе. Ила заметила, что птицы окончательно смолкли, а вместо них из-под корней доносилось странное, ритмичное прищёлкивание. Это не был звук живого существа — скорее так трещит дерево под напором сильного ветра, но ветра в лесу не было.

Даймон на ходу чуть ослабил завязки плаща у горла. Под серой тканью его живой доспех начал приходить в движение: чешуйки на предплечьях и груди бесшумно перестраивались, уплотняясь в тех местах, где удар мог быть наиболее вероятен. Странник готовился к бою методично, без лишней суеты, как мастер, знающий цену каждой секунды.

— Ила, слушай меня внимательно, — его голос был едва различим. — Когда он ударит, не смей оборачиваться. Твоя задача — держать артефакт под одеждой. Если почувствуешь, что камень жжёт — вспоминай заговоры Марты. Любой шёпот на застой крови или на отвод глаз, которому она тебя учила. Наполни этим шёпотом свою голову, чтобы не слышать его ложь.

Девушка крепче сжала ворот рубахи, чувствуя, как под пальцами кулон становится ледяным. Она видела, как Даймон плавно вытягивает меч из ножен. Синие искры на зеркальной стали начали складываться в древние знаки, пробуждаясь вблизи Искажения.

Впереди, меж двух сросшихся берёз, туман внезапно стал густым. В этой белизне проступил высокий, невероятно худой силуэт. Существо стояло неподвижно, его пальцы-ветви чуть подрагивали.

— Ила... — раздался из тумана голос, от которого у девушки подкосились ноги. Это был голос её матери, тихий и ласковый, каким он был в её редких снах. — Доченька, зачем ты ушла в такую глушь? Вернись... здесь так холодно...

Ила замерла, и её сердце на мгновение перестало биться. Голос матери, который она почти позабыла, прозвучал так чисто, будто та стояла прямо за завесой тумана. Девушка невольно сделала шаг вперёд, и её пальцы сами потянулись к вороту рубахи, желая нащупать спрятанную Слезу, чтобы согреться её светом.

— Стой! — Голос Даймона ударил, как хлыст. — Это не она. Это гниль, говорящая через старое дерево.

Он не оборачивался, но его рука в кожаной перчатке резко перехватила плечо Илы, возвращая её в реальность. Синие искры на его мече вспыхнули ярче, освещая мертвенно-белый туман.

— Шепчи, Ила! — приказал он, и его живой доспех под плащом напрягся, чешуйки на спине встали дыбом, предчувствуя атаку. — Вспоминай, что говорила Марта о туманном мороке!

Ила зажмурилась, стараясь вытравить из головы ласковый зов. Она прижала ладонь к груди, чувствуя через ткань рубахи ледяной холод артефакта. Губы её задрожали, и она начала быстро, сбиваясь, нащёптывать старый заговор знахарки:

— Трава-мурава, очи омой, морок долой... сок земной в жилы, ложь — в могилы... не слышу чужого, вижу своё...

С каждым словом заговора голос матери становился всё тише, превращаясь в неприятный, сухой скрип трущихся друг о друга ветвей. Ила открыла глаза. Туман перед ними перестал быть уютным убежищем; теперь она видела, как в белой пелене извиваются узловатые, длинные пальцы Лиходея, тянущиеся к ней.

— Он идёт, — прошептала она, и её страх перерос в холодную решимость.

— Вижу, — отозвался Даймон.

Странник сделал шаг навстречу существу. Его Универсальный меч теперь сиял ровным лазурным светом, который резал туман, как масло. Лиходей издал разочарованный хрип. Поняв, что морок не сработал, монстр сбросил маску. Его тело, высокое и иссохшее, напоминающее обрубок древнего дуба, резко дёрнулось. Из-под земли в паре футов от Илы с глухим треском вырвались чёрные, похожие на змей корни.

— Мастер! Снизу! — вскрикнула она.

Странник среагировал мгновенно. Он не стал рубить корни у ног девушки — он знал, что Лиходей черпает силу из земли. Даймон совершил стремительный выпад вперёд, сокращая дистанцию. Его меч описал широкую дугу, и зеркальная сталь с сочным хрустом вошла в древесную плоть монстра.

Лиходей содрогнулся, но не рухнул. Вместо этого из раны, нанесённой зеркальной сталью, вырвался не крик, а свистящий выброс едкого пара. Тварь, вопреки ожиданиям Илы, не ослабла. Напротив, чувствуя смертельную угрозу, монстр перестал подражать человеку. Его тело начало стремительно меняться: сухие ветви на спине удлинились, превращаясь в гибкие хлысты, а пальцы-корни ещё глубже ушли в землю, выкачивая из неё жизненные соки леса для мгновенного исцеления.

— Он заживает! — вскрикнула Ила, видя, как края глубокого разруба на груди монстра стягиваются чёрными волокнами смолы. — Мастер Даймон, заговор не справляется, он слишком силён!

Даймон стиснул зубы. Он чувствовал, как живой доспех под плащом начал мелко вибрировать, передавая ему тревогу артефакта. Доспех требовал больше энергии, чем Странник мог дать ему сейчас, едва оправившись от ран Грохотуна. Чешуйки на предплечьях воина сжались так плотно, что кожа под ними начала неметь.

— Он присосался к жиле Разлома под этим деревом, — бросил Даймон, уходя перекатом от свистящего удара древесного хлыста.

Хлыст снёс верхушку молодого клёна рядом с ним, превратив древесину в щепки. Лиходей наступал, его шаги заставляли землю подрагивать. Тварь поняла, что перед ней не просто добыча, а извечный враг — Странник.

— Ила, кулон! — рявкнул Даймон, отбивая очередную атаку. Искры от столкновения зеркальной стали и окаменевшей коры Лиходея веером разлетелись по туману. — Не доставай его, но прижми ладонь плотнее! Мне нужно, чтобы ты «отравила» почву своей волей через Слезу. Перекрой ему доступ к корням!

Девушка, дрожа от напряжения, обеими руками вцепилась в спрятанный под рубахой артефакт. Камень под тканью жёг ладони ледяным пламенем. Она зажмурилась, пытаясь представить, как чистота Слезы втекает в землю, превращая живительные соки в горькую полынь для монстра.

— Земля — крепись, корень — свяжись... чужому не пей, нашему не жалея... — шептала она, вкладывая в слова всё своё упрямство.

Лиходей внезапно замер. Его тело мелко затряслось, а чёрная смола, сочившаяся из ран, начала пузыриться. Тварь издала низкий, утробный рык. Ила почувствовала, как через артефакт в неё ударила волна чужой, злобной ярости.

— Он злится, Мастер! — крикнула она, чувствуя, как силы покидают её тело, утекая в камень. — Я не смогу долго его держать!

Даймон увидел свой шанс. Его оружие вспыхнуло ослепительным лазурным светом, реагируя на выброс энергии из Слезы. Странник припал к земле, готовясь к решающему рывку. Но Лиходей, поняв, что землю больше не кормит его, пошёл на отчаянный шаг: он начал вырывать собственные корни из почвы, увеличиваясь в размерах и превращаясь в бесформенную гору движущихся сучьев и коры.

Когда монстр вырвал свои корни из земли, он обрёл пугающую мощь и рост, но лишился главного — неисчерпаемой подпитки леса. Теперь он был просто огромным куском старой, больной древесины, который можно было срубить.

— Сейчас, Ила! — прорычал Даймон.

Странник рванулся вперёд. Его живой доспех под серым плащом сработал на пределе: чешуйки на ногах воина сжались, придавая его прыжку невероятную силу и скорость. Он взлетел в воздух, проносясь над извивающимися корнями-хлыстами, которые пытались перехватить его в полёте.

Ила, чувствуя, что её силы на исходе, выкрикнула последнее слово заговора, почти вдавливая Слезу в свою плоть через ткань рубахи. В этот миг артефакт отозвался — мощная волна чистого, холодного света ударила из-под её одежды. Свет не ослепил героя, но для Лиходея, порождения тьмы и гнили Разлома, он стал невыносимым. Монстр на мгновение замер, его древесная челюсть бессильно отвисла.

Этого мгновения Мастеру Даймону хватило.

В воздухе его меч описал ослепительную дугу. Зеркальная сталь, усиленная лазурным сиянием, вошла в то место, где у Лиходея должно было быть сердце — в сплетение пульсирующих чёрных жил в самом центре его груди.

Раздался звук, похожий на удар молнии в вековое дерево.

Даймон приземлился на одно колено, тяжело дыша, и не оборачиваясь, вогнал меч в землю, используя его как опору. За его спиной Лиходей начал стремительно меняться. Его огромная туша не просто упала — она начала рассыпаться. Древесина серела и превращалась в пепел прямо на глазах, а чёрная смола испарялась едким, вонючим дымом.

Через несколько секунд на месте монстра осталась лишь куча гнилой трухи и несколько обломков сухих веток. Туман начал медленно рассеиваться, и в лес вернулись первые звуки — далёкий, осторожный стук дятла.

Ила обессиленно опустилась на колени, тяжело дыша. Рука её всё ещё лежала на груди. Кулон под рубашкой медленно остывал, возвращаясь к своему обычному состоянию.

— Всё... — выдохнула она, глядя на широкую спину Странника. — Мы его... победили?

Даймон медленно поднялся и одним резким движением стряхнул с зеркальной стали остатки чёрной жижи, прежде чем убрать клинок в ножны. Щелчок металла о кожу прозвучал в наступившей тишине особенно веско. Он обернулся, его лицо было бледным, а живой доспех под плащом медленно «успокаивался», возвращаясь в спящее состояние.

— На этот раз — да, — сухо ответил Странник, подходя к девушке и протягивая ей руку. — Ты справилась, Ила. Без твоего шёпота я бы рубил это отродье до самого заката, пока не упал бы за смертью.

Она доверилась его крепкой руке, едва ощущая под собой почву от слабости в ногах. Внутренняя пустота после резонанса со Слезой была пугающей — будто артефакт выпил не просто силы, а саму её жизненную искру. Девушка поспешно поправила ворот льняной рубахи, убеждаясь, что кожаный кулон-оправа надёжно скрыт. Камень под тканью теперь был неподвижным и холодным, как могильный лёд.

— Мастер Даймон, нам нельзя здесь задерживаться, — тихо произнесла она, узнавая в наступающих сумерках характерные изгибы каменистой гряды. — Запах палёной смолы и свет камня приманят тех, кто поменьше. Утопы уже чуют нас.

Воин посмотрел на горизонт, где небо наливалось тревожным багровым цветом, а затем перевёл взгляд на бледное лицо спутницы. Его память, похожая на разбитое зеркало, по-прежнему была слепа к местным тропам.

— Веди, — коротко бросил он, поправляя серый плащ, скрывающий его броню. — Ты здесь карта, Ила. Моё дело — чтобы эта карта уцелела. Если мы не найдём убежище до темноты, артефакт на твоей шее станет маяком для всех теней в округе.

Ила глубоко вдохнула, стараясь унять дрожь в коленях. Она указала рукой чуть левее, в сторону заросшего орешником склона.

— Нам нужно к Ведьминому логу. Там тропа каменистая, Лиходеи её не любят — корни в скалы не воткнёшь. До темноты доберёмся до старой охотничьей стоянки. Там и заночуем. Бабуля говорила там безопасно.

Они двинулись в путь. Прошло около двух часов с момента схватки. Солнце окончательно скрылось за кронами, оставив лишь призрачный синий сумрак. Ила шла впереди, её шаги стали твёрже — она знала этот лес по рассказам бабки, и сейчас это знание было не менее важным, чем зеркальный клинок за спиной её спутника. Даймон следовал за ней молчаливой тенью, его чувства были натянуты, как тетива.

Девушка то и дело оглядывалась на Мастера, чья фигура в сумерках казалась частью самого леса. Его серый плащ сливался с тенями, и лишь тихий, ритмичный шорох живого доспеха под тканью выдавал его присутствие.

Даймон лишь молча кивнул, его мозолистая ладонь неизменно покоилась на рукояти зеркального клинка, готовая в любой миг обнажить сталь. Он чувствовал, как лес вокруг меняется: на смену яростному шёпоту Лиходея пришла глубокая, выжидающая тишина. Сумерки

сгустились настолько, что очертания деревьев стали расплывчатыми, превращаясь в причудливых застывших великанов.

Они шли в полном молчании. Слышен был лишь шорох листвы под сапогами и редкое, тяжёлое дыхание Илы — артефакт под рубахой продолжал тянуть из неё силы, и каждый шаг давался девушке с трудом. Она ориентировалась по старым знакам: надломленной ветке, особому изгибу скалы или расположению мха.

Последний участок пути пролегал через узкую каменистую грядку. Здесь лес окончательно отступил, открывая путь к невысокому скальному выступу. Впереди показался зев небольшого грота, окружённого кольцом странно гладких, серых камней. Даймон замер на пороге, приложив руку к одному из валунов. Тот не был ледяным — от камня исходила едва уловимая вибрация покоя, совершенно чуждая хаосу Разломов.

— Твоя бабка не врала, — негромко произнёс Странник, убирая руку. — Здесь безопасно. Эти камни помнят мир таким, каким он был до того, как его начали кромсать Искания.

Ила буквально рухнула на сухую подстилку из листьев, привалившись спиной к прохладной стене грота. Весь груз событий этого дня — от прощания с домом до первой крови Лиходея — навалился на неё неподъёмным грузом.

— Пришли... — выдохнула она, закрывая глаза. — До Вербного Посада осталось не больше десяти вёрст по прямой, если завтра перевал перейдём. К обеду точно будем на месте.

Ила не сразу нашла в себе силы подняться. Только когда холод камня начал пробираться сквозь одежду, она заставила себя пошевелиться. В гроте было сухо, пахло пылью и старым очагом, который когда-то сложили здесь охотники.

Даймон тем временем методично осмотрел каждый угол убежища. Его движения были скупыми и точными. Убедившись, что в расщелинах не затаилось никакой мелкой пакости, он кивнул на небольшое углубление в центре.

— Огня не будет, Ила. Дым в этой части лога — всё равно что крик о помощи, которого никто не услышит. Будем есть то, что дала Марта в дорогу.

— Но здесь же камни «чистые», Мастер Даймон? — Ила привалилась к стене грота, потирая замёрзшие ладони. — Ты сам говорил. Здесь безопасно. Да и холод собачий.

Странник на мгновение замер. Логика воина подсказывала ему не рисковать, но он видел, как девушка дрожит. Он подошёл к краю грота, приложил ладонь к гладкому валуну. Вибрация покоя была сильной, она заглушала любые другие ощущения. Он выдохнул.

— Хорошо, — отрезал он, всматриваясь в густеющие сумерки за порогом. — Разводи, если камни и впрямь «чистые». Но огонь должен быть малым, не выше ладони.

Ила с готовностью зашуршала своей холщовой сумкой. Среди пучков сушёных трав, лепёшек и запасных портянок она выудила небольшую жестяную коробочку. В ней, бережно обёрнутые в сухую тряпицу, лежали кремень, кресало и трут. Бабка Марта лично проверяла её сборы, ворча, что «Странник-то твой — воин великий, а каши сам себе не сварит».

Девушка ловко высекла искру. Вскоре в центре грота, в старом обложенном камнями очаге, запысало робкое пламя. Она подбросила сухих веток можжевельника, и по убежищу разлился терпкий, смолистый аромат. Тепло костра почти мгновенно разогнало сырость и тот липкий страх, что преследовал их с момента схватки. Ила с наслаждением протянула руки к огню, чувствуя, как жизнь возвращается в заиндевшие пальцы.

Они ели в тишине. Свет пламени дрожал на стенах, выхватывая из темноты суровое лицо Мастера Даймона. Без шлема, с растрёпанными волосами, он казался чуть более человечным, хотя его взгляд по-прежнему оставался тяжёлым, сканирующим каждый шорох леса снаружи.

— Мастер... — Ила первой нарушила молчание. — Сегодня, в лесу... Когда Лиходей заговорил её голосом... Ты сразу понял, что это ложь?

Странник медленно отломил кусок хлеба.

— У Искажений нет своих чувств, Ила. Они — паразиты. Они вытаскивают из твоей памяти самое дорогое и пачкают его своей гнилью. Твоя мать не могла быть в этом лесу. Это логика воина. Ей нет места в сердце, но она спасает жизнь.

— А я... я чуть не сделала шаг к нему, — Ила невольно прижала ладонь к груди, чувствуя через рубаху холодный контур Слезы. — Если бы не твой окрик, я бы достала артефакт, чтобы подсветить ей дорогу.

— В этом и была его цель, — Даймон посмотрел ей прямо в глаза. — Никогда не верь лесу, когда он зовёт тебя по имени. Завтра в городе голоса будут настоящими, но ложь может быть ещё искуснее. Спи.

Ила послушно устроилась на подстилке из сухих листьев. Она чувствовала, как усталость наконец берёт своё, а тепло костра убаюкивает. Последнее, что она видела — это неподвижный силуэт Мастера, застывший у входа. Его оружие лежало на коленях, а рука покоилась на эфесе, готовая к любому удару.

Когда дыхание девушки стало ровным, Странник осторожно поднялся. Он подошёл к костру и посмотрел на свои ладони. Под серым плащом живой доспех едва слышно пульсировал, впитывая жар углей.

День был тяжёлым. Даймон подводил итоги: его тело восстанавливалось, но магия артефакта в руках девчонки была непредсказуемой. Искажение Лиходея было лишь предупреждением. Настоящая угроза ждала их впереди, там, где над Вербным Посадом дрожало холодное сияние магической завесы.

Он снова сел на пост. Впереди была долгая ночь, и он не собирался смыкать глаз.

Рассвет просачивался в грот неохотно, разбавляя густую ночную синь холодным жемчужным светом. Костёр давно прогорел, оставив после себя лишь горстку седого пепла и едва уловимый аромат можжевельного дыма, который успел впитаться в одежду.

Ила проснулась от странного чувства: ей казалось, что само пространство вокруг неё вибрирует. Она открыла глаза и увидела, как стены убежища покрылись тонкой сетью искристого инея. Девушка плотнее закуталась в плащ, чувствуя, как холодный воздух обжигает лёгкие. Рука привычно нырнула под ворот льняной рубахи — Слеза Странника была ледяной, но в самой её глубине, за мутным стеклом, едва заметно теплилась золотая искра, синхронно пульсируя с утренним туманом.

Мастер Даймон сидел на том же месте, где и вечером. Казалось, он вовсе не шевелился, превратившись в часть скалы. Иней серебрил его спутанные волосы и плечи серого плаща, а на лезвии зеркального клинка, лежащего на коленях, застыл причудливый узор из ледяных кристаллов.

— Проснулась? — не оборачиваясь, негромко произнёс воин. Его голос в утренней тишине прозвучал удивительно чётко.

— Да... — Ила поднялась, чувствуя, как затекли мышцы. — Ты совсем не спал, Мастер?

Странник медленно поднял руку и одним резким движением смахнул иней с лезвия. Металл отозвался чистым, певучим звоном.

— Сон — это роскошь, которую я пока не могу себе позволить. Лес выдыхает ночную гниль, пора уходить, пока туман не скрыл тропу.

Ила зябко повела плечами, глядя на причудливые ледяные узоры, ползущие по камням грота. Вчерашний зной Глуши казался теперь далёким сном.

— Мастер Даймон, почему так холодно? — прошептала она, стараясь не касаться инея, который выглядел острым, как битое стекло. — Ведь сейчас самый разгар лета...

Странник медленно поднялся, и ледяная корка на его сером плаще треснула с сухим, костяным звуком. Он посмотрел на свои ладони, которые в предрассветных сумерках казались синеватыми.

— Это не мороз, Ила, — его голос был глухим. — Это след Искажения. Когда мы убили Лиходея, реальность в этом лесу на мгновение «остыла». Разлом забирает тепло жизни, оставляя после себя лишь эту серую изморозь. Для таких, как я, это запах добычи. Для тебя — предупреждение.

Он резким движением стряхнул ледяную пыль с зеркальной стали своего клинка. Металл отозвался коротким, хищным звоном. Воин не спал всю ночь, и под его глазами залегли тяжёлые тени, но движения оставались точными, как у отлаженного механизма.

— Собирайся, — скомандовал он. — Чем выше поднимется солнце, тем злее станет этот холод. Нам нужно выйти на перевал.

Подъём начался без лишних слов. Ила послушно закинула на плечо лямку своей холщовой сумки, стараясь не задевать локтем покрытые изморозью стены грота. Путь к вершине холма оказался изнурительным: тропа, едва приметная среди серых валунов, круто уходила вверх, заставляя девушку цепляться пальцами за выступы камней. Воздух здесь, на высоте, был кристально чистым и колючим, совсем не похожим на тяжёлый, душный дух лесных низин.

Прошло около двух часов, прежде чем они выбрались на широкий каменистый гребень. Ила замерла, тяжело дыша и прикрыв глаза ладонью от яркого утреннего светила. Перед ними открылась панорама долины, и в её центре, у изгиба серой реки, затаился Вербный Посад.

Это место разительно отличалось от её родной деревни. Если Глушь казалась уютным, хоть и бедным гнездом из дерева и соломы, затерянным в зелени, то Вербный Посад выглядел как суровый каменный бастион былого величия. Город не строился — он выживал. Вместо низких изб с резными наличниками здесь высились приземистые, угловатые дома из тёмного речного валуна, крытые тяжёлой, потемневшей от времени черепицей. Высокие, узкие окна напоминали бойницы, а над всем поселением довлела кольцевая стена — почерневшая кладка, сложенная из гигантских блоков, которые не под силу поднять человеку.

Но самым пугающим было не это. Над городом, точно призрачные шатры, дрожали купола холодного пламени. Это было мертвенно-бледное, синеватое сияние, которое пульсировало в такт низкому гулу, идущему из самой земли. Свет этот не грел, он выжигал тени, делая всё вокруг плоским и безжизненным.

— Гляди, Ила... — негромко произнёс Мастер Даймон, вставая рядом. Его рука непроизвольно сжалась на рукояти зеркального клинка. — Видишь эти знаки на главных воротах? Даже отсюда они горят, как свежие раны.

Ила прищурилась, пытаясь разобрать алые росчерки на далёких дубовых створках. Руны не просто светились — они мелко дрожали, размывая контуры ворот в мареве горячего полуденного воздуха. Девушка почувствовала, как Слеза под льняной рубахой отозвалась на этот свет тоскливым, едва уловимым звоном, словно встретила старого, измученного друга.

— Они... они будто плачут, Мастер, — прошептала она, невольно прижимая ладонь к груди.

— Они держат небо, чтобы оно не рухнуло нам на головы, — сухо отозвался Даймон.

Странник первым начал спуск. Он не пошёл по прямой, а повёл Илу зигзагами, выбирая участки, где каменистая почва была утоптана старыми осыпями. Его серый плащ теперь казался белесым от осевшей пыли, а живой доспех под тканью напрягся, чешуйки плотно прижались к телу, защищая хозяина от магического фона, который с каждым шагом становился всё плотнее.

Чем ниже они спускались, тем сильнее менялся мир. Лесная зелень осталась далеко позади, сменившись зоной «мёртвой тишины». Здесь, у подножия холма, земля была серой и ломкой. Редкие кусты терновника стояли голыми, их ветви застыли в причудливых изломах, будто их парализовало в момент испуга. Под ногами больше не хрустели ветки — только мелкая, острая крошка сланца.

— Посмотри на дорогу, — Даймон указал подбородком вниз.

Там, где каменистый склон переходил в ровную долину, вилась широкая серая лента тракта. По ней, медленно и тягуче, словно капли смолы, двигались крошечные фигурки. Одинокие путники, повозки, запряжённые волами, и группы людей, бредущих пешком.

— Почему они все так закутаны? — спросила Ила, заметив, что даже в этот зной люди на тракте носят глубокие капюшоны.

— Пыль, — коротко бросил воин. — Магическая завеса Посада выжигает жизнь, превращая её в прах. Если дышать этим слишком долго, в лёгких вырастут кристаллы Искажения. Дыши через платок, когда выйдем на мостовую.

Они преодолели последний крутой уступ и ступили на обочину тракта. Здесь гул, который на вершине холма казался шёпотом, превратился в тяжёлый, давящий на виски рокот. Вербный Посад теперь возвышался над ними, закрывая собой половину неба. Огромные валуны его стен, испещрённые медными жилами, казались оплавленными — следствие вековых битв с силами Разломов.

Ила почувствовала, как её охватывает робость. В Глуши всё было понятным: лес, дом, Марта. Здесь же всё было чужим, холодным и бесконечно старым. Она сделала шаг ближе к Страннику, ища защиты у его молчаливой, закованной в живой панцирь фигуры.

— Идём, — Даймон даже не обернулся, но его шаг стал чуть короче, позволяя девушке не отставать. — Скоро обед. К этому времени стража на воротах становится злой, а зеркала — особенно зоркими.

Они влились в нестройную вереницу путников, тянущуюся к зеву надвратной арки. Воздух здесь, зажатый между высокими склонами холмов и монолитными стенами, сделался спёртым и едким. От раскалённых на солнце камней исходил сухой, удушливый жар, перемешанный с запахом жжёной меди и едкого дёгтя, которым смазывали тяжёлые цепи подъёмных решёток.

Ила невольно прижала ладонь к груди. Слеза под льняной рубахой вела себя всё беспокойнее: она не просто грела кожу, она мелко дрожала, отзываясь на гул, идущий от испещрённых рунами камней. Кулон стал тяжёлым, словно налился свинцом, и девушке стоило огромных усилий не выдать своего волнения.

Впереди, под сводами арки, замерли фигуры в необычных доспехах. Стража Вербного Посада не походила на деревенских ополченцев. Их тела скрывали многослойные стёганные куртки, обшитые медными пластинами, а лица были спрятаны за глухими масками с узкими прорезями для глаз. В руках у каждого был длинный шест, увенчанный зеркальным диском, который медленно поворачивался, ловя редкие блики света.

— Следующий! — голос стражника, искажённый металлом маски, прозвучал как лай.

Перед Даймоном и Илой осталась лишь одна телега, нагруженная пустыми корзинами. Стражник поднял зеркало, направляя его на возницу. Стекло на мгновение вспыхнуло чистым серебром, и воин равнодушно махнул рукой, пропуская беднягу внутрь.

— Теперь мы, — вполголоса произнёс Странник.

Он выпрямился, и под его серым плащом живой доспех мгновенно отреагировал на угрозу — чешуйки на плечах плотно прижались к телу, имитируя обычную ткань, чтобы не выдать свою истинную природу. Мастер сделал шаг вперёд, закрывая собой Илу, но стражник преградил им путь шестом.

Зеркальный диск качнулся и замер прямо напротив груди девушки. Ила почувствовала, как по позвоночнику пробежал ледяной холод. В ту же секунду поверхность зеркала, только что бывшая чистой, начала стремительно наливаться густым золотым сиянием, которое пульсировало в такт её учатившемуся сердцебиению.

Стражник под маской замер. Второй охранник, стоявший у рычага решётки, медленно положил руку на рукоять короткого меча.

— Стоять, — проскрежетал металл. — Что это у девки? Зеркало «захлебнулось» светом. Такого не бывает от обычной ворожбы.

Даймон медленно, очень медленно отвёл плащ, открывая пустые ладони, но не отходя от Илы ни на дюйм. Его взгляд, холодный и острый, впился в прорези маски стражника.

— Это семейный оберег, — спокойно, с едва уловимой угрозой в голосе произнёс он. — Напитан силой Ведуний Полены из Глуши. Чистый дар, никакой гнили. Или в Посаде теперь боятся даже доброй магии?

Даймон медленно, очень медленно отвёл край своего серого плаща, открывая пустые ладони, но не отступая от Илы ни на дюйм. Его взгляд, холодный и острый, впился в узкие прорези медной маски стражника. Странник чувствовал, как живой доспех под тканью плотно сжался, готовясь к рывку, а рука на эфесе зеркального клинка едва заметно напряглась.

Стражник уже потянул короткий меч из ножен, и сухой скрежет металла о медь заставил Илу вжать голову в плечи. Золотое сияние в зеркальном диске запульсировало яростнее, отражая её нарастающий ужас.

— Отставить сталь! Вы задерживаете очередь, олухи! — зычный, хриплый голос донёсся сверху, с площадки надвратной башни.

Послышался тяжёлый топот кованых сапог, и по боковой лестнице к ним спустился рослый мужчина. Его нагрудник был густо покрыт царапинами, а на плече красовался потрёпанный плащ с вышитой серебряной нитью эмблемой города. Это был офицер стражи — ветеран, чей взгляд выдавал привычку иметь дело с самыми жуткими Искажениями.

Он подошёл вплотную, грубо оттолкнув подчинённого с зеркальным шестом. Его глаза, серые и острые, как битый сланец, впелись в лицо Даймона. На мгновение воцарилась тишина, в которой слышался лишь низкий гул магического купола над головами.

— Глазам своим не верю... — пробормотал офицер, и его рука, занесённая было для окрика, бессильно опустилась. — Значит, ты всё-таки не сдох в лесу, Мастер? А комендант уже вписал твой задаток в графу безвозвратных потерь.

Даймон не шелохнулся. Его лицо оставалось непроницаемым, но внутри, за стеной амнезии, что-то болезненно кольнуло. Этот голос — хриплый, пахнущий дёгтем и дешёвым табаком — казался смутно знакомым, словно тень из забытого сна.

— Ты... узнаёшь меня? — голос воина прозвучал сухо, почти бесцветно.

Офицер хмыкнул, горько и коротко, внимательно разглядывая запylённый плащ на плечах Странника.

— Узнаю ли я наглеца, который три недели назад обещал выжечь гнездо Искажений и пропал без вести? Весь Посад решил, что ты либо трусил и сбежал с авансом, либо тебя уже доедают черви в каком-нибудь Разломе. Выглядишь ты паршиво, Даймон. Будто сам из могилы вылез.

Офицер перевёл взгляд на Илу. Она стояла ни жива ни мертва, вцепившись побелевшими пальцами в ворот грубой льняной рубахи. Зеркало в руках стражника не просто мерцало — оно гудело, наливаясь изнутри тревожным, густым золотом, которое слепило даже через узкие прорези медных масок.

Офицер медленно подошёл ближе. Он не стал хвататься за меч, но его рука, затянута в грубую кожу, властно легла на край зеркального диска, силой отводя его в сторону, к стене арки. Сияние тут же погасло, оставив в глазах прыгающие серые пятна.

— Убери зеркало, дурень, — прохрипел офицер, не оборачиваясь к подчинённому. — Оно у тебя «захлебнулось». Видишь, руны на стенах дрожат? Видимо, Разлом где-то рядом вскрылся, вот медь и сбоят. А девка... просто девка, вон как её трясёт. Обычная деревенская кровь, нечего тут ловить.

Он снова повернулся к Даймону. Его лицо, иссечённое глубокими морщинами, на мгновение смягчилось, но голос остался жёстким, как гранитная крошка.

— А ты, Мастер, — офицер понизил тон, чтобы его слышал только Странник, — лучше сразу пропадай с глаз. Тебя ровно семь дней не видели, и поверь, комендант уже успел трижды проклясть твой аванс и вычеркнуть тебя из списков живых. Семь дней для наёмника — это срок, после которого ищут не героя, а вора. Скажи спасибо, что я сегодня на воротах, а не Малх со своими «псами».

Даймон коротко кивнул, чувствуя, как живой доспех под плащом медленно расслабляет свою хватку на его плечах. Он не помнил этого офицера, но его нутро Странника подсказывало: этот человек говорит правду. Семь дней... для него они слились в бесконечный бой и бред в избе знахарки, а для города стали приговором.

— Иди к старой мельнице, — бросил офицер, отступая и освобождая проход. — Там ещё остались те, кто ждёт твоих ответов. А девчонку прикрой плащом, Мастер. У нас в Посаде не любят тех, кто светится ярче храмовых свечей.

Даймон взял Илу за локоть и, не дожидаясь повторного приглашения, увлёк её вглубь прохода. Едва они миновали толстую тень надвратной башни, на них обрушился Вербный Посад.

Здесь не было лесной прохлады. Улицы, зажатые между высокими домами из тёмного речного валуна, дышали накопленным за утро жаром. Пахло раскалённым камнем, горькой полыньёю, которой обкуривали углы от заразы, и старой ржавчиной. Повсюду слышался перестук молотов и низкий, вибрирующий гул магической завесы, который здесь, внутри стен, ощущался даже зубами.

— Мастер Даймон... — прошептала Ила, испуганно озираясь на проходящих мимо людей в серых одеждах. — Он тебя знает. Почему он помог нам?

— Он знает того, кем я был семь дней назад, Ила, — глухо отозвался он, надвигая капюшон пониже. — Но для меня он такая же тень, как и всё остальное. Держись рядом и не смотри людям в глаза. Нам нужно найти Аглаю, пока город не учуял твой артефакт. Если зеркала на воротах «захлебнулись», значит, в Посаде магия Слезы будет звучать как набат.

Они нырнули в узкий переулок, ведущий к Нижнему городу, где над крышами домов уже виднелись огромные, заросшие тиной лопасти водяной мельницы.

Даймон и Ила миновали прохладу узкого переулочка и вышли на Торговое кольцо — бурлящее сердце Нижнего города. После вековой тишины леса и аскетичной Глуши, на Илу обрушился хаос звуков и красок. Это не был весёлый ярмарочный гомон; здесь царила деловитая, почти лихорадочная суета людей, привыкших выживать под куполом.

Площадь была зажата между высокими каменными фасадами, на которых копоть от сотен кузниц смешивалась с выцветшими магическими печатями. Воздух здесь был тяжёлым и плотным; он пах едким древесным углём, кислым маринадом, в котором вымачивали кожу для доспехов, и странным, приторным ароматом жжёного сахара — так пахли дешёвые алхимические притирки, согревавшие горожан в «мёртвые» ночи.

Ила во все глаза смотрела на лавки, которые здесь называли «складами искр». В открытых павильонах алхимиков рядами стояли мутные стеклянные сосуды, в которых едва заметно колыбалась серая взвесь — крохи магической энергии, собранные из затухающих Разломов. Рядом ремесленники предлагали амулеты из «пустого камня», способные на пару часов обмануть нюх низшего Искращения.

— Гляди, Мастер... — прошептала Ила, указывая на прилавок, где старик в медных очках бережно пересыпал мерцающую пыль. — Это и есть та самая магия, о которой говорила бабка?

— Это лишь прах от неё, Ила, — глухо отозвался Даймон, надвигая капюшон так, чтобы тень скрывала его лицо. — Город перемалывает эти остатки, чтобы продержаться ещё один день. Истинная сила сейчас пульсирует у тебя под рубахой.

Они ускорили шаг, стараясь не привлекать внимания хмурых мастеров в кожаных фартуках. Взгляды прохожих скользили по ним с подозрением, но обнажённая рукоять зеркального клинка на бедре Даймона служила лучшим пропуском.

Наконец, гул толпы начал перекрываться иным звуком — тяжёлым рокотом и ритмичным плеском. Огромные, поросшие тиной лопасти водяной мельницы мерно загребали мутную речную воду, вращая скрытые в глубине здания механизмы. Прямо за мельницей, на самом берегу, стоял приземистый дом. Его стены были сложены из речного валуна, а на дубовой двери красовалась искусно вырезанная плакучая верба.

На пороге стояла женщина. Высокая, с прямой, как струна, спиной и волосами цвета первого инея. Она не была похожа на Марту; в её облике сквозила холодная решимость и сталь. В руках она сжимала тяжёлый дубовый посох без навершия — идеально отшлифованное дерево, ждущее своего часа.

Её серые глаза впились в лицо Даймона ещё до того, как он ступил на мостки.

— Семь дней, — произнесла Аглая, и её голос перекрыл шум воды. — Семь дней я ждала вестей от того, кому доверила золото города и безопасность наших границ. Семь дней без единого вестника из Каменной пади. Ты опоздал, Мастер Странник.

Она перевела взгляд на Илу, и её брови едва заметно дрогнули. Она сразу почувствовала то, что не смогли разглядеть зеркала стражи.

— И я вижу, ты вернулся не с трофеем, а с тем, что гораздо опаснее любого Грохотуна.

Даймон замер, прижав ладонь к виску. В голове, словно вспышки дальних молний в грозовом небе, промелькнули обрывки: эта самая дверь, запах опилок и холодный голос женщины, отсчитывающей золотые монеты. Он вспомнил, как семь дней назад сжимал рукоять своего зеркального клинка, давая клятву очистить Каменную падь от Грохотуна.

— Задание выполнено, — голос воина прозвучал глухо, перекрывая мерный рокот водяного колеса. — Искажение высшего порядка мертво. Разлом захлопнулся.

Аглая медленно опустила свой дубовый посох, и её суровый взгляд чуть смягчился, хотя рука по-прежнему крепко сжимала дерево. Она сделала шаг навстречу, внимательно вглядываясь в бледное, иссечённое новыми шрамами лицо Странника.

— Ты выжил там, где пали десятки до тебя, — произнесла она, и в её голосе впервые прорезались живые нотки трепета. — Но я вижу, что Каменная падь забрала у тебя не только силы. Твои глаза... они смотрят так, будто видят этот город впервые.

Она перевела взгляд на Илу, которая испуганно жалась к плечу Даймона. Аглая прищурилась, и её ноздри хищно затрепетали, улавливая тонкий, едва различимый аромат озона и чистого света, исходящий от девушки.

— Заходите, — Аглая резко развернулась и толкнула тяжёлую дверь мастерской. — На набережной у стен слишком много ушей, а комендант Малх не любит, когда его «золотые мечи» возвращаются без доклада.

Едва тяжёлая дубовая створка захлопнулась, отсекая рокот водяного колеса и суету набережной, в мастерской воцарилась гулкая, пахнущая смолой и сушёной вербой тишина. Аглая стремительно прошла к массивному верстаку и, не оборачиваясь, швырнула на него свой гладкий посох. Дерево отозвалось коротким костяным стуком.

Она резко развернулась, скрестив руки на груди, и вперила колючий взгляд в Илу.

— А теперь говори, Странник, — её голос стал тихим и опасным, как шелест змеи в сухой траве. — Кто эта девчонка и почему от неё фонит силой так, что у меня инструменты на полках звенят? Я ждала тебя одного, с докладом и чистым клинком.

Даймон медленно стянул капюшон. В полумраке мастерской его живой доспех под плащом едва заметно расслабился, чешуйки на плечах перестали топорщиться, чувствуя древнюю защиту этих стен.

— Её зовут Ила, — сухо ответил он, придерживая девушку за плечо. — Она из Глуши. Внучка твоей сестры.

Аглая замерла. Её брови поползли вверх, а в серых глазах мелькнуло недоверие.

— Из Глуши? От Марты? Мы не обменивались вестями годами... Моя сестра всегда была упрямой и не стала бы посылать ко мне родную кровь без крайней нужды.

Мастерица сделала шаг к Иле, и та инстинктивно сжала воротник своей льняной рубахи. Аглая прищурилась, её ноздри хищно затрепетали.

— Марта ничего не присылала, — продолжала она, качая головой. — Ни писем, ни вестников. Я и не чаяла, что наша связь оборвётся вот так — появлением девчонки в разгар великого Искажения.

Она перевела взгляд на грудь Илы, где под тканью едва уловимо пульсировал золотистый свет, скрытый кожаной оправой.

— Так вот оно что... — прошептала Аглая, и её лицо из сурового стало почти испуганным. — Значит, время пришло. Не по расписанию, не по планам коменданта, а по велению самой земли.

Она снова посмотрела на Даймона, и в её взгляде появилось мрачное понимание.

— Ты ведь не просто так потерял память, Мастер. Ты стал проводником для того, что не должно было проснуться ещё сотню лет. Покажи мне её, Ила. Покажи мне Слезу. Я должна видеть, насколько глубоко она впелась в твою суть.

Ила посмотрела на Даймона, ища поддержки, а затем медленно, дрожащими пальцами начала развязывать кожаный шнурок на шее. Ила медленно, затаив дыхание, вытянула кожаный шнурок из-под ворота. Как только Слеза Странника покинула тесную темноту льняной рубахи, мастерская Аглаи преобразилась.

Золотистое сияние, густое и чистое, как расплавленный мёд, ударило в потолок, разогнав тени по углам. Но это был не просто свет — это была волна энергии, которая заставила всё вокруг ожить. Медные иглы на столах начали мелко дрожать и звенеть, выстукивая безумный ритм; заготовки посохов на стеллажах отозвались низким, утробным гулом, а вода за стеной, вращающая мельничное колесо, на мгновение замерла, прежде чем с удвоенной силой обрушиться на лопасти.

Аглая невольно отшатнулась, прикрыв глаза ладонью.

— Предвечный свет... — выдохнула она, и её голос дрогнул от благоговейного ужаса. — Она не просто проснулась. Она поёт.

Слеза в руках Илы пульсировала так мощно, что пальцы девушки начали светиться изнутри, обнажая тонкие контуры костей. Камень внутри мутной сферы вращался с неистовой скоростью, выбрасывая снопы золотых искр, которые медленно таяли в воздухе мастерской.

Даймон стоял рядом, прищурившись от нестерпимого блеска. Его живой доспех под серым плащом пришёл в движение, чешуйки на груди начали раскрываться, жадно впитывая эманации артефакта, словно изнурённый путник, добравшийся до колодца. И в этом сиянии стена его амнезии на мгновение дала трещину.

Он снова увидел эту комнату, но семь дней назад. Тогда здесь было сумрачно, пахло только пылью, а Аглая выглядела ещё более суровой. Даймон стоял перед ней, и Слеза Странника лежала на этом самом верстаке — просто мутный шар в потрёпанном кожаном мешочке.

«Ты носишь Сердце Мира как обычный булыжник, Даймон», — её голос в воспоминании звучал сухо, со скрытым упрёком. — «И каждый раз, когда ты используешь его мощь, чтобы закрыть Разлом, он выжигает твой разум. Твой меч и доспех — лишь костыли. Иди к Каменной пади, убей Грохотуна и запечатай ту дыру. А когда вернёшься, я вплету твою Слезу в этот посох. Я создам для неё оправу, которая станет фильтром между твоей душой и этой силой. Тебе больше не придётся платить памятью за каждый удар твоего клинка».

Даймон вздрогнул, возвращаясь в реальность. Синее сияние его зеркальной стали теперь казалось ему чужим, почти враждебным. Семь дней назад он уходил отсюда хозяином камня, уверенный, что вернётся за своим спасением — за оправу, которая прекратит его медленное угасание. А вернулся — никем. Память стёрта, а артефакт, который должен был спасти его разум, теперь пульсирует на груди девчонки из Глуши.

— Ты знала, что она меня убивает, — прошептал Странник, не отрывая тяжёлого взгляда от Аглаи. — Ты обещала, что этот посох спасёт мой рассудок.

Мастерица не отвела глаз, хотя в их серой глубине и мелькнула тень горького сожаления. Она крепче сжала тёмное дерево заготовки.

— Я обещала это тебе, Даймон. Но Слеза сама выбрала, в чьём ритме ей биться. Ты выполнил свою часть — Разлом у Каменной пади закрыт. Но теперь я должна выполнить свою: вживить артефакт в дерево, иначе он сожрёт Илу так же, как до этого жрал тебя. Смирись. Пророчество свершилось. Ты больше не Хранитель. Ты — его меч и его тень.

В этот момент дубовая дверь мастерской содрогнулась от мощного удара кованого бревна. Засов закрипел, посыпалась каменная крошка.

— Именем Коменданта! Открывай, ведьма! Мы знаем, что Странник у тебя! — проревел голос Малха за дверью.

— Пора! — Аглая рывком положила посох на верстак. — Если не вложим её сейчас, город превратит артефакт в бездушное топливо для своих стен, а девчонку — в пустую оболочку! Ила, на верстак! Живо!

Девушка, бледная как полотно, шагнула к столу. Она чувствовала, как Слеза под рубахой бьётся в неистовом восторге, узнавая своё новое «тело».

— Мастер Даймон, помоги ей! — крикнула Ила, умоляюще глядя на воина.

Даймон перехватил рукоять своего зеркального клинка, и синее сияние рун на доле вспыхнуло с неистовой силой, откликаясь на золотой жар, исходящий от Илы. Странник приставил остриё к тёмному древку посоха, и в тот же миг за дверью раздался оглушительный треск — кованое бревно стражи пробило верхнюю петлю.

— Режь! — выкрикнула Аглая, прижимая ладони к дереву.

Даймон с силой провёл мечом вдоль рунической линии. Зеркальная сталь вошла в дуб, как в тёплый воск, вскрывая древесные вены, по которым тут же потёк чистый свет. Ила, зажмурившись, выхватила Слезу из-под рубахи и с силой вдавила её в живой разрез.

— Прими... свяжись... стань единым! — сорвалась она на крик, вкладывая в слова всю свою жизненную искру.

В ту же секунду произошла Вспышка Единения. Из мастерской во все стороны ударила волна «абсолютного порядка». Это не был взрыв — это была стена тишины и кристальной чистоты. Золотое сияние на мгновение сделало стены дома прозрачными, а время внутри комнаты будто застыло. Тяжёлая дубовая дверь, уже готовая рухнуть под ударами, вмёрзла в проём, обтаятая янтарным маревом.

Но тишина длилась лишь мгновение. Свет втянулся в посох, который теперь лежал на верстаке, мерцая изнутри глубоким золотом. В ту же секунду дверь с грохотом вылетела из петель, и в облаке пыли в мастерскую ворвались «псы» коменданта во главе с самим Малхом.

— Взять их! Артефакт — ко мне! — прорычал Малх, его бледное лицо исказилось от жадности при виде сияющего древка.

Даймон мгновенно оказался перед верстаком, заслоня собой Илу и Аглаю. Его живой доспех под серым плащом пришёл в ярость: обсидиановые чешуйки на плечах вздыбились, а на предплечьях выросли острые шипы.

— Семь дней назад, Малх, я обещал тебе голову чудовища, — голос Странника был холодным, как лёд Разлома. — Сегодня я принёс тебе нечто иное. Но ты этого не коснёшься.

— Ты — вор и предатель, Даймон! — Малх выхватил свой офицерский палаш, по лезвию которого пробегали грязные, фиолетовые искры — следствие использования «нечистой» энергии города. — Ты присвоил имущество Посада! Взять вора!

Даймон не стал ждать, пока стража сомкнёт кольцо. Его живой доспех под серым плащом мгновенно отреагировал на жажду крови: обсидиановые чешуйки на плечах вздыбились, а на предплечьях выросли короткие, бритвенно-острые шипы, разрывая ткань рукавов. Странник сделал резкий выпад вперёд, и его зеркальный клинок описал в воздухе идеальную лазурную дугу.

Первый стражник даже не успел вскинуть свою пику. Универсальный меч с сочным хрустом перерубил древко из закалённого ясеня, словно сухую солому, и вторым, возвратным движением, Даймон плашмя ударил врага в медную маску. Раздался звонкий металл о металл, и воин Посада отлетел к стене, сползая по ней бесформенной кучей.

— Взять его! Живым не брать! — проревел Малх, отступая в тень дверного проёма, чтобы не попасть под размашистые удары Странника.

Трое оставшихся «псов» бросились одновременно. Мастерская Аглаи превратилась в тесную камеру пыток: звон стали, грохот опрокинутых верстаков и едкий запах озона, смешанный с ароматом свежей стружки. Даймон двигался неестественно быстро — доспех предугадывал траектории вражеских клинков, направляя тело воина в мёртвые зоны.

Один из стражников попытался достать Даймона коротким мечом снизу. Странник принял удар на предплечье — фиолетовые искры бессильно рассыпались, встретившись с непробиваемой чешуёй доспеха. В ту же секунду зеркальная сталь меча Даймона сверкнула вертикальным росчерком. Послышался скрежет разрываемого металла — нагрудник стражника разошёлся, как пергамент, обнажая поддоспешник. Воин рухнул, обливаясь тёмной кровью, которая моментально впитывалась в сухие опилки на полу.

— Ила, за меня! — крикнул Даймон, уворачиваясь от тяжёлого топора третьего нападающего.

Лезвие топора вошло в массивный дубовый стол Аглаи, завязнув в дереве. Даймон не упустил шанса: он перехватил свой клинок обратным хватом и вогнал рукоять в сочленение доспеха врага на шее. Раздался хрип, и последний из рядовых «псов» повалился на пол, судорожно хватаясь за горло.

В мастерской на мгновение воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием Даймона и мерным скрипом мельничного колеса за стеной. Странник медленно выпрямился, стряхивая с зеркальной стали капли чужой крови. Его доспех медленно «успокаивался», укладывая чешуйки обратно под изорванный плащ.

— Теперь ты, Малх, — негромко произнёс воин, переводя ледяной взгляд на коменданта. — Посмотрим, чего стоит твоя «грязная» сталь против настоящего Странника.

Малх вышел из тени, его палаш гудел, окутанный нездоровым, пульсирующим фиолетовым маревом. В его глазах не было страха — только фанатичная жажда власти и ненависть к тому, кто посмел вернуться из мёртвых.

— Ты — всего лишь обломок прошлого, Даймон, — прошипел комендант, вскидывая оружие. — Город принадлежит тем, кто может им управлять. А ты... ты просто мешаешь нам выживать.

Он сделал стремительный выпад, и два клинка встретились в центре комнаты. Вспышка синего и фиолетового пламени осветила перепуганное лицо Илы, которая, прижимая к себе сияющий Посох Хранителя, медленно отступала к потайному люку.

Малх двигался не как обычный человек. Каждый его выпад сопровождался сухим треском, а фиолетовое марево на его палаше оставляло в воздухе вонючие полосы озона. Это была грязная магия Посада — выжатая из городских накопителей энергия, грубая и беспощадная.

Клинка встретились в центре мастерской с оглушительным звоном. Зеркальная сталь Даймона на мгновение побледнела под натиском фиолетового пламени, но тут же отозвалась яростным лазурным сиянием. Странник почувствовал, как вибрация от удара прошла сквозь рукоять прямо в его кости.

— Ты слаб, Даймон! — прошипел Малх, наваливаясь всем весом. — Твой Орден сдох, и ты сдохнешь вместе с ним!

Комендант резко крутанулся, нанося серию быстрых, рубящих ударов. Даймон уходил от них в миллиметрах, слыша, как фиолетовые искры шипят, касаясь его серого плаща. Живой доспех под тканью пришёл в неистовство: чешуйки на груди воина начали светиться тусклым багровым светом, перекачивая остатки внутренней энергии в мышцы.

Даймон улучил момент. Когда палаш Малха в очередной раз взметнулся для сокрушительного удара, Странник сделал короткий шаг в сторону и, перехватив меч двумя руками, нанёс мощный восходящий удар. Зеркальная сталь с визгом прошла по гарде противника, высекая сноп искр.

Малх пошатнулся. Его «грязная» магия начала давать сбои — фиолетовый огонь на лезвии замигал, обнажая изъеденный коррозией металл палаша. Комендант тяжело дышал, его бледное лицо пошло красными пятнами ярости.

— Ты... ты не понимаешь... — прохрипел он, вскидывая левую руку. Из его ладони вырвался сгусток тёмной энергии, целясь Даймону в лицо.

Воин среагировал мгновенно. Он не стал уворачиваться. Вместо этого он подставил под удар предплечье, закованное в живую чешую. Обсидиановые пластины доспеха на мгновение раскрылись, поглощая враждебную магию, как губка воду, и тут же захлопнулись с сухим щелчком. Даймон почувствовал обжигающую боль, но не отступил.

Одним рывком он сократил дистанцию. Рукоять универсального меча врезалась Малху в челюсть, отбрасывая его к стене, прямо под лопасти огромного мельничного вала, который мерно вращался за тонкой перегородкой.

Комендант рухнул, его палаш со звоном отлетел в угол. Даймон сделал шаг вперёд, представив остриё своего светящегося клинка к горлу поверженного врага. Синие искры на лезвии едва не касались бледной кожи Малха.

— Убей... чего ждёшь? — выплюнул комендант вместе с кровью. — Завтра сюда придёт весь гарнизон. Ты не выйдешь из города живым.

Даймон посмотрел на него сверху вниз. В его глазах не было ненависти — только холодная, бесконечная пустота человека, потерявшего всё, кроме чести. Он медленно отвёл меч, оставляя на шее Малха тонкую царапину.

— Смерть — слишком лёгкий выход для того, кто предал доверие своего народа, — негромко произнёс воин. — Живи, Малх. Смотри, как рушится твой фальшивый порядок.

Даймон медленно отвёл остриё зеркального клинка от горла коменданта. Синее сияние рун на доле чуть пригасло, отражая тяжёлое, прерывистое дыхание Странника. Он не знал, что произойдёт в следующую минуту, но нутро подсказывало: убийство официального лица, даже такого гнилого, как Малх, окончательно отрежет им с Илой путь к спасению.

Универсальный меч со знакомым веским щелчком вошёл в кожаные ножны. В ту же секунду снаружи грохнули десятки подкованных сапог. Мастерская Аглаи наполнилась звоном меди и железа — подкрепление ворвалось внутрь, мгновенно заполнив тесное пространство. Комнату оцепили закованные в металл стражники. Они выставили щиты, но к удивлению Даймона медлили с нападением.

Вперёд вышел рослый офицер — тот самый, что утром дежурил на воротах. Его взгляд, серый и холодный, как битый сланец, скользнул по разгромленной мастерской и замер на Малхе, который пытался подняться, отплёвываясь кровью.

— Взять его! — коротко скомандовал офицер, указывая на коменданта.

Малх оскалился, хватаясь за край верстака:

— Ты что творишь, капитан?! Арестуй этого вора! Он украл достояние Посада!

Офицер медленно подошёл к Малху и вместо меча достал из-за пазухи свиток с тяжёлой сургучной печатью герцога — правителя всего северного региона.

— Комендант Малх, — голос офицера прозвучал сухо, как приговор. — Пять месяцев назад я был прислан сюда его светлостью не для того, чтобы просто охранять твои стены. Герцог давно подозревал, что в Посаде магия течёт мимо казны, а люди голодают ради твоего обогащения. Я вёл расследование твоих взяток и преступлений против народа всё это время. Твоя власть закончилась. Прямо сейчас.

Стражники подхватили Малха под руки. Тот пытался дёргаться, выкрикивая проклятия, но хватка ветеранов была железной.

— Вы все сдохнете без этой силы! — бешенелся Малх, пока его тащили к выходу. — Купол рухнет, и я посмотрю, как вы запоёте в лапах Лиходеев!

Когда крики коменданта затихли на набережной, офицер обернулся к Даймону. Его суровое лицо на мгновение смягчилось. Офицер стянул жёсткие кожаные перчатки и обернулся к присутствующим. Теперь, когда маска рядового служаки была сброшена, в его осанке проступила властная уверенность человека, привыкшего не подчиняться, а вести за собой. Он не стал проверять раны героев или рассыпаться в любезностях — его взгляд был сух и деловит.

— Меня зовут Вард, — представился он, переводя взгляд с Даймона на Илу. — Пять месяцев назад я был прислан в Вербный Посад лично герцогом. Моя задача была предельно ясной: расследовать факты взяточничества и преступления против народа, которые Малх творил под прикрытием завесы.

Он мельком глянул на выбитую дверь, за которой скрылся конвой с бывшим комендантом.

— Комендант заигрался в бога, решив, что Искажения спишут всё — и пустую казну, и жизни тех, кто не мог заплатить «налог на свет». Но герцог не прощает тех, кто торгует безопасностью его подданных. Семь дней назад, когда ты уходил к Каменной пади, я не мог тебе открыться — в гарнизоне было слишком много «глаз» Малха. Сегодня ты лишь ускоришь финал его правления.

Вард подошёл к верстаку, на котором всё ещё лежал Посох Хранителя. Ила инстинктивно прижала оружие к себе, но офицер лишь коротко кивнул ей. В его серых глазах, холодных, как битый сланец, промелькнуло нечто похожее на облегчение.

— Мастер Аглая, — Вард обратился к женщине, — теперь ваш дом под моим личным присмотром. У входа останутся мои люди. Отдыхайте. Посаду нужно время, чтобы осознать: тирания закончилась.

Даймон посмотрел на свои руки — обсидиановые чешуйки его доспеха под изорванным плащом окончательно улеглись, превращаясь в гладкий панцирь. Он перевёл взгляд на Илу. Она крепко сжимала дерево, и Слеза, вживлённая в дуб, пульсировала теперь ровным, почти ласковым золотистым светом.

Вард ещё раз окинул взглядом разгромленную мастерскую. Его рука в тяжёлой латной перчатке легла на плечо Даймона — не как угроза, а как жест признания между двумя солдатами, оказавшимися на одной стороне.

— Завтра в Цитадели будет много шума, Странник, — негромко произнёс офицер. — Малх оставил после себя клубок змей, который мне придётся распутывать. Но сегодня... сегодня вы под моей защитой. Отдыхайте. Посад задолжал вам этот покой.

Он резко развернулся и вышел, отдавая короткие команды своим людям. Вскоре топот кованых сапог за дверью стих, сменившись мерным, успокаивающим рокотом водяного колеса за стеной. Мастерская погрузилась в сумерки, разбавляемые лишь мягким, янтарным свечением, исходящим от Посоха Хранителя.

Аглая медленно подошла к выбитой двери и, приложив ладонь к истерзанному дереву, что-то тихо прошептала. Створка, повинуясь её воле и остаткам магического резонанса в комнате, тяжело поднялась и встала в проём, временно закрывая проход. Мастерница устало опустилась на скамью, глядя на свои дрожащие руки.

— Ушли... — выдохнула Ила, и её голос прозвучал совсем по-детски в этой внезапной тишине.

Она осторожно положила посох на верстак. Слеза, теперь надёжно укрытая внутри дубового древа, пульсировала в такт её собственному сердцу, наполняя комнату ощущением глубокого, первобытного покоя. Девушка почувствовала, как на неё наваливается свинцовая тяжесть — всё напряжение последних семи дней, весь ужас лесного перехода и городского боя вышли наружу.

Даймон стоял у окна, не снимая капюшона. Его живой доспех под серым плащом окончательно «уснул», обсидиановые чешуйки стали гладкими и холодными. Он смотрел на свои ладони, на которых ещё не остыл жар боя, и в его голове медленно оседала пыль забытых воспоминаний. Справедливость Варда, золото Малха, пророчества Марты — всё это казалось сейчас бесконечно далёким. В центре этого изломанного мира была лишь эта комната, запах стружки и тепло артефакта, который больше ему не принадлежал.

— Мы живы, — глухо отозвался он, оборачиваясь к спутнице. — Это всё, что имеет значение в первый день в Посаде.

Аглая подняла голову, и в её серых глазах отразилось золото посоха.

— Мы не просто живы, Даймон. Мы сохранили то, что Малх собирался скормить стенам. Но теперь... теперь начинается самое трудное. Нам нужно научить Илу не просто носить этот свет, а командовать им.

Она встала и, подойдя к очагу, начала раздувать угли, чтобы согреть чай. Мастерская, ещё недавно бывшая полем битвы, снова начала превращаться в дом. Тишина, наступившая после бури, была хрупкой, но целительной.

Сумерки опустились на Вербный Посад внезапно, словно кто-то набросил тяжёлое серое сукно на каменные плечи города. За окнами мастерской призрачно за пульсировало холодное пламя защитного купола, отбрасывая на стены длинные, дрожащие тени.

Вард сдержал слово: у входа замерли двое часовых в тяжёлых нагрудниках, а шум на набережной стих, сменившись лишь мерным, убаюкивающим плеском воды под лопастями мельницы.

Аглая молча возилась у очага. На огне в помятом медном котелке закипала густая похлёбка из вяленого мяса и корней, наполняя комнату простым и честным ароматом еды, который на миг вытеснил запах боя и жжёной меди. Ужин прошёл почти в полном молчании. Ила ела медленно, её веки отяжелели, а руки всё ещё подрагивали после первого соприкосновения с мощью Посоха Хранителя. Артефакт лежал рядом с ней на лавке, и даже в полумраке сквозь дубовую плоть пробивалось мягкое янтарное свечение, пульсирующее в такт её дыханию.

— Иди, девочка, — негромко произнесла Аглая, забирая у неё пустую миску. — За той ширмой — кровать. Спи. Сегодня твоя жизненная искра выгорела дотла, ей нужно время, чтобы напитаться заново.

Ила лишь послушно кивнула. Она бережно подхватила посох — теперь он казался ей не тяжелее сухой ветки — и скрылась в глубине комнаты. Спустя несколько минут её дыхание стало ровным и глубоким.

Даймон и Аглая остались у огня. Странник сидел на низком табурете, вытянув гудящие ноги к пламени. Под серым плащом его живой доспех окончательно остыл, обсидиановые чешуйки плотно прижались к телу, восстанавливая повреждённые в схватке участки. Он смотрел на огонь, и в его глазах отражались пляшущие языки пламени.

— Она справилась лучше, чем я ожидала, — Аглая подсела напротив, подливая в кружки крепкий травяной отвар. — Марта всегда умела находить золото там, где другие видели только грязь.

Даймон долго всматривался в багровое нутро очага, где с сухим стоном оседали прогоревшие поленья, и негромко спросил:

— Семь дней назад, — его голос почти тонул в треске углей, — ты ждала меня одного. Каким был наш план, когда я уходил к Каменной пади?

Аглая долго молчала, вороша кочергой тлеющие поленья. Золотистые искры взлетали вверх и гасли в дымоходе.

— Я хотела излечить твой клинок, Даймон. Твоя зеркальная сталь изголодалась по силе, она выпивала твою память, чтобы резать Искращения. Я планировала вплавить артефакт в эфес твоего меча. Это дало бы тебе вечную ясность и мощь, способную гасить Разломы одним взмахом.

Она горько усмехнулась, глядя на ширму, за которой спала девочка.

— Но Слеза не захотела становиться частью меча. Она предпочла живую кровь и чистое сердце. Вместо грозного оружия мы получили... это.

— Значит, моё время как Хранителя вышло? — уточнил Странник.

— Оно не вышло, оно изменилось, — Аглая отставила кочергу и посмотрела ему прямо в глаза. — Раньше ты был пламенем, теперь ты — очаг, который его защищает. Посад сейчас похож на рану, которую только что вскрыли. Малх в цепях, но город не привык к свободе. Вард — солдат, он удержит стены, но он не удержит страх людей.

Она подлила в кружки густой травяной настой.

— Завтра Ила проснётся другой. Посох начнёт менять её, учить видеть то, что скрыто за пеленой реальности. Тебе придётся учиться заново вместе с ней. Не как хозяину силы, а как её единственной опоре. В этом городе за золото продают даже воздух, а за такую искру, как у неё, Малх — не последний, кто захочет купить твою голову.

Даймон кивнул. Он чувствовал, как в груди, за стеной амнезии, рождается странное спокойствие. Ему не нужно было помнить своё имя, чтобы знать — это его бой.

— Мы останемся в тени, — произнёс он. — Пока дерево не привыкнет к камню, а девочка — к дереву.

Они просидели у огня ещё долго. В тишине мастерской, среди запахов стружки и старой меди, два ветерана изломанного мира просто слушали дыхание спящей Илы. Сегодня Вербный Посад был тихим, и эта тишина была единственной наградой, которую они могли себе позволить. Ночь брала своё, укрывая Вербный Посад саваном из тишины и несбывшихся надежд.

Конец 3 главы.

Глава 4. Резонанс стали и дерева

Прошло два дня, но Вербный Посад всё ещё лихорадило. Защитный купол над городом, лишившись «грязных» вливаний коменданта Малха, теперь пульсировал неровно, и в его синеватой дымке всё чаще проскакивали мертвенно-серые сполохи. Город затих в ожидании того, что принесёт новая власть капитана Варда.

На заднем дворе мельницы Аглаи, у самой кромки реки Серая Быстрица, воздух казался густым от водяной пыли и запаха мокрого камня. Живой доспех Даймона лежал на плоском валуне, подсыхая после чистки. Он выглядел как набор матовых чёрных пластин, соединённых невидимыми швами. Обсидиановые чешуйки едва заметно шевелились, когда воин, по пояс обнажённый, несмотря на сырость, отрабатывал базовые связки Ордена.

Даймон вращал универсальный меч, и каждое движение отдавалось в предплечьях привычной, честной мощью. Блестящая сталь клинка, выкованная из сплава метеоритного железа и «звёздной кости», сейчас не пульсировала светом, но её лезвие по-прежнему могло рассечь падающий волос. Без резонанса со Слезой меч перестал быть продолжением воли, превратившись в совершенный, идеально сбалансированный инструмент. Даймон чувствовал его баланс каждой точкой ладони, вкладывая в каждый взмах десятилетия мышечной памяти, которую не смогла стереть даже амнезия.

С каждым размеренным выпадом его мышцы перекачивались под бледной, покрытой мелкими шрамами кожей. Гнетущий летний зной застаивался у воды, и капли пота медленно стекали по спине Даймона, блестя на солнце и смешиваясь с водяной пылью от Быстрицы.

Живой доспех, аккуратно сложенный на валуне, не выглядел брошенным. Его матовые чёрные пластины поглощали солнечный свет, оставаясь холодными на ощупь. Обсидиановые чешуйки едва заметно вибрировали — доспех «слышал» свист клинка и узнавал ритм своего владельца. Когда Даймон резко уходил в нижнюю стойку, сегменты наручей на камне синхронно раскрывались и закрывались, словно жабры крупного хищника, уловившего запах добычи. Ему не нужно было сочувствие; он ждал искры, готовый в любую секунду облечь тело хозяина и превратить его в несокрушимую машину смерти.

Даймон замер, и в ту же секунду мир вокруг него утратил остатки летнего тепла. Массивные валы Серой Быстрицы перекачивались у самых ног с глухим, костяным рокотом, словно река была наполнена не водой, а расплавленным свинцом. Мелкая взвесь магического сланца, поднятая со дна Разломами, окрашивала брызги в мертвенно-серый цвет, и, оседая на камнях, они мгновенно превращались в колючий, похожий на изморозь налёт.

Здесь, на заднем дворе, реальность Посада обнажала свои изъязвлённые края. Старая верба, в честь которой был назван город, склонилась над потоком в мучительном изломе. Её ветви, лишённые гибкости, не трепетали под порывами ветра, а медленно, с едва слышным сухим скрипом, изгибались сами по себе, словно слепые змеи, пытающиеся нащупать источник живого тепла. Воздух застоялся, пропитанный едким запахом озона и горькой полыни — вечных спутников Искращения, которое незримой стеной наползало с того берега.

Площадка для упражнений, вымощенная грубым плитняком, была единственным местом, где хаос отступал перед волей человека. Древние руны покоя, высеченные Аглаей прямо в граните, удерживали хрупкий барьер, внутри которого каждый звук обретал пугающую чёткость. Свист полированной стали, рассекающей эту густую пелену, звучал как удар бича, а ритмичный плеск мельничного колеса казался биением сердца самого города, из последних сил сопротивляющегося угасанию защитного купола.

В этом безмолвии, под тусклым диском солнца, вязнущим в серых всполохах магической завесы, Даймон ощущал себя единственным стержнем, на котором ещё держалось равновесие этого изломанного места.

Этот хрупкий покой был нарушен мягким, едва уловимым сиянием, шедшим из глубокой тени мельничного дверного проёма. Ила стояла там, прислонившись к косяку, и в её руках Посох Хранителя казался затаившим дыхание существом. Вековой дуб, в который Аглая вплавила Слезу Странника, перестал быть просто деревом — по его волокнам, словно по венам, пробегали золотистые искры, пульсируя в такт девичьему сердцу.

Девочка смотрела на Даймона с тихим благоговением, смешанным с пугающей серьёзностью, несвойственной её летам. Она видела не просто воина, а ту самую сталь, о которую должен был опереться её зарождающийся дар. Каждый раз, когда холодный клинок Странника разрезал воздух, Слеза в намерении посоха отзывалась коротким, мелодичным звоном, который слышала только она. Это был резонанс — тонкая, невидимая нить, связывающая древний артефакт и его защитника.

— Хватит за ним подглядывать, малявка. Сталь не любит лишних глаз, она от них тупится, — раздался из темноты мастерской низкий, властный голос Аглаи.

Старая мастерица вышла на свет, и вескость её шагов по плитняку была созвучна ритмичному удару мельничного колеса. Она вытирала свои широкие, мозолистые ладони об изношенный кожаный фартук, в складках которого застряла металлическая стружка. Её голос, привыкший перекрывать гул воды и лязг металла, прозвучал над двором сухо и уверенно. Хрипота в нём была следствием долгих лет, проведённых у горна и в сыром подвале мельницы, где воздух всегда пропитан едкой окалиной и запахом речного ила. Она подошла к Иле и бесцеремонно взяла её за подбородок своей узловатой рукой, пахнущей гарью и сырым деревом.

— Ну и чего ты дрожишь? Посох чувствует твой страх, Ила. Это не просто палка, чтобы на неё опираться. Если не приручишь его сейчас, пока Слеза ещё «притирается» к дубу, он выпьет твою искру раньше, чем вы доберётесь до первого настоящего Разлома.

Аглая медленно разжала пальцы, оставляя на бледной коже девушки багровые пятна. Она не отвернулась, как прежде, а сделала грузный шаг вперёд, выходя из густой тени дверного проёма. Её приземистая, мощная фигура на фоне яркого солнца казалась вылитой из тёмного чугуна. Мастерица долго всматривалась в лицо Илы, и в её колющем взгляде вдруг что-то надломилось. Суровая маска, выкованная десятилетиями одиночества у горна, дрогнула, обнажая старую, глубоко запрятанную тревогу.

Глядя на тонкую фигуру внучки, сжимающей дубовое древко, в котором пульсировала чудовищная мощь иного мира, Аглая внезапно увидела в ней не «инструмент» и не носителя артефакта, а продолжение собственной крови.

— Подойди ближе, Ила, — голос Аглаи стал тише. Он утратил командный рокот, обретя пугающую, почти шелестящую глубину.

Когда девочка послушно сделала шаг, мастерица положила руку ей на плечо. Её ладонь, огрубевшая от жара горна и вечной работы с металлом, легла плотно и уверенно, словно припечатывая Илу к этой земле, не давая ей раствориться в сиянии посоха.

— Эти два дня, пока ты была здесь, я смотрела на тебя и не могла поверить, — негромко произнесла она, глядя прямо в расширенные зрачки внучки. — Мы с Мартой выросли на этих преданиях, хранили этот посох поколениями, но я до последнего надеялась, что он так и останется просто мёртвым деревом в углу моей мастерской. Дитя Тихой Воды. Пророчество Ведуний Полены, которое должно было явиться в час великой беды. Я старая дура, Ила. Я всю жизнь думала, что сталь и руны — это единственный предел силы. Но Слеза... она не выбрала мой молот. И даже сверкающий меч Странника для неё — лишь временные ножны. Она выбрала твою искру.

Аглая горько усмехнулась, и эта гримаса прорезала её лицо ещё более глубокими морщинами.

— Быть той, о ком поют легенды — это не дар богов, девочка. Это приговор, который заставляет мир вращаться вокруг тебя, выжигая всё остальное. Свитки говорят, что тихая вода

может поглотить любое пламя и укротить Искажение, но они молчат о том, как страшно и холодно бывает в её собственной глубине. Тебе придётся научиться быть этой бездной прежде, чем ты успеешь понять, что такое быть просто человеком.

Она потянулась к поясу, сорвала небольшой кожаный кисет с защитным порошком из растёртого пепельника и почти грубо вложила его в свободную руку Илы, накрыв её пальцы своими, твёрдыми и горячими.

— Слушай меня. Не пытайся бороться с посохом, когда он начнёт «петь». Не пытайся подчинить его волей — у тебя её пока меньше, чем у этого камня. Просто... стань этой водой. Позволь силе течь сквозь тебя, не задерживая её. Понимаешь? Не сокрушай тьму, а дай ей утонуть в себе.

Ила молча кивнула, чувствуя, как слова бабки оседают в ней свинцовым грузом. Это было первое настоящее признание её новой, пугающей роли. Аглая не просто давала совет — она признавала, что отныне Ила стоит выше неё в этой иерархии выживания.

— Твоя мать и Марта хотели для тебя другой доли, — тише добавила Аглая, и в её глазах на миг отразилось небо, затянутое серым туманом купола. — Но судьба — это металл. Можно плакать над ним, а можно ковать, пока он горяч.

Солнце медленно вползло в зенит, но вместо полуденного жара принесло лишь густую, липкую духоту. Небо над Вербным Посадом окончательно утратило лазурь, затянувшись беле-сой хмарью, сквозь которую свет пробивался тусклыми, мертвенно-бледными пятнами. Полу-денный зной не освежал, а лишь заставлял озоновую взвесь у реки вибрировать ещё сильнее.

Ритмичный стук мельничного колеса, прежде казавшийся надёжным пульсом этого места, теперь тонул в глухом гуле, доносившемся со стороны леса. Птицы, ещё утром щебетав-шие в прибрежных зарослях тёрна, смолкли, словно почуяв незримую угрозу, наползающую на город. Время завтрака давно миновало, и короткие тени от валунов начали медленно пря-таться под сами камни, оставляя героев один на один с нарастающим напряжением.

Даймон, к этому моменту уже полностью облачённый в свой обсидиановый панцирь, казался неподвижным изваянием. Живой доспех больше не вибрировал — он застыл в ожи-дании команды, поглощая скудный свет обеденного солнца. Странник перевёл взгляд с бурля-щей Серой Быстрицы на Илу.

Девочка всё ещё сжимала в кулаке подарок Аглаи. Слова бабки о «тихой воде» и бездне, в которой должна утонуть тьма, резонировали в её сознании громче, чем шум воды. Обед в мастерской так и остался нетронутым на столе: хлеб подсох, а пар над котелком давно истаял. Теперь единственной пищей для них была решимость, а единственным путём — дорога в Верб-ный лог.

— Тени стали короче, — глухо произнёс Даймон, нарушая затянувшееся молчание. — Искажение больше не прячется в оврагах. Оно вышло на охоту.

Аглая лишь коротко кивнула, её лицо в зенитном свете казалось вырубленным из древ-ней скалы. Она медленно отступила к кузнечному горну, давая понять, что время разговоров истекло вместе с утренней прохладой.

Тишину двора, прерываемую лишь ленивым рокотом Серой Быстрицы, внезапно разре-зал сухой, дисциплинированный звон подкованных сапог по плитняку. Калитка мастерской со скрипом отворилась, и на пороге возник капитан Вард. Его доспехи, в отличие от живого обсидиана Даймона, были честной имперской сталью, густо покрытой дорожной пылью и све-жими зазубринами. Лицо офицера, обычно непроницаемое, сейчас хранило печать глубокой усталости, а в углах глаз залегла тревожная тень.

— Странник, — Вард коротко кивнул Даймону, даже не пытаясь скрыть облегчения. — Аглая. Простите, что без приглашения, но город дышит мне в затылок.

Он остановился, переводя дыхание, и его взгляд на мгновение скользнул по Иле, сжима-ющей посох. Офицер нахмурился, но тут же вернулся к делу, чеканя слова по-военному сухо:

— Новости паршивые. Купол на северной стороне пошёл трещинами. Твари из Разлома уже не просто скребутся в него, они лизут стекло. Малх оставил после себя не только пустую казну, но и решето вместо защиты. Город на грани паники, Даймон. Если полыхнёт внутри стен, я не удержу ситуацию одними стражниками. Нам нужно обсудить план обороны, и сделать это быстро.

Вард указал в сторону вывески «У кривой вербы», что едва виднелась в конце улицы, подрагивая в дрожащем воздухе полуденного зноя.

— Пойдём, перехватим по чарке эля. Мне нужно доложить тебе расклад по гарнизону и тому, что мои дозорные засекли в лесу сегодня на рассвете. Здесь слишком открытое место для таких разговоров.

Даймон медленно отделился от валуна, и сегменты его доспеха отозвались едва слышимым шелестом. Он молчал несколько секунд, оценивая ситуацию, а затем коротко взглянул на Аглаю. Мастерница поняла его без слов. Она подошла к Иле и положила руку ей на плечо, возвращая себе привычную жёсткость.

— Идите, — бросила Аглая. — У нас с внучкой полно дел. Нужно проверить затворы на мельнице и перебрать запасы. Я ещё вчера подвесила сушиться корень черноцвета, а волчьё ягоду пора перетирать с солью, чтобы смазать засовы. Если купол рухнет, я не собираюсь встречать гостей с пустыми руками.

Ила проводила мужчин долгим взглядом. Она видела, как чёрная сталь Даймона и тусклый блеск доспехов Варда скрываются за поворотом, уходя в сторону таверны. В воздухе, насыщенном озоном и близкой грозой, повисло предчувствие: этот разговор офицеров станет началом большой битвы за Посад.

Даймон и Вард покинули двор мельницы, и плотный стук водяного колеса за их спинами быстро сменился вязким, липким шумом затихающего города. Путь к «Кривой вербе» лежал через Нижний Посад — район, который всегда первым принимал на себя дыхание Искращения, стекающее с гор.

Улицы здесь были узкими, зажатыми между приземистыми домами из серого камня, чьи стены покрылись белёсой солью от магических испарений. Под ногами хрустела всё та же едкая пыль, но здесь она смешивалась с гнилой соломой и нечистотами, создавая крепкое амбре упадка. Обычной городской суеты не чувствовалось. Ремесленники не зазывали покупателей, а редкие прохожие, завидя блеск доспехов Варда и пугающую обсидиановую фигуру Даймона, торопливо вжимались в подворотни или захлопывали ставни.

— Видишь? — Вард кивнул на глухо запертые двери лавки кожевника. — Город затаился. Люди чувствуют, что купол перестал петь ровно. Раньше его гул успокаивал, а теперь от него только зубы ноют.

Они миновали Рыночную площадь, которая сейчас выглядела как поле после битвы: брошенные телеги, обрывки холстины и пустые прилавки. В центре площади стоял старый колодец, об обрубленный край которого кто-то неосторожно разбил стекло — осколки сверкали на солнце, словно россыпь мелких Разломов, напоминая о недавней панике, когда стража проверяла горожан на предмет «тени» в глазах.

Над крышами домов, в зенитной дымке, защитная завеса города выглядела совсем прозрачной. Сквозь неё пробивались серые сполохи, похожие на грязные разводы на стекле. Даймон чувствовал, как его доспех едва заметно вибрирует, реагируя на каждый такой всплеск — Искращение больше не сдерживалось монолитной волей Маяков, оно просачивалось внутрь, отравляя сами камни мостовой.

Таверна «У кривой вербы» показалась впереди как последнее прибежище. Это было приземистое здание с покосившейся крышей, подпёртой толстыми дубовыми балками. Прямо перед входом росло то самое дерево, давшее название заведению — старая, изломанная верба

с мертвенно-белыми ветвями, которые бессильно свисали до самой земли, почти касаясь грубой, обитой железом двери.

— Пришли, — Вард толкнул створку, и изнутри пахнуло кислым элем, застарелым потом и тем самым особенным холодком, который всегда царит в местах, где люди пытаются залить страх хмелем.

Таверна «У кривой вербы» встретила их гулким полумраком, который не мог разогнать даже жидкий свет полуденного солнца, пробивающийся сквозь мутные, засиженные мухами окна. Воздух здесь был спёртым, словно его можно было резать ножом: он пах кислым, дешёвым элем, застарелым потом, гнилой соломой на полу и слабым, едва уловимым ароматом жжёного сахара — дешёвой алхимической притирки, которой мазали ставни для отвода мелкой нечисти.

Народу было мало. Редкие посетители сидели за покосившимися столами, вырезанными из грубого дуба. Это были измождённые горожане в серых, засаленных одеждах, чьи лица хранили печать постоянного страха и нужды. Никто не смеялся; разговоры велись вполголоса, прерываясь нервными взглядами на дверь или на мутное окно, за которым пульсировало бледное марево купола. Обстановка внутри полностью отражала дух города — мир упадка и выживания.

Даймон и Вард выбрали самый дальний угол, где тень была особенно густой, и устроились за столом, вдавленным прямо в стену. Приземистые балки над головой скрипели под натиском давящей тишины.

— Эй, хозяйка! — хрипло окликнул Вард. — Две кружки эля и похлёбки горячей, да поживее! У нас времени в обрез.

Из-за стойки, сложенной из таких же неровных камней, как и городские стены, вышла полная женщина с лицом, похожим на печёное яблоко. Её глаза были пустыми и равнодушными. Она не задавала вопросов и не приветствовала гостей — просто кивнула, исчезая в проходе за стойкой, откуда тут же донёсся аромат варёного мяса и корней.

Даймон опустился на скрипучую скамью. Его живой доспех под плащом наконец «уснул», обсидиановые чешуйки застыли, став холодными и гладкими. Он положил руки на грубый стол, а Вард, сняв свой шлем и поставив его на лавку, откинулся назад, растирая уставшие глаза. Они ждали еду, но в воздухе уже повисло напряжение предстоящего разговора, который должен был пролить свет на истинное положение дел в гибнущем городе.

Хозяйка таверны вернулась быстро, не проронив ни слова. Перед мужчинами опустились две массивные глиняные миски с густым варевом, от которого валил пар, пахнувший чечевицей и копчёным салом, и две кружки с мутным, почти чёрным элем. Даймон молча принял еду. Его пальцы, огрубевшие от вечных тренировок и рукояти меча, уверенно обхватили большую ложку. Движения были скупыми и точными — движениями солдата, который привык дорожить каждой минутой затишья.

Вард сделал долгий, жадный глоток из своей кружки, вытер пену с губ тыльной стороной ладони и наклонился вперёд. В тусклом свете таверны его лицо казалось жёлтым, а тени в глазницах стали ещё глубже.

— Дозорные вернулись на рассвете. Половина — в крови, двое — без рассудка, — начал он шёпотом, который едва перекрывал треск поленьев в очаге. — К северу от Вербного лога, у Старых Копей, Грань не просто треснула. Там разверзлась Чёрная Прореха. Это не обычный прорыв, Даймон. Пространство там пузырится густой, маслянистой тьмой, которая медленно пожирает сами камни и высасывает цвет из листвы.

Даймон замер, не донеся ложку до рта. Под серым плащом послышался едва уловимый сухой шелест — это сегменты доспеха на его плечах пришли в движение, почуяв упоминание о Прорехе. Пластины плотнее прижались к телу, словно хищник, припавший к земле.

— Местная шваль вроде утопов на такой запах слетится со всех болот, — глухо произнёс Странник. — Но они лишь падалышки. Что за тварь пробила саму Грань? Грохотун?

— Если бы, — Вард горько усмехнулся. — Утопы по сравнению с этим — щенки. Мои ребята называли его Костеглотом. Это не просто зверь из Бездны, Даймон. Это оживший кошмар, собранный из обломков старых доспехов, раздробленных костей и застывшей магической смолы. Он не просто убивает — он вплавляет в себя металл и плоть павших, становясь всё больше с каждым сожранным солдатом. Он — «якорь» этой Прорехи. Пока он дышит своим могильным холодом, язва не захлопнется, а будет только расширяться, пока не сожрёт северный сектор нашего купола.

Офицер замолчал, вглядываясь в лицо Даймона. В таверне стало ещё тише; даже редкие посетители, казалось, перестали жевать, инстинктивно чувствуя холод, исходящий от этого разговора.

— Я собираю рейд на закате, — Вард ударил кулаком по столу, заставив посуду жалобно звякнуть. — У меня есть десяток надёжных ребят и пара алхимиков с «солнечным порошком». Но нам нужен тот, кто умеет резать саму ткань Искажения. Нам нужен Странник. Если мы не вырвем это сердце тьмы сегодня ночью, завтра защищать Посад будет уже некому. Купол просто лопнет, как перезрелый гнойник.

Даймон посмотрел в свою миску. Он понимал: его долг — идти туда, где рвётся реальность. Но теперь он был не один.

— Ты просишь меня оставить девчонку одну, чтобы пойти на Костеглота? — его голос прозвучал как скрежет стали о камень. — После того, что случилось в мастерской Аглаи, я не спущу с неё глаз ни на миг.

Вард замер с поднесённой к губам кружкой, и в его взгляде мелькнуло раздражение, быстро сменившееся горьким пониманием. Он поставил эль на стол, даже не пригубив.

— Оставить её? Даймон, ты же понимаешь, что в этом городе сейчас нет места безопаснее, чем мельница Аглаи под прикрытием моих ребят. Но если ты пойдёшь со мной к Копям, я дам тебе ещё пятерых лучших ветеранов для охраны дома. Костеглот не ждёт, он жрёт купол прямо сейчас.

Даймон медленно отодвинул нетронутую похлёбку. В полумраке таверны его фигура казалась высеченной из той самой тьмы, о которой говорил офицер. Живой доспех под плащом отозвался коротким, едва слышным вибрирующим гулом — предчувствием близкой крови и Искажения.

— Нет, Вард, — голос Странника прозвучал негромко, но так веско, что пара сидевших неподалёку горожан инстинктивно втянули головы в плечи. — Никаких рейдов. Никаких алхимиков и твоих «надёжных ребят».

Вард нахмурился, собираясь возразить, но Даймон поднял руку, и обсидиановый блеск сегментов на его запястье заставил капитана умолкнуть.

— Твои солдаты хороши против людей и лесной швали вроде утопов. Но против Прорехи и Костеглота они — лишь свежее мясо и новый металл, который эта тварь вплавит в своё тело. Ты только сделаешь его сильнее, — Даймон заглянул офицеру в самые зрачки. — Оставь гарнизон в городе. Укрепляй стены, латай дыры в куполе и не давай людям впасть в безумие. Это твоя работа.

Странник медленно поднялся, и серый плащ плотными складками опал до самого пола, скрывая его броню.

— А Костеглот — это моя работа. Я пойду один. На то я и Странник. Я вырву этот «якорь» и захлопну Прореху прежде, чем луна скроется за тучами. Но ты дашь мне слово, Вард: пока меня не будет, ни один волос не упадёт с головы Илы. Если с ней что-то случится... Посаду не понадобится Разлом, чтобы превратиться в пепел. Я сам об этом позабочусь.

Вард долго молчал, вглядываясь в холодную пустоту глаз Даймона. Наконец он коротко, по-военному кивнул.

— Твоё право, Странник. Мельница будет крепостью, клянусь своей честью и сталью. Но Костеглот... Говорят, он помнит каждого, кто пытался его сразить. Не стань его очередной деталью.

Вард медленно поднялся, и его доспехи отозвались глухим, веским лязгом. Офицер в последний раз посмотрел на Даймона — не как на наёмника, а как на единственную преграду между городом и бездной. В его взгляде читалось невольное уважение, смешанное с горьким облегчением человека, с чьих плеч сняли непосильный груз.

— На том и порешили, Странник, — Вард коротко, по-военному кивнул, надевая шлем. Металлическое забрало скрыло его усталое лицо, оставив лишь холодный блеск глаз в узкой прорези. — Мои люди уже занимают посты у мельницы. Грызись с этим Костеглотом сам, раз такова твоя воля. Но если к полуночи Прореха не захлопнется... я выведу гарнизон на стены. Последний бой Посад встретит с честью.

Офицер развернулся и размашистым шагом направился к выходу. Мощная дверь таверны захлопнулась за ним с пушечным грохотом, заставив пламя свечей на столах испуганно дрогнуть. Немногие посетители, сидевшие в зале, проводили его взглядами и тут же уткнулись в свои кружки, стараясь не смотреть на оставшегося в тени Даймона.

Странник не спешил. Он допил остатки горького эля, чувствуя, как хмель оседает внутри холодной решимостью. Живой доспех под плащом едва слышно вибрировал, словно предчувствуя близость «якоря» Искращения. Даймон поднялся, бросил на стол медную монету и вышел в душную пелену Нижнего города.

Путь обратно к мельнице Аглаи казался короче. Город окончательно замер: улицы опустели, и даже бродячие псы забили в глубокие подворотни. Лишь серые сполохи над головой напоминали о том, что защитный купол Верного Посада продолжает истончаться.

Когда Даймон ступил на знакомые мостки, звук водяного колеса встретил его как старого друга. У калитки уже стояли двое стражников Варда — неподвижные, закованные в железо фигуры с огромными алебардами. Они молча расступились, признавая право Странника войти.

На заднем дворе всё было по-прежнему: Серая Быстрица катила свои свинцовые волны, а старая верба скрипела под порывами озонового ветра. Даймон остановился у входа в мастерскую. Он знал, что внутри Ила пробует свои силы, а Аглая следит за каждым её вздохом. Ему нужно было забрать универсальный меч и уйти в сумерки, к Старым Копям, чтобы сделать то, ради чего он был создан.

Даймон переступил порог мастерской, и запах разогретого металла и сушёных трав на мгновение заглушил едкую озоновую дымку города. Ила стояла в центре комнаты, сжимая Посох Хранителя. Золотистое сияние Слезы внутри древесины пульсировало мягко, но уверенно, отбрасывая на стены длинные, дрожащие тени. Аглая сидела у верстака, правив оселком короткий нож, и её взгляд сразу впился в лицо Странника.

— Новости от Варда пахнут гарью, — глухо произнесла мастерица, не прекращая работы. — Я слышу, как купол стонет под натиском севера. Что там, Даймон?

— Чёрная Прореха у Старых Копей, — отозвался он, подходя к валуну, где лежал его универсальный меч. — И Костеглот. Якорь Искращения, который нужно вырвать, пока он не сожрал город.

Ила резко обернулась, и её глаза, отражающие золото артефакта, расширились от пугающей решимости.

— Я пойду с тобой, Мастер! — выпалила она, делая шаг вперёд. Посох в её руках отозвался коротким, гулким звоном. — Слеза... она поёт, когда я думаю о Разломе. Она хочет помочь! Я смогу «отравить» почву, как тогда в лесу с Лиходеем!

Даймон медленно повернулся к ней. В полумраке мастерской его живой доспех под серым плащом пришёл в движение: матовые обсидиановые пластины плотно прилегли к телу, подготавливаясь к выходу. Воин замер, глядя на яркое золотое сияние, которое исходило от посоха. В этом сумраке такой свет казался слишком вызывающим, почти кричащим.

— Скрой его, Ила, — негромко, но властно произнёс Странник. — Слеза не должна сиять в ночи Вербного Посада. Костеглот чувствует такую мощь за версту. Если он повернёт свою морду к мельнице до того, как я доберусь до его сердца, стены Аглаи не устоят.

Девочка послушно кивнула и потянулась к поясу. Она достала чехол-оправу, подаренный Мартой — плотную, прошитую магическими жилами кожу, способную удерживать внутри даже самое яростное свечение. Ила бережно обернула чехол вокруг навершия посоха. Золотистые сполохи мгновенно погасли, сменившись лишь едва заметным, приглушённым теплом.

— Нет, Ила. Тебе ещё рано входить в истинную Бездну, — продолжил Даймон, его голос прозвучал сурово, но без злобы. — Вспомни наш путь через лес. Голос твоей матери, корни Лиходея... Ты едва не сгорела от одного только прикосновения к его тени. Костеглот — это не лесной паразит. Это воплощённая смерть, которая питается металлом и плотью.

Девочка хотела возразить, но Странник положил свою грузную руку ей на плечо, заставляя замолчать.

— Послушай меня, — он чуть смягчил тон, глядя ей прямо в зрачки. — Твой свет сейчас — как первая свеча на ветру. Если я возьму тебя к Прорехе, она погасит тебя прежде, чем я успею обнажить клинок. Твоя задача — оставаться здесь, с Аглаей. Учись слушать посох, а не подчиняться ему. Твоё время придёт, но не в эту ночь.

Ила понурила голову, и тепло посоха чуть пригасло, отражая её разочарование. Даймон едва заметно коснулся её волос.

— Спи спокойно. Пока я в доспехе, ни одна тень не переступит порог этой мельницы.

Аглая поднялась со скамьи, её лицо снова стало непроницаемым, как гранит. Она подошла к Даймону, протягивая ему пояс с несколькими склянками, наполненными мутной, светящейся жидкостью.

— «Солнечный пот» алхимиков, — коротко пояснила она. — Брось в сочленения этой твари, если сталь не возьмёт.

Затем она отставила оселок и взяла с полки узкий флакон из тёмного стекла, запечатанный воском. Внутри перекачивалась вязкая жидкость цвета ночного неба, усеянная серебристыми искрами.

— Стой смирно, Странник, — велела она.

Когда Даймон замер, мастерица резким движением сорвала печать и начала окроплять его походный плащ. Капли, едва коснувшись серой ткани, не впитывались, а расплывались тусклыми, призрачными пятнами, которые тут же гасли, оставляя после себя лишь едва уловимый запах соли и старой магии.

— Это «Слёзы Глубин», — пояснила она, и её голос в полумраке мастерской прозвучал особенно глухо. — Этот состав не сделает тебя невидимым, но он размочит твой контур для глаз Искращения. Для Костеглота ты станешь не живым человеком, а просто ещё одной серой тенью в лесу. Это выиграет тебе пару секунд для первого удара.

Даймон почувствовал, как плащ стал едва ощутимо тяжелее, а воздух вокруг него словно уплотнился, отсекая лишние звуки города. Он коротко кивнул Аглае, принимая этот дар.

Она помогла ему закрепить ремни поверх окропленного плаща, проверяя каждый узел с той же тщательностью, с какой проверяла свои механизмы. В этой тишине мастерской, под мерный стук водяного колеса, Даймон окончательно превращался в оружие, готовое к удару.

Молча окинув взглядом полумрак мастерской, где в отсветах горна замерли Аглая и Ила, Даймон развернулся и вышел в сырую синеву наступающего вечера. Дверь за его спиной закры-

лась с веским, окончательным стуком, и звук задвигаемого засова прозвучал как начало долгого отсчёта.

Странник миновал мостки, где двое стражников Варда вытянулись во фрунт, провожая обсидиановую фигуру опасливыми взглядами. Город к этому часу окончательно вымер. В Нижнем Посаде, который Даймон проходил днём вместе с офицером, теперь не горело ни единого огня. Улицы, зажатые между приземистыми каменными домами, казались глубокими колодцами, наполненными липким серым туманом. Под ногами хрустела едкая магическая пыль, но теперь она не просто осела на мостовой — она медленно поднималась вверх, закручиваясь в призрачные спирали.

Он шёл к северным воротам, единственным, что вели к Старым Копям. Чем дальше он удалялся от мельницы, тем сильнее ощущалось давление Искращения. Воздух стал сухим и колким, вызывая металлический привкус на языке. Защитный купол над головой, который ещё днём пульсировал синевой, теперь выглядел как мутное, треснувшее стекло, сквозь которое просачивались мертвенно-серые сполохи.

Миновав Рыночную площадь с её брошенными телегами и разбитым зеркалом у колодца, Даймон вышел к городской стене. Крепкие кованые ворота были заперты, но по приказу Варда дозорные на стенах, не задавая вопросов, приоткрыли для него узкую калитку.

Как только Даймон шагнул за калитку северных ворот, гул купола за его спиной мгновенно сменился оглушительной мертвенной тишиной Вербоного лога. Здесь сама почва под сапогами казалась изъязвлённой: чахлая трава не пригибалась к земле, а рассыпалась в серый пепел при каждом шаге. Воздух стал настолько плотным, что состав «Слёзы Глубин» на плаще начал слабо мерцать серебром, размывая силуэт Странника в густеющих сумерках и скрывая его от глаз Иного мира.

Он миновал заброшенную сторожку лесника, чьи стены были оплетены чёрным выюном с пульсирующими багровыми венами. Его живой доспех под плащом вёл себя беспокойно: обсидиановые пластины на груди то сжимались, затрудняя дыхание, то расходились с сухим шелестом, улавливая малейшие колебания магического поля, как жабры хищника под водой.

— Чуешь его, — почти одними губами произнёс Даймон, обращаясь к собственной броне.

Путь вывел его к подножию холма, где зияли провалы Старых Копей. Теперь это место выглядело как кладбище забытых механизмов: ржавые вагонетки, вросшие в пепельную землю, напоминали скелеты доисторических чудовищ. Вход в главную шахту дышал непроглядной чернотой, из которой по склону, словно густой мазут, стекал плотный туман.

Здесь тишина стала абсолютной. Над самой вершиной холма пространство шло рваными трещинами: Чёрная Прореха медленно вращалась, затягивая в себя обрывки облаков и выплёскивая в ответ ледяной холод Бездны. Даймон остановился у края первого шурфа. Внизу, в сплетении гнилых балок и зазубренного железа, раздался звук, от которого по коже пробежал мороз — резкий, скрежещущий ритм соприкосновения металла о сухую кость.

Это был голос Костеглота. «Якорь» Искращения уже не просто чуял Странника, он приглашал его в свою обитель, готовясь влить холодную сталь и обломки обсидиана в свою уродливую тушу.

Даймон медленно вытянул универсальный меч из ножен, и сияющее лезвие, коснувшись отравленного воздуха Копей, отозвалось низким, предупреждающим вибрирующим гулом. Он сделал первый шаг вниз, в провал главного шурфа, где маслянистая тьма была настолько вязкой, что казалась осязаемой.

В глубине шахты, среди нагромождения истлевших подпорок и перекрученных рельсов, возвышалось оно.

Костеглот не имел постоянной формы. В тусклых сполохах Чёрной Прорехи он выглядел как беспорядочный, пульсирующий ком из обломков старых вагонеток, зазубренных кирок

и фрагментов человеческих скелетов, спаянных между собой иссиня-чёрной магической смолой. Эта субстанция перетекала внутри него, словно живой дёготь, заставляя всю конструкцию постоянно менять очертания.

Глазами Странника Даймон видел не просто груды хлама, а само Искажение, обретшее плоть. В центре этого месива, там, где у живого существа должно быть сердце, ритмично мерцал грязно-фиолетовый сгусток — «якорь», удерживающий Прореху в нашем мире.

Тварь зашевелилась, и звук этот напомнил Даймону скрежет сотен ножей по камню. Вместо головы у монстра зиял огромный ковш старой подъёмной машины, внутри которого, словно зубы, были вплавлены острые обломки мечей, павших когда-то здесь воинов. Костеглот не издавал рёва — он выдыхал ледяной холод, от которого сверкающий клинок Даймона начал покрываться инеем.

Монстр опирался на несколько суставчатых конечностей, собранных из ржавых цепей и берцовых костей, которые втыкались в пепельную почву с хрустом. С каждым движением из его туши высыпалась сухая костная крошка, а из-под наслоений металла на Даймона смотрели пустые глазницы десятков черепов, вмурованных в этот кошмарный панцирь.

— Значит, ты и есть тот, кто грызёт наш купол, — негромко произнёс Даймон.

В ответ Костеглот резко вскинул одну из своих «рук» — длинный хлыст из переплетённых стальных тросов, на концах которого висели острые крюки для добычи руды. Тварь не просто ждала — она изучала Странника, примеряя, куда именно в её теле лучше всего впишется его обсидиановый доспех.

Даймон замер, чувствуя, как живой доспех под плащом отозвался на близость «якоря» Искажения. Обсидиановые пластины на его плечах и предплечьях начали медленно смещаться, выходя из пазов и перекрывая друг друга с сухим, хищным клацаньем. Броня больше не пряталась — она разворачивалась, превращая воина в монолитную фигуру, готовую принять удар многотонной махины.

Он медленно перехватил универсальный меч обеими руками. Полированное лезвие, выкованное из метеоритного железа, впитало в себя мертвенный свет Чёрной Прорехи, став почти невидимым в густой взвеси. Даймон слегка согнул колени, распределяя вес, и прислушался к ритму своего дыхания — в этом бою ошибка стоила бы ему не просто жизни, а самой искры, которую Костеглот жаждал поглотить.

Свободной рукой он нащупал на поясе одну из склянок с «Солнечным потом», подаренную Аглаей. Пальцы Странника коснулись холодного стекла, готовые в любой момент сорвать чеку. Он не собирался бить в лоб — против такой горы металла и костей лобовая атака была бы безумием. Его целью были сочленения, те самые места, где магическая смола скрепляла ржавые рельсы и берцовые кости.

Костеглот тоже не медлил. Его подготовка к атаке была лишена изящества, но полна первобытной мощи. Тварь начала медленно «всасывать» в себя окружающий хлам: ржавые цепи и обломки вагонеток с лязгом притягивались к её туловищу, наращивая и без того массивный панцирь. Маслянистая тьма внутри монстра запульсировала быстрее, и из-под ковша, замедлившего ему голову, вырвался сноп ледяных искр.

Монстр переставил свои суставчатые конечности, глубоко вгоня костяные шпоры в пепельную землю, чтобы создать опору для рывка. Его длинный хлыст из стальных тросов с зазубренными крюками на конце начал медленно раскручиваться, описывая круги над головой Даймона. Звук этого вращения напоминал свист приближающейся бури, от которой негде укрыться.

Воздух между ними окончательно вымер. Даймон видел, как фиолетовый сгусток в центре твари вспыхнул ярче — Костеглот выбрал момент. В следующую секунду тишина Копей должна была взорваться грохотом стали о камень.

Тишина Старых Копей лопнула, как перезрелый нарыв. Костеглот не стал медлить — его многотонная туша, вопреки законам физики, рванулась вперёд с пугающей резкостью. Длинный хлыст из переплетённых стальных тросов с завыванием рассёк воздух, оставляя в сумерках шлейф ледяного пара.

Даймон не пытался принять этот удар на клинок. Его универсальный меч, чьё лезвие из сплава метеоритного железа и «звёздной кости» тускло мерцало в свете Прорехи, был невероятно прочен, но инерция удара такой массы просто вбила бы воина в пепельную землю. В последнюю долю секунды, когда зазубренные крюки уже должны были впитаться в обсидиановое плечо, Странник резко ушёл в перекат. Хлыст с грохотом обрушился на перевёрнутую вагонетку позади него, сминая грубое железо, как пергамент.

Не давая герою перевести дыхание, монстр нанёс второй удар — массивный ковш, замедливший ему голову, с лязгом обрушился сверху вниз. Даймон почувствовал, как живой доспех на его ногах и торсе мгновенно уплотнился, распределяя чудовищную нагрузку. Он выставил меч в защитную позицию, и удар ковша пришёлся по касательной.

Скрежет ржавого металла о светлую поверхность звёздной кости был настолько оглушительным, что заложило уши. Даймона отбросило на несколько метров назад; его сапоги оставили глубокие борозды в серой пыли, но он устоял. Клинок впитал энергию удара без единой зазубрины, на мгновение отозвавшись коротким, хищным звоном в ответ на агрессию Искращения.

Костеглот замер, перестраивая свою уродливую массу. Его конечности из цепей и костей с хрустом вонзились в грунт, готовя новый рывок. Тварь видела, что её добыча всё ещё жива, и изнутри её туши вырвался низкий, вибрирующий гул — резонанс с Чёрной Прорехой, которая над их головами вспыхнула грязно-фиолетовым светом.

Даймон тяжело дышал, чувствуя, как доспех передаёт его телу могильный холод врага. Первая волна атаки была перенесена, но он понимал: ещё пара таких прямых попаданий, и даже обсидиан начнёт сдаваться под весом этой горы хлама.

Даймон понял: пассивная защита выпьет его силы раньше, чем Костеглот устанет. Странник перешёл в наступление, превратившись в размытый росчерк обсидиановой тени. Его живой доспех взвыл на высокой ноте — сегменты брони на суставах раскрылись, выбрасывая излишки тепла и магического давления, что позволило воину совершить рывок, граничащий с телепортацией.

Он врезался в массу монстра не как человек, а как пушечное ядро. Меч из звёздной кости описал идеальную дугу, и его сияющее лезвие с чавкающим звуком вошло в наложение магической смолы между ржавыми рельсами, заменявшими твари рёбра. Костеглот содрогнулся; из раны брызнула не кровь, а густой чёрный дёготь, вспыхивающий фиолетовыми искрами.

Тварь взревела скрежетом металла. Её стальной хлыст метнулся назад, пытаясь перебить Даймону хребет, но обсидиановые пластины на его спине мгновенно выросли, образовав острое ребро-гребень. Удар троса пришёлся по этой броне, выбив сноп искр, но не сбив Странника с ритма.

Даймон выхватил склянку «Солнечного пота» и, вместо того чтобы метать её издалека, с силой впечатал её прямо в «колени» монстра — сплетение цепей и берцовых костей. Стекло лопнуло, и ослепительно-белое пламя алхимического состава вгрызлось в магическую связку. Костеглот взвыл, его опора начала плавиться, и колосс завалился набок, круша своим весом ржавые вагонетки.

Это было рубилово в самом сердце шторма. Даймон наносил удар за ударом, вкладывая в каждый взмах всю тяжесть метеоритного железа. Он не просто резал — он выламывал куски из тела врага. Блестящий клинок входил в кость и металл, как раскалённый нож в масло, оставляя за собой шлейф испаряющейся тьмы.

Монстр в ответ предпринял отчаянную попытку: его ковш-голова раскрылся, и из недр туши вырвался направленный выброс чистой энергии Искажения. Даймон едва успел вскинуть меч перед собой, поймав поток на плоскость клинка. Звёздная кость завибрировала так сильно, что руки Странника онемели, а его доспех начал светиться тусклым багрянцем, поглощая избыток силы, чтобы не дать сердцу воина остановиться.

Они сошлись в клинче: обсидиановое плечо Странника упёрлось в ржавый панцирь Костеглота. В этом моменте не было грации — только первобытная ярость и скрежет двух сталкивающихся миров. Даймон видел сквозь щели в металле мерцающий фиолетовый «якорь» и понимал: сейчас или никогда.

Воздух в Старых Копях стал настолько плотным от Искажения, что каждый вдох обжигал лёгкие Даймона холодным скрежетом. Костеглот, почуяв близость своего конца, перешёл в стадию безумной агонии. Его туша стремительно перестраивалась: ржавые рельсы и цепи с чудовищным скрежетом втягивались внутрь, оголяя пульсирующий фиолетовый «якорь», который теперь сиял как маленькое, злое солнце.

Монстр нанёс удар всеми своими конечностями одновременно. Стальной хлыст обвился вокруг ног Даймона, рывком сбивая его с позиции, а массивный ковш-голова с лязгом обрушился на грудь Странника. Обсидиановые пластины живого доспеха не выдержали такой концентрации мощи — по нагруднику пошли трещины, и Даймон почувствовал, как во рту разлился солоноватый привкус крови. Он рухнул на колени, придавленный многотонным прессом из костей и металла.

Костеглот навис над ним, готовясь нанести финальный удар зазубренным обломком вагонетки. В этот миг казалось, что Бездна победила: холодный блеск меча из звёздной кости угас, покрывшись копотью Искажения, а Чёрная Прореха над ними расширилась, торжествуя победу своего «якоря».

Но именно в эту секунду, когда монстр раскрыл свои сочленения для последнего замаха, Даймон вспомнил суровый взгляд Аглаи и её дар. Его пальцы, сведённые судорогой, нащупали на поясе оставшиеся склянки с «Солнечным потом».

— Не в эту ночь, тварь, — прохрипел Странник.

Одним резким движением он раздавил обе склянки прямо в кулаке, позволяя алхимическому составу смешаться с его собственной волей через доспех.

Бах! Первая вспышка ослепительно-белого пламени ударила в основание «якоря», выжигая магическую смолу.

Бах! Второй взрыв распорол грудную клетку монстра, превращая ржавый металл в капли расплавленного шлака.

Бах! Даймон, используя инерцию взрыва, вбил свой универсальный меч по самую рукоять в пульсирующее фиолетовое сердце.

Ослепительный каскад солнечного света, заточённого в зелье Аглаи, вступил в реакцию с материей Разлома. Костеглот замер, его туша начала распадаться на глазах: кости рассыпались в прах, а металл осыпался на пепельную землю грудой бесполезного лома. С оглушительным звуком, похожим на стон умирающего великана, Чёрная Прореха над Копями схлопнулась, оставив после себя лишь облако оседающей сажи и оглушительную тишину.

Даймон остался стоять один среди руин, тяжело опираясь на меч. Его доспех медленно остывал, а в небе над Вербным Посадом, впервые за долгое время, проглянули холодные, но чистые звёзды.

Даймон стоял посреди остывающего шлака, устало опираясь на клинок. Полированная сталь, которая ещё недавно отражала каждый сполох Прорехи, теперь выглядела мертвенно-тусклой. По всей длине лезвия, выкованного из сплава метеоритного железа и «звёздной кости», разлилась серая опаловая муть, а по краям запеклась чёрная корка Искажения. Меч больше не вибрировал и не пел — он затих, превратившись в увесистый и безжизненный

кусок металла, словно его внутренняя искра окончательно погасла вместе с уничтоженным «якорем».

Странник медленно опустил взгляд к подножию груды лома. Там, среди пепла и оплавленных костей, тускло мерцали три вещи, которые не смог сожрать даже «Солнечный пот» алхимиков.

Первым он поднял крупный, идеально гладкий кристалл, пульсирующий ровным небесным светом. Камень был тёплым и словно тянул руку Даймона в сторону города, вызывая странный резонанс в груди. Вторым трофеем стал увесистый металлический диск, покрытый вязью непонятных, постоянно меняющихся рун. Он обжигал пальцы могильным холодом, и Страннику пришлось завернуть его в обрывок плаща, прежде чем спрятать в сумку. Последним он подобрал небольшой серый брусок из пористого камня. В нём не было видимой магии, но стоило Даймону случайно коснуться им обуха своего меча, как серая муть на сияющей стали на мгновение отступила, обнажая чистый блеск метеоритного железа.

Спрятав непонятные находки, Даймон с трудом вложил мёртвый меч в ножны. Его живой доспех под плащом тоже затих, превратившись в обычный неподвижный панцирь, скрывающий израненное тело.

Странник развернулся и, прихрамывая, направился к Вербному Посаду. Над горизонтом уже занималась серая полоска рассвета, и впервые за долгое время воздух в Вербном логу перестал горчить озоном. Грань была восстановлена, но цена этой победы ещё только предстояла быть осознанной.

С каждым шагом Даймона прочь от Старых Копей мир вокруг менялся. Там, где раньше была мертвенная тишина, теперь появился слабый, но живой шелест ветра в ветвях. Воздух, ещё недавно обжигающий озоном и холодом Бездны, стал чище, хотя и оставался холодным от наступающего рассвета. Серая пыль под ногами утратила свою едкую агрессию, превращаясь обратно в обычную, хоть и сухую, землю.

Деревья Вербного лога, чьи ветви совсем недавно корчились в мучительных изломах, теперь выглядели просто старыми и искорёженными, но живыми. Чёрный выюн на стенах сторожки лесника, пульсировавший багровым светом, теперь казался обычным засохшим растением. Давление Искажения ушло, схлынуло вместе с уничтожением «якоря», и природа медленно, неохотно возвращалась к своему естественному состоянию.

Даймон шёл, прихрамывая, чувствуя, как его собственная энергия восстанавливается вместе с миром вокруг него. Плащ, окроплённый «Слезам Глубин», высох, оставив на ткани лишь лёгкий солоноватый налёт.

Вскоре впереди показалась приземистая стена Вербного Посада. Над городом, в сером предрассветном небе, защитный купол снова сиял ровным, пусть и тусклым, лазурным светом. Никаких мертвенно-серых сполохов больше не было видно.

Даймон подошёл к кованым северным воротам. Двое стражников Варда, что стояли здесь на посту, взгляделись в его приближающуюся фигуру. Увидев Странника, они облегчённо выдохнули, и их лица, искажённые тревогой, расслабились.

— Справился, — выдохнул один из них, когда Даймон приблизился.

Они молча распахнули крепкую калитку, пропуская героя внутрь. Город, избавленный от ночного кошмара, спал спокойным сном, впервые за долгое время, не чувствуя дыхания Бездны в затылок.

За воротами Нижнего Посада Даймона уже ждал капитан Вард. Офицер стоял у края мостовой в окружении пятерых ветеранов гарнизона, чьи факелы отбрасывали пляшущие рыжие блики на серые стены домов. Лицо капитана, осунувшееся от многочасового ожидания, хранило печать суровой тревоги, которая мгновенно сменилась коротким, скупым кивком при виде Странника.

— Ты вернулся живым, — негромко произнёс Вард, окинув взглядом зазубрины на обсидиановом панцире Даймона и тусклую, словно покрытую пеплом рукоять его меча. — Небо над Копями очистилось совсем недавно. Тьма в зените рассеялась, и купол наконец запел ровно. Значит, с Костеглотом покончено?

Даймон лишь коротко кивнул, придерживая рукой сумку с тремя неизвестными трофеями. Сил на долгие рапорты не осталось.

— Якорь вырван. Прореха захлопнулась, — голос Странника прозвучал хрипло, с наждачным оттенком усталости. — Город может дышать, капитан.

Вард подал знак своим людям, и те молча взяли Даймона в кольцо, сопровождая его по ночным улицам. В этот час Посад казался преображённым. Магическая пыль больше не вибрировала в воздухе, она осела на камни безжизненным налётом, который ночной ветер лениво гнал в подворотни. Редкие горожане, осмелевшие после того, как серое марево над крышами исчезло, осторожно приоткрывали ставни, провожая обсидиановую фигуру немым удивлением.

Когда они достигли берега Серой Быстрицы, рокот мельничного колеса встретил их привычным, надёжным ритмом. У калитки Вард остановился, жестом приказав страже занять посты на мостках.

— Я сдержу слово, Даймон, — тихо добавил офицер, глядя на силуэт мастерской, где в окне едва теплился огонёк свечи. — Мои люди останутся здесь до рассвета. Отдыхай. Посад задолжал тебе больше, чем может выплатить золотом.

Странник не ответил. Он толкнул калитку и, натужно ступая по плитняку двора, направился к порогу. Каждая пластина его доспеха теперь ощущалась как неподъёмный груз, но он знал, что за этой дверью его ждут те, ради кого он спустился в Бездну.

Массивный засов с грохотом отодвинулся раньше, чем Даймон успел коснуться дверного кольца. Дверь распахнулась, и на порог выплеснулся тёплый свет масляной лампы, выхватив из темноты измождённую фигуру Странника.

Ила, которая, судя по покрасневшим глазам, не смыкала век ни на минуту, замерла в проёме. Её пальцы всё ещё сжимали посох, но, увидев знакомый силуэт в пробитом доспехе, она всхлипнула и, отбросив всякую осторожность, бросилась к нему.

— Вернулся! Мастер, вы вернулись! — её голос сорвался на шёпот, полный непролитых слёз.

Она обхватила его руками, прижимаясь лицом к холодному, избитому обсидиану нагрудника. Даймон почувствовал, как по его броне скатилась горячая слеза. Он неловко, едва касаясь, положил заскорузлую руку на её плечо, чувствуя, как его собственная ледяная усталость на мгновение отступает перед этим живым теплом.

Аглая стояла чуть поодаль, в глубине мастерской. В отличие от внучки, она не бросилась навстречу, но её напряжённые плечи наконец опустились. Она медленно отложила увесистый молот, который, видимо, держала под рукой всё это время, и её взгляд, острый и цепкий, быстро просканировал Даймона на предмет смертельных ран. Убедившись, что Странник цел, она коротко и веско выдохнула:

— Живой. И то ладно.

Мастерица подошла ближе, бесцеремонно отодвинула плачущую Илу и взяла Даймона за предплечье, помогая ему переступить порог. Её голос вернул себе привычную жёсткость, в которой теперь слышалось скрытое облегчение.

— Заходи быстрее, нечего холод в дом пускать. Ила, хватит сырость разводить, подай полотенца и кипятка. Видишь, он едва на ногах стоит, — Аглая заглянула Даймону в глаза. — Садись к огню, Странник. Сейчас будем смотреть, что ты там наворотил и какую дрянь притащил на хвосте.

В мастерской Аглаи воздух был спёртым, пропитанным едкой гарью остывающего горна и горьким ароматом свежесваренного настоя полыни. Даймон, размеренно ступая, прошёл к плоскому гранитному валуну. С глухим, полным измождённости выдохом он расстегнул заиндевевшие пряжки. Окропленный «слезами глубин» плащ упал на каменный пол плотным серым комом, всё ещё храня ледяной холод северных копей.

Затем настала очередь живого доспеха. Под волевым импульсом Странника матовые обсидиановые пластины начали медленно расходиться. Сегмент за сегментом броня со скрежетом освобождала израненное тело, укладываясь на камень мёртвой чёрной чешуёй. Даймон остался в одной пропотевшей рубаше, под которой явственно проступали багровые кровоподтёки — следы сокрушительных ударов Костеглота.

Он отстегнул перевязь и положил на верстак свой Звёздный Клинок в простых кожаных ножнах, подаренных Мартой. Медленным, осторожным движением Даймон обнажил меч, и тишину мастерской прорезал не чистый звон, а глухой, болезненный скрежет. Лезвие из звёздной кости выглядело истощённым: по всей его длине разлилась серая опаловая муть, а холодная поверхность Зеркального Излома была покрыта слоем нагара Бездны.

— Садись к огню, горе моё, — негромко проворчала Аглая, подвигая ему грубую табуретку. В её голосе больше не было прежней желчи, только скрытая тревога.

Ила, то и дело вытирая глаза краем рукава, быстро подала Даймону горячий отвар и чистое полотенце. Она замерла рядом, не сводя с него преданного взгляда, словно боялась, что он исчезнет, если она моргнёт. Странник молча выпил несколько обжигающих глотков, чувствуя, как жизнь возвращается в застывшие жилы, а затем неверными пальцами развязал поясную сумку.

— Там... три вещи, которые не сожрало пламя Аглаи, — хрипло произнёс он, выкладывая трофеи на изрезанную столешницу.

Мастерица замерла. Её глаза расширились, а узловатые пальцы непроизвольно сжались. Она медленно подошла к верстаку, вглядываясь в находки с тем трепетом, который кузнец испытывает лишь перед легендарным металлом.

— Великие Ведуньи... — прошептала она. — Ты хоть понимаешь, что ты вырвал из самого сердца Бездны, Даймон?

Она склонилась над крупным небесным кристаллом, который в полумраке комнаты пульсировал ровным лазурным светом.

— Это Сердце Лазурного Купола. Чистая энергия, которую эта тварь выпила из неба Посада. С этой штукой Вард не просто залатает дыры — он вернёт городу былую мощь. Это спасение для каждого, кто здесь дышит.

Затем её взгляд переместился на увесистый металлический диск, покрытый «плавающими» рунами. Аглая инстинктивно отпрянула, но тут же подалась вперёд.

— Свинцовая Печать Искажения. Чёрное искусство «сшивания» плоти и стали. Страшная вещь... Твой доспех сам затянет эти трещины, едва взойдёт солнце, я знаю. Но с этой Печатью я смогу сделать нечто большее: вплавить её суть в структуру оправы, чтобы твоя броня научилась отражать саму волю Бездны. Она станет крепче, чем была в первый день.

Наконец её пальцы коснулись маленького серого бруска из пористого камня.

— А это — твой самый скромный и самый верный трофей. Потускневшее Точило. Оно рождено из осколков звёздного металла в пламени Разлома. Оно будет «лечить» твой Осколок Небосвода, снимать с него нагар Бездны и возвращать остроту там, где любой другой камень окажется бессилён.

Ила подошла ближе, заворожённо глядя на сияющий кристалл. В мастерской воцарилась тишина, прерываемая лишь мерным, успокаивающим стуком мельничного колеса за стеной.

Даймон почувствовал, как изнуряющая, свинцовая усталость наконец взяла своё. Он откинулся на спинку табурета, позволяя теплу очага окончательно вытеснить могильный холод

Старых Копей из своих костей. Ила, чьё напряжение последних часов сменилось тихим изнурением, незаметно придвинулась ближе. Её голова, отяжелевшая от пережитого страха и радости встречи, мягко опустилась на плечо Странника. Посох, бережно прислонённый к столу, больше не пульсировал — он замер, словно тоже ушёл в глубокий сон вместе со своей хозяйкой.

Странник замер, боясь шелохнуться. Впервые за всё время, что он помнил себя после пробуждения в Глуши, Даймон почувствовал не холод долга, а живое, доверчивое тепло. Глядя на мерное дыхание девушки, он прикрыл глаза, и сон, глубокий и безвидный, принял его в свои объятия. В эту ночь он заснул не как машина смерти, а как защитник, нашедший то, что действительно стоит оберегать.

Аглая долго стояла у верстака, переводя взгляд с уснувшей пары на разложенные трофеи. Её суровое лицо в неверных отсветах углей казалось маской древнего божества. Она не стала их будить. Тихими, точными движениями мастерица собрала обсидиановые пластины доспеха и Звёздный Клинок, бережно унося их к наковальне. Туда же она перенесла и трофеи, добытые Даймоном в Старых Копях. Её взгляд остановился на увесистом металлическом диске, покрытом вязью непонятных, постоянно меняющихся рун, — Свинцовой Печати Искажения. Именно этот артефакт, извлечённый из самого сердца поверженного Костеглота, и должен был стать частью обновлённой брони.

Старуха начала что-то тихо напевать под нос — не то древнюю кузнечную молитву, не то заговор на крови и стали. Её работа только начиналась: предстояло вплавить чужую волю Искажения в благородный металл Странника, творя дело, которое многие сочли бы безумием, а она — лишь высшим мастерством.

А наутро, когда Даймон впервые после битвы коснулся нагрудника, матовый обсидиан изменился: по его поверхности, словно застывшие молнии, ветвились тонкие пепельно-серые жилы. Свинцовая Печать, вплавленная в броню, больше не была просто трофеем — она стала частью живого доспеха, готового отражать саму волю Бездны.

Ночь медленно истаявала. Город спал, ещё не зная, что утром он проснётся в мире, где небо больше не пахнет озоном, а купол над головой снова стал монолитным щитом.

Конец 4 главы.

Глава 5. Фальшивые ноты

Пробуждение не было ласковым. Оно навалилось на Даймона гнетёным, свинцовым пластом, вырывая его из бездонного забытья. Первым, что он ощутил, был холодный запах речной сырости и горьковатый аромат дикого чабреца, который Аглая бросила в горн для очистки воздуха.

Даймон открыл глаза. Свет, пробивающийся сквозь узкое окно, больше не резал зрачки — он воспринимался телом как слабое, едва заметное тепло на коже.

Странник сел. Мышцы, ещё вчера избитые Костеглотом, отозвались терпимой ломотой. Он лежал на плоском валуне, укрытый серым плащом. Рядом, на верстаке, аккуратной стопкой покоилась его одежда, а поверх неё — обновлённый панцирь.

Даймон медленно протянул руку, касаясь нагрудника. Матовый обсидиан изменился: теперь по его поверхности, словно застывшие молнии, ветвились тонкие пепельно-серые жилы Свинцовой Печати. Стоило пальцам коснуться металла, как по пластинам пробежала едва слышная вибрация — доспех «узнавал» владельца.

— Проснулся, — голос Аглаи прозвучал со стороны горна. Мастерница методично протирала ветошью длинный нож. — Ты проспал почти сутки, Странник. Купол над головой сияет так ярко, что у крыс в подворотнях глаза слезятся.

Даймон поднялся и начал привычный ритуал облачения. Когда он затянул кожаные ремни на плечах, мир вокруг изменился. Благодаря Свинцовой Печати доспех словно расширил границы его чувств. Гул в ушах стих, сменившись низкой частотой, позволявшей «слышать» пространство. Он чувствовал, как за стеной Серая Быстрица ворочает камни. Чувствовал, как в углу мастерской Ила перебирает сушёные травы.

Девочка не спала. Она сидела у окна, и Посох Хранителя покоился на её коленях. Слеза внутри кожаного чехла была тихой, но её присутствие ощущалось как сгусток тепла. Ила обернулась к Даймону, и в её взгляде не было страха — только спокойное ожидание. Она видела, как обсидиан на его плечах подстраивается под его дыхание, и это её больше не пугало.

— Пора выбираться из этой конуры, — Аглая с лязгом отложила нож и поднялась, оправляя плотный кожаный фартук. — Город жаждает своего спасения, а я не привыкла мариновать героев в кузнечной гари.

Она подошла к верстаку и бережно накрыла тёмной ветошью ларь из морёного дуба, в котором затаилось Сердце Купола. Лазурное сияние, пробивавшееся сквозь щели, на мгновение окрасило её суровое лицо в призрачный цвет.

— План на сегодня такой, — мастерница обвела их строгим взглядом. — Сначала ратуша. Вард со своими ребятами уже выставил караул на площади. Мы пойдём туда и официально передадим кристалл городу. Но говорить буду я. Ты, Странник, стой за моей спиной немым изваянием. Твой новый облик в этой обсидиановой чешуе внушит им больше почтения, чем любая клятва. Пусть видят: у Сердца есть не только свет, но и стальной защитник.

Даймон коротко кивнул. Его доспех, пронизанный пепельными жилами, отозвался на это движение едва слышным сухим шелестом.

— А второе? — Ила поднялась, уверенно перехватив дубовое древко посоха.

— А второе — это рынок, — Аглая веско вздохнула, и в этом звуке Даймон уловил не только усталость, но и горькое смирение. — Я чувую, как дорожная пыль уже липнет к вашим подошвам. Здесь вы закончили: купол подпёрт Сердцем, Костеглот развеян пеплом по ветру. Вам пора идти дальше, искать свои ответы, пока Искажение не выжгло новые дыры в мире.

Она подошла к Иле и поправила воротник её поношенного сарафана.

— Нам нужны припасы, которые не сгниют в первом же овраге. Сушёная конина, мешочек тёртой соли, пара новых фляг. И одежда, — старуха покосилась на Даймона. — Девочке

нужна куртка из плотной варёной кожи и сапоги, что не развалятся после первого перехода через каменистый перевал. Я знаю в Нижнем городе одного старого хрыча, он задолжал мне за починку дубильного пресса — выберем лучшее.

Даймон медленно кивнул. Свинцовая Печать внутри его нагрудника отозвалась на его движение тихой, одобряющей вибрацией.

— Согласен, Мастерница. Но прежде, чем мы покинем городские стены, нам нужно разыскать того безумца, о котором шептали дозорные у ворот, — Даймон на мгновение прикрыл глаза. — Капитан Вард упоминал их позавчера, перед тем как я отправился к Старым Копям. Его ребята первыми вышли к Чёрной Прорехе, когда та только начала вскрываться. Половина отряда погибла на месте, а двое вернулись, лишившись рассудка.

Аглая нахмурилась, перестав возиться с засовами.

— Думаешь, их бред стоит того, чтобы в нём копаться? — проворчала она. — Искажение часто оставляет после себя лишь пустую скорлупу вместо головы.

— Не просто пустоту, — Даймон посмотрел на свои ладони, где под обсидианом теперь жили серые тени Свинцовой Печати. — Теперь, когда я сам чувствую этот резонанс, я понимаю: Костеглот был лишь «якорем». Но кто-то должен был его забросить. Те стражники видели самое начало. Они видели тех, кто открыл Прореху, пока магия не выжгла им разум.

Ила, внимательно слушавшая этот разговор, невольно прижала ладонь к груди, там, где под одеждой в кожаном мешочке покоилась Слеза Странника. Она вспомнила те бесконечные часы ожидания, когда Даймон был у Копей, а купол над городом выл от боли.

— Я почувствовала их ещё ночью, — тихо проговорила она, и её голос вдруг обрёл странную, несвойственную ребёнку глубину. — Когда небо над Посадом начало сереть, Слеза внутри мешочка вдруг стала увесистой, как мокрый речной камень. Это не был холод... это было похоже на фальшивую ноту в песне купола. Там, за Рыночной площадью, в старых казармах, кто-то оставил «червивый» след. Словно чьи-то мысли вывернули наизнанку и бросили гнить.

Даймон замер, уловив в её словах ту же вибрацию, которую сейчас транслировала ему Свинцовая Печать.

— Значит, Искажение не ушло вместе с Костеглотом, оно осталось в тех, кто его коснулся, — Странник положил ладонь на эфес меча. — Ты права, Ила. Это не просто безумие, это эхо Разлома, которое продолжает вибрировать в их костях. И если мы не заглушим его, оно станет маяком для новой твари.

Аглая решительно толкнула дверь, и в мастерскую ворвался свежий утренний воздух, окончательно выметая запах дикого чабреца и остывших углей.

— Значит, идём по следу этой фальшивой ноты, — отрезала она. — Сначала — ратуша, отдаём Сердце и узнаём у Варда всё, что он знает об этих «отравленных» душах. А потом — рынок и лазарет.

Они вышли во двор. Даймон первым ступил на мостовую, и его обновлённый доспех, сверкающий пепельными жилами, заставил двоих ветеранов, охранявших вход на мельницу, мгновенно вытянуться во фронт. Стражники, ещё вчера видевшие его измождённым и покрытым гарью Бездны, теперь смотрели на Странника с суеверным почтением. Алебарды в их руках дрогнули, когда мимо прошла монолитная фигура, от которой исходил едва уловимый гул приручённого Искажения.

— Капитан ждёт в ратуше, — хрипло доложил один из них, стараясь не смотреть Даймону прямо в глаза. — Площадь уже полна народа, господин Странник.

Даймон не ответил. Свинцовая Печать внутри нагрудника передавала ему вибрации города: он «слышал», как Посад, словно потревоженный улей, гудел голосами тысяч людей. Это была смесь облегчения и липкого, въедливого любопытства.

Путь к центру лежал через Нижний город. Если вчера эти улицы казались вымершими колодцами, наполненными серым туманом, то сегодня они бурлили жизнью. Горожане, осмелевшие под защитой восстановленного купола, высыпали на мостовые. Но стоило Даймону появиться в поле их зрения, как людской поток расступался, образуя живой коридор.

— Гляди-ка, — пробасила Аглая, шагавшая рядом и крепко прижимавшая к груди ларь с Сердцем. — Раньше они в тебя камни готовы были кидать, а теперь шепчут молитвы Ведуньям. Помни, парень: толпа любит тех, кто её спасает, ровно до тех пор, пока ей не понадобится новый виноватый.

Ила шла, с другой стороны, стараясь не отставать. Она видела, как обсидиан на плечах Даймона ловит солнечные блики, превращая их в холодные искры. Для неё он был не пугающим воином, а единственным якорем в этом внезапно зашумевшем мире.

Когда они вышли на Рыночную площадь, Даймон внезапно замер. Свинцовая Печать на его груди резко дёрнулась, передав болезненный, режущий импульс.

— Что такое? — Ила мгновенно почувствовала его напряжение.

Странник медленно повернул голову в сторону старых казарм, где располагался временный лазарет. Среди сотен обычных человеческих аур — тёплых, хаотичных, ярких — он «увидел» две дыры. Чёрные, пульсирующие воронки, которые не отражали свет, а всасывали его.

— Фальшивая нота, — глухо произнёс Даймон, повторяя слова девочки. — Они там. И они зовут.

Даймон резко остановился, и Свинцовая Печать на его воротнике отозвалась коротким, предупреждающим звоном. Он не оборачивался, но Аглая почувствовала, как воздух вокруг воина внезапно стал сухим и колючим.

— Идите к ратуше без меня, — глухо произнёс он. — Аглая, ты знаешь, что говорить. Держи ларь крепче и не давай Варду закончить, пока я не появлюсь.

Мастерица нахмурилась, её густые брови сошлись у переносицы. Она проследила за взглядом Странника, направленным в сторону заброшенного крыла старых казарм, где теперь располагался лазарет.

— Чуешь что-то гнилое, парень? — пробасила она, понизив голос.

— Резонанс слишком сильный, — Даймон слегка коснулся эфеса универсального меча. — Эти «фальшивые ноты» ... они не просто звучат, они фонят на весь город. Если я не заглушу этот источник сейчас, к вечеру Искажение пустит корни прямо в жилых кварталах.

Ила тревожно взглянула на него, её пальцы непроизвольно сжали дубовое древко посоха.

— Будь осторожен, Мастер. Там... очень темно. Слеза чувствует, как эта тьма пытается нащупать дорогу к свету.

— Я быстро, — Даймон коротко кивнул и, набросив на голову капюшон своего серого плаща, резко свернул с главной дороги.

Толпа, только что заморожено наблюдавшая за героем, внезапно словно позабыла о его существовании. Стоило Страннику запахнуть полы серой ткани, как сработала магия Елены: его фигура не исчезла физически, но перестала «цеплять» разум окружающих. Люди смотрели сквозь него, обходили стороной, как обходят обычный придорожный валун или тень от старого дерева. Для сотен горожан Даймон мгновенно стал частью массовки, скучным фоном, который человеческий мозг привычно вычёркивает из картины мира.

Даже стражники у поворота в переулок, только что стоявшие по стойке «смирно», лениво перевели взгляд на Ила и Аглаю, совершенно потеряв из виду обсидианового воина. Он шёл бесшумно, скрытый не тьмой, а безразличием толпы.

Даймон следовал за «звуком» — на ту самую дребезжащую, выворачивающую нутро частоту, которую он теперь безошибочно различал благодаря Свинцовой Печати. Старые казармы встретили его тишиной, которая казалась неестественной для оживающего города.

Здесь даже птицы не садились на карнизы, а трава между камнями мостовой была покрыта серым налётом, напоминавшим пепел.

Даймон толкнул мощную дубовую дверь. В нос ударил резкий запах растёртого мела, гнилой соломы и чего-то едкого, похожего на холодную сажу. В глубине длинного, полутёмного зала на двух койках забились те, за кем он пришёл. Бывшие дозорные.

Их тела были скованы увесистыми цепями, но не железо удерживало их здесь. Вокруг голов стражников дрожало марево из иссиня-чёрного дыма, а их глаза, лишённые зрачков, светились фиолетовым огнём.

— Странник... ты пришёл... — проскрежетал один из них. Ментальная защита плаща на них не действовала — те, чьи души выжжены Искжением, видели суть, а не обёртку.

Первый стражник, чьё лицо было наполовину скрыто серой коркой магического налёта, подался вперёд. Его фиолетовые глазницы вспыхнули, транслируя волю Бездны:

— Ты думаешь, что ведёшь Хранительницу? Глупец... Ты ведёшь Погибель, — его голос напоминал свист ледяного ветра в пустой шахте. — Тихая Вода не утоляет жажду, она затапливает мир холодным пеплом. Пророчество Полыни не о жизни, оно о конце боли. Мы — первые колосья, она — последний серп. Тебе не спасти мир, Даймон... тебе лишь суждено смотреть, как она его поглотит.

Второй безумец, до этого неподвижно висевший в цепях, резко вскинул голову. Его челюсть задвигалась в жутком оскале, подхватывая нить разговора:

— А ты ищешь ответы в этом пепле? Посмотри на свои руки... они в крови таких же, как мы, — его слова звучали как скрежет ржавых палашей. — Ты не спасаешь её, ты её конвоируешь к месту казни. Ты — не защитник, Даймон... ты — пастух, обученный вести ягнёнка к Чёрной Прорехе. Мир нельзя спасти... его можно только перековать в тишине... в нашей тишине... И на этот раз ты не забудешь, пастух, чьи заказы ты исполнял прежде, чем стал «героем».

Слова существ слились в единый вибрирующий гул, который Свинцовая Печать внутри доспеха Даймона начала усиливать, вбивая каждое слово в его сознание как раскалённый гвоздь. Амнезия Странника на мгновение дрогнула, отозвавшись вспышкой боли за глазами и запахом жжёного обсидиана. Перед мысленным взором Даймона пронеслись обрывки чужого, выбеленного пламенем неба и горы пепла, которые он когда-то возводил сам. Эти двое, прикованные к койкам, не просто бредили — они выковыривали из его памяти то, что он предпочёл бы оставить за Гранью.

— Довольно, — хрипло выдохнул он. Его голос, пропущенный сквозь резонанс Свинцовой Печати, заставил фиолетовое марево в зале испуганно сжаться. — С кем бы вы ни шептались в Бездне, сегодня этот канал будет закрыт.

Даймон шагнул в круг света. Он не стал обнажать универсальный меч — сталь была слишком грубым инструментом для такой тонкой скверны. Он просто вскинул руки, и обсидиановые наручи вспыхнули пепельным огнём. Странник поймал ту самую дребезжащую частоту Искжения и резко «сдавил» её своей волей.

Раздался сухой, короткий треск, словно лопнула перетянутая струна. Фиолетовое пламя в глазницах первого стражника мигнуло и рассыпалось серыми искрами, а его тело обмякло, наконец обретая покой. Второй безумец забился, пытаясь изрыгнуть последнюю порцию тьмы, но Даймон накрыл его лицо ладонью. Резонанс доспеха мгновенно «выпил» остатки порчи, втянув их в жилы нагрудника.

В казармах воцарилась настоящая, чистая тишина. «Фальшивые ноты» умолкли. Даймон замер, тяжело дыша и чувствуя, как пепельные вены на его броне медленно гаснут, переваривая поглощённую энергию. Он быстро запахнул полы своего серого плаща, активируя его ментальный щит.

Выскользнув на улицу, он мгновенно растворился в толпе. Люди обходили его стороной, не замечая воина, словно он был лишь случайным пятном тени на стене. Даймон почти бегом направился к ратуше, где уже гремел суровый, раскатистый голос Аглаи.

Он «проявился» за её правым плечом в самый нужный момент. Стоило ему сбросить капюшон, как ропот чиновников, пытавшихся оспорить условия передачи артефакта, разом затих. На фоне лазурного сияния открытого Сердца Даймон выглядел как монолитный страж, вышедший прямо из пекла Разлома. От его доспеха всё ещё исходил слабый запах озона и свежей магической гари. Этот едкий шлейф, понятный лишь ветеранам вроде Варда, окутывал Даймона невидимой вуалью недавней смерти, заставляя окружающих чиновников невольно втягивать головы в плечи.

Аглая даже не обернулась, лишь её губы тронула тень суровой усмешки. Она знала: «чистка» завершена, и теперь пришло время поставить точку в этом спектакле.

— Вот вам ваше спасение, капитан Вард! — пробасила она, указывая на пульсирующий кристалл в открытом ларе. — И вот тот, чья сталь прорубила городу путь к этому утру. Странник сделал своё дело. Его путь лежит дальше, за пределы этих стен, но пусть каждый в Посаде знает: пока это Сердце бьётся в Маяке, взгляд его защитника будет прикован к вашим шпилям. Не предайте это доверие.

Вард, стоявший на ступенях, вздрогнул. Его опытный взгляд воина зацепился за Даймона: капитан почуял исходящий от него холодный ветерок лазарета и понял — те двое несчастных больше не кричат. Он оценил и слова Аглаи: она ясно дала понять, что Даймон не наёмник, а свободная и опасная сила, которую лучше не злить.

От его доспеха всё ещё исходил слабый запах озона и свежей магической гари. Капитан сделал шаг ближе, понизив голос так, чтобы его вибрации тонули в шуме расходящейся толпы. Его лицо на миг утратило официальную строгость, обнажив усталость человека, разгребавшего чужой хаос.

— Малх успел вычеркнуть тебя из всех реестров, Странник. Официально ты до сих пор числишься мёртвым в Старых Копях, и казначей до сих пор чахнет над каждой монетой, словно над собственной душой, — Вард криво усмехнулся, поправив перевязь. — Но я не Малх. Я распорядился, чтобы всё причитающееся тебе серебро и вознаграждение за возвращённое небо доставили к мельнице Аглаи до того, как зажгутся первые фонари. Туда же привезут и дорожную кладь: копчёные окорока, мешки с отборным овсом и запечатанные воском бочонки с маслом. Вам ни к чему светить полными кошельками на площади, пока город ещё не остыл от лихорадки.

Аглая одобрительно хмыкнула, крепче перехватив опустевший короб из морёного дуба.

— Дельно мыслишь, капитан. Мой порог — самое надёжное место в этом зашумевшем гнезде. Пусть везут. А мы пока поищем то, что не валяется в интендантских складах. Нам нужно снарядить девчонку в дорогу и проверить, не разучились ли в Нижнем городе работать с кожей.

Официальная часть была закончена. Людской поток, замороженный недавним сиянием Сердца, начал медленно растекаться по прилегающим переулкам. Даймон чувствовал, как Ила, стоявшая чуть позади, облегчённо выдохнула, словно с её плеч сняли невидимый груз. Но пророческие слова безумцев про «пастуха» всё ещё вибрировали в его сознании, заставляя обсидиановые пластины на плечах едва заметно гудеть от избытка поглощённой в лазарете желчи Искажения.

— Идём, — не оборачиваясь, бросил он. — До заката нужно успеть подготовиться. Я не намерен задерживаться в этих стенах ни на один лишний миг.

Ила поравнялась с Даймоном, не решаясь нарушить его сосредоточенное молчание. Она не задала ни единого вопроса о его внезапном исчезновении, но её взгляд, обрётший после

единения со Слезой пугающую проницательность, заставил Странника внутренне подобраться. Девочка без слов считала перемену в его ауре: дребезжащий резонанс «фальшивых нот», прежде отравлявший воздух города, окончательно затих. Теперь перед ними распахнулся зев Рыночного ряда, окативший путников многоголосьем, зывал густым ароматом выделанных кож и терпким дымом поджаренного солода.

Аглая уверенно вела их по узким улочкам Нижнего города, где запахи кожи и дыма смешивались с ароматом специй и трав. Ила шла рядом, её глаза были широко раскрыты от удивления, ведь она никогда раньше не видела такого множества людей и товаров.

— Вот он, — сказала Аглая, указывая на небольшую мастерскую, скрытую за высокими стенами. — Марк, старый хрыч, но мастер своего дела. Он задолжал мне за починку дубильного пресса, так что мы получим лучшее, что можно найти.

Они вошли в мастерскую, где Марк, широкоплечий мужчина с густыми усами, встретил их с улыбкой.

— Аглая! — воскликнул он, поднимаясь из-за верстака. — Как приятно видеть тебя снова! И что за красавица с тобой?

— Это Ила, — ответила Аглая, указывая на девушку. — Ей нужна одежда и снаряжение для долгого пути. И помни, ты должен мне за пресс.

Марк кивнул и провёл их к полкам, заполненным одеждой и снаряжением.

— У меня есть всё, что нужно, — сказал он, доставая тёмно-синюю тунику и кожаные штаны. — Это будет твоё основное одеяние, Ила. Оно тёплое и прочное.

Ила примеряла одежду, чувствуя, как она плотно облегает её тело, но при этом оставляет свободу движений.

— А это, — Марк достал пару высоких кожаных сапог, — защитит твои ноги от колючек и веток. Они прочные и водонепроницаемые.

Ила надела сапоги и почувствовала, как они плотно сидят на её ногах, обеспечивая комфорт и защиту.

— И напоследок, — Марк достал длинный плащ с капюшоном. — Этот плащ защитит тебя от дождя и ветра. Он лёгкий, но при этом очень тёплый.

Ила надела плащ и почувствовала, как он обнимает её, словно тёплые объятия. Аглая внимательно осмотрела Илу, её взгляд был полон одобрения.

— Ты выглядишь как настоящий путешественник, — сказала она, поправляя капюшон плаща. — Теперь ты готова к любым испытаниям.

Даймон, стоящий рядом, кивнул, его глаза были серьёзными, но в них мелькнула тень гордости.

— Ты хорошо справилась, — сказал он, его голос был тихим, но твёрдым. — Теперь мы готовы к следующему этапу нашего пути.

Марк, заметив присутствие Даймона, обратился к нему с уважением.

— И вам, Странник, тоже что-нибудь подобрать? — спросил он, указывая на полки с оружием и доспехами.

Даймон покачал головой.

— У меня всё есть, — ответил он, похлопав по своему доспеху. — Но спасибо за предложение.

Марк кивнул, понимая, что перед ним стоит опытный воин, который не нуждается в дополнительных доспехах. Однако он заметил, что руки Даймона не защищены.

— А как насчёт перчаток? — предложил он, доставая пару чёрных кожаных перчаток. — Они защитят ваши руки от мозолей и помогут лучше удерживать оружие.

Даймон внимательно осмотрел перчатки. Они были сделаны из прочной кожи, с укреплёнными пальцами и запястьями.

— Хорошая мысль, — сказал он, принимая перчатки. — Спасибо, Марк.

Он надел перчатки и почувствовал, как они плотно облегают его руки, обеспечивая комфорт и защиту.

— Теперь я действительно готов к пути, — сказал Даймон, проверяя подвижность пальцев.

Марк кивнул в знак удовлетворения.

— Пусть удача будет с вами на вашем пути, — сказал он, пожимая руку Даймону. — И помните, если что понадобится, я всегда здесь.

Даймон кивнул в знак благодарности, и они покинули мастерскую, готовые к новым приключениям. Аглая, остановившись у выхода, обернулась к Марку.

— Как всегда, ты делаешь отличную работу, — сказала она, её голос был тихим, но в нём чувствовалась уверенность. — Город постепенно восстанавливается, но страх всё ещё витает в воздухе. Многие боятся, что Искажения могут вернуться.

Марк вздохнул, его лицо стало серьёзным.

— Мы делаем всё возможное, чтобы защитить наш дом, — сказал он. — И вы тоже внесёте свой вклад в это дело.

Аглая кивнула, её лицо было серьёзным.

— Мы сделаем всё, что в наших силах, — сказала она. — Спасибо за вашу помощь, Марк.

Марк улыбнулся, его глаза были полны решимости.

— Всегда к вашим услугам, — сказал он. — Берегите себя.

Они попрощались с Марком и направились к мельнице Аглаи, готовые к следующему этапу своего пути. Ила шла рядом с Даймоном, её глаза светились от восторга. Она была одета в новую одежду, которая придавала ей уверенности и силы. Плащ, подаренный Марком, развевался на ветру, словно крылья птицы.

— Мастер Даймон, — сказала она, её голос был полон радости. — Посмотри, как я преобразилась! Теперь я выгляжу как настоящий путешественник!

Даймон, идущий рядом, кивнул, его лицо было серьёзным, но в глазах мелькнула тень улыбки.

— Ты действительно изменилась, Ила, — сказал он, его голос был тихим, но твёрдым. — Новая одежда придаёт тебе уверенности и силы.

Аглая, идущая немного позади, добавила:

— И не забывай, девочка, что внешний вид — это лишь оболочка. Важно, что у тебя внутри.

Ила, услышав слова Аглаи, кивнула, её лицо стало серьёзным.

— Я понимаю, бабушка, — сказала она. — Я буду стараться изо всех сил.

Они продолжали идти, и Ила продолжала размышлять о своём новом облике и роли.

— Я чувствую, как Слеза внутри меня пульсирует, — сказала она, прикоснувшись к кулону на шее. — Она словно стала частью меня, и я чувствую её силу.

Даймон внимательно посмотрел на неё.

— Это хорошо, Ила, — сказал он. — Но помни, что с силой приходит и ответственность. Ты должна научиться контролировать её и использовать с умом.

Аглая, услышав это, добавила:

— И не забывай, что сила без мудрости — это путь к разрушению. Всегда думай, прежде чем действовать.

Ила кивнула, её лицо стало серьёзным.

— Я понимаю, Мастер Даймон, бабушка, — сказала она. — Я буду стараться изо всех сил.

Они подошли к мельнице Аглаи, и Ила, оглядываясь на пройденный путь, почувствовала, как её сердце наполняется надеждой и уверенностью. Мельница стояла на берегу реки, её стены были покрыты мхом, а колесо медленно вращалось, создавая успокаивающий шум.

Аглая, подойдя к двери, обернулась к Даймону и Иле.

— Мы почти дома, — сказала она, её голос был тихим, но в нём чувствовалась усталость.
— Вард обещал доставить всё необходимое к закату. Надеюсь, он сдержит своё слово.

Ила, услышав это, почувствовала волнение.

— А что, если он не успеет? — спросила она, её голос был полон тревоги.

Аглая улыбнулась, её глаза были полны уверенности.

— Не волнуйся, девочка, — сказала она. — Вард — человек слова. Он сделает всё возможное, чтобы выполнить своё обещание.

Даймон, стоящий рядом, кивнул в знак согласия.

— Мы сделаем всё, что в наших силах, — сказал он. — А пока давайте отдохнём и подготовимся к следующему этапу нашего пути.

Они вошли в мельницу, и Аглая зажгла масляную лампу, освещая помещение тёплым светом. Ила, оглядываясь вокруг, почувствовала, как её сердце наполняется теплом и уютом.

Аглая подошла к Иле и положила руку ей на плечо.

— Ты уже не та, девочка, — сказала она, её голос был мягким и ободряющим. — Новая одежда придаёт тебе уверенности и силы. Теперь ты готова к любым испытаниям.

Ила улыбнулась, её глаза светились благодарностью.

— Спасибо, бабушка, — сказала она. — Я постараюсь не подвести.

Аглая, услышав это, улыбнулась ещё шире.

— Ты делаешь большие шаги, и я горжусь тобой, и моя сестра Марта бы гордилась, глядя на тебя, — сказала она. — Помни, что сила без мудрости — это путь к разрушению. Всегда думай, прежде чем действовать.

Ила кивнула, её лицо стало серьёзным.

— Я постараюсь, бабушка, — сказала она. — Я буду стараться изо всех сил. Мама мне всегда говорила, что в нашем роду все женщины были смелыми и сильны духом.

В этот момент раздался стук в дверь, и Аглая, поднявшись, подошла к входу.

— Кто там? — спросила она, её голос был твёрдым и уверенным.

— Это мы, стражники Варда, — раздался голос за дверью. — Мы принесли припасы и награду за ваши услуги.

Аглая открыла дверь, и на пороге появились двое гвардейцев, одетых в доспехи с гербом Вербного Посада. Один из них держал в руках мешочек с монетами, а другой — несколько тюков с припасами.

— Вот ваша награда, — сказал один из гвардейцев, протягивая мешочек Даймону. — Капитан Вард благодарит вас за вашу службу и защиту города.

Даймон принял мешочек, его лицо было серьёзным, но в глазах мелькнула тень благодарности.

— Передайте капитану, что мы всегда готовы служить городу, — сказал он. — Пусть его люди знают, что мы здесь, чтобы защитить их.

Гвардейцы кивнули в знак согласия и начали разгружать припасы, которые они принесли с собой.

— Мы оставим всё здесь, — сказал один из них, указывая на тюки. — Если вам что-то понадобится, дайте знать.

Аглая, наблюдая за действиями гвардейцев, кивнула в знак благодарности.

— Спасибо вам, — сказала она. — Вы делаете отличную работу.

Гвардейцы, закончив разгрузку, попрощались и ушли, оставив героев в тишине мельницы. Аглая, повернувшись к Даймону и Иле, сказала:

— Теперь у нас есть всё необходимое для путешествия. Давайте соберём вещи и подготовимся к завтрашнему дню.

Ила, глядя на припасы, почувствовала, как её сердце наполняется надеждой и уверенностью. Она знала, что впереди их ждут новые испытания, но с таким защитником как Мастер Даймон была готова ко всему.

Солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая небо в оттенки оранжевого и пурпурного. Город Вербный Посад погружался в вечернюю тишину, и лишь мерный стук мельничного колеса нарушал спокойствие. В воздухе витал аромат дыма от костров, смешиваясь с прохладой наступающей ночи.

Ила, уставшая после долгого дня, ушла отдыхать, оставив Даймона и Аглаю у очага. Огонь потрескивал, отбрасывая тёплые отблески на их лица, создавая уютную атмосферу. Аглая, помешивая в котелке с похлёбкой, задумчиво посмотрела на Даймона.

— Завтра вам нужно отправиться на юг, — сказала она, её голос был тихим, но в нём чувствовалась решимость. — Там, за Вербным логом, в одном дне пути, находятся древние руины. Это место, которое часто появляется в легендах. Возможно, там вы найдёте ответы на свои вопросы.

Даймон, сидящий напротив, внимательно слушал, его лицо оставалось непроницаемым.

— Я понимаю, — сказал он. — Но нам нужно быть осторожными. Эти руины могут скрывать новые угрозы. Нам нужно найти тех, кто стоит за этим.

Аглая, услышав это, нахмурилась.

— Ты прав, — сказала она. — Вам нужно быть готовыми к любым неожиданностям. Вербный Посад — это только начало. Впереди вас ждут новые испытания и опасности.

Даймон, глядя на огонь, задумался.

— Мы сделаем всё, что в наших силах, — сказал он. — А пока давайте отдохнём и подготовимся к завтрашнему дню.

Аглая кивнула в знак согласия, и они погрузились в тишину, слушая мерный стук мельничного колеса и наблюдая за танцем пламени очага. Постепенно сумерки за окном сгустились, окончательно поглотив очертания Вербного Посада, и на город опустилась густая летняя ночь. Воздух, ещё днём дышавший жаром мостовых и кузнечным углём, стал непривычно тягучим и неподвижным.

Где-то далеко-далеко, за самой чертой горизонта, небо на мгновение осветилось беззвучной бледно-фиолетовой вспышкой. Спустя время до мельницы докатился едва различимый, утробный рокот — это начиналась большая гроза. Вскоре в листве старых верб зашуршал ночной дождь; поначалу робкий и редкий, он быстро набирал силу, прибывая к земле пыль и смывая с окрестных дорог пепельный налёт минувших бед. Мир погружался в сон под мерный шёпот воды, готовясь к новому пути, который ждал героев на рассвете.

Конец 5 главы.

Глава 6. Тень Пастуха

Рассвет над Вербным Посадом выдался холодным и неестественно прозрачным. Ночная гроза, чьи последние раскаты ещё ворчали где-то за невидимой в дымке границей северных гор, оставила после себя мир, умытый ледяной водой и освобождённый от удушливой пыли Искращения.

Даймон стоял на заднем дворе мельницы Аглаи, наблюдая, как первые лучи солнца дробятся в стальном зеркале Серой Быстрицы. Река после ливня вздулась, потяжелела; её потоки приобрели оттенок нечищеного свинца, а прибрежные валуны блестели, словно спины огромных утопов. Те самые тёмные камни, из которых были сложены стены Бастиона и которые так пугали Илу при первом знакомстве с городом, сейчас казались надёжной, почти родной защитой.

Воздух, пропитанный запахом мокрого гранита, речной тины и едва уловимым ароматом чабреца, который Аглая продолжала жечь в горне, бодрил лучше любого знахарского отвара. Странник чувствовал, как оживает его доспех. Пластины «Чешуи», напитавшиеся ночной влагой и утренним светом, плотнее прилегали к телу, а Свинцовая Печать в груди тихо вибрировала, настраиваясь на новый ритм.

Это было идеальное утро для начала долгого пути: город, ещё недавно измученный Костеглотом, теперь дышал ровно, подпёртый светом Сердца в Маяке. Но Даймон знал — тишина обманчива. Он обернулся к двери мельницы. Пора было будить девочку.

Массивная дубовая дверь мельницы со скрипом поддалась, выпуская наружу облако густого травяного пара. Аглая вышла на крыльцо, кутаясь в побитый молю шерстяной платок. Её лицо, иссечённое глубокими морщинами, в холодном утреннем свете казалось высеченным из того же тёмного валуна, что и стены Бастиона.

Даймон привычным, выверенным жестом проверил крепление широкой кожаной перевязи. Звёздный Клинок, убранный в старые ножны с потемневшими металлическими пластинами, надёжно покоился за спиной. Рукоять меча возвышалась над правым плечом, готовая в любой миг скользнуть в ладонь. Работа Аглаи была безупречна: после перековки сталь «Зеркала» утратила всякий след недавней битвы в копиях, обретя пугающую остроту и глубокий, холодный блеск метеоритного железа. Обновлённый обсидиановый доспех, усиленный Свинцовой Печатью, плотно облегал торс Странника, отзываясь на каждое движение едва слышным шелестом чешуек.

Аглая молча протянула Даймону туго набитый кошель и увесистый свёрток с провизией.

— Здесь еда на пять дней, огниво и мазь от гнило-цвета, — голос её звучал сухо, почти буднично. — И запомни, Странник: на тракте до Старого Остеля много пустых глаз. Не ищи ночлега там, где в окнах не горят свечи.

Даймон коротко кивнул, принимая вещи. В этот момент из тени сеней вышла Ила. В новом синем дорожном костюме и плотном плаще она выглядела повзрослевшей. Её каштановые волосы были аккуратно убраны под капюшон, открывая серьёзное лицо, лишившееся прежней детской припухлости. Она больше не суетилась — её движения стали скупыми и точными, словно она подсознательно перенимала манеру самого Даймона. На груди, под защитой ткани, едва заметно угадывался контур Слезы, а в руках она бережно сжимала Посох Хранителя.

Старая ведунья подошла к внучке. Её костлявая рука легла на плечо девочки.

— Слушай реку, Ила. И слушай своё сердце. Оно теперь бьётся в один такт с тем, что скрыто в твоём посохе. Марта учила тебя травам, я научила тебя тишине. Теперь пришло время учиться жизни.

Ила лишь низко поклонилась, коснувшись кончиками пальцев влажных досок крыльца.

— Я сберегу её, бабушка. И себя сберегу.

— Иди, — Аглая резко отвернулась, возвращаясь в полумраке мельницы. — И не обращай внимания. Седой Рубеж не прощает тех, кто смотрит назад.

Даймон тронул девочку за плечо, увлекая её за собой к мощным кованым воротам двора. Как только их шаги затихли за оградой, Аглая обессиленно прислонилась к дверному косяку. Её миссия, длившаяся десятилетия, была завершена. Старая ведунья достала из складок платка крохотное, почти прозрачное пёрышко почтового стрижа и коснулась его губами, шепча слова заговора.

Она отправит весточку сестре Марте в Глушь и Елене, матери Илы. Сообщит, что предназначение её выполнено: Слеза обрела Хранительницу, а Странник — свою цель. Пророчество Оборванной Нити наконец сбылось. Теперь судьба мира была в руках тех двоих, что сейчас растворялись в утреннем тумане Бастиона.

Они вышли за ворота мельницы, и Вербный Посад тут же обрушился на них многоголовым просыпающимся городом. Улицы, вымощенные серым речным булыжником, всё ещё блестели от ночного ливня. Даймон поправил капюшон плаща, активируя его магию — края их силуэтов едва заметно размылись, делая путников невидимыми для праздного взгляда.

Они двигались по Нижнему городу, минуя рыночные ряды, где торговцы с грохотом откидывали ставни лавок. У входа в трактир «Речной затор», чья вывеска уныло скрипела на утреннем ветру, дверь внезапно распахнулась. Из облака табачного дыма и запаха пережаренного сала вышел капитан Вард. Он выглядел измотанным: под глазами залегли глубокие тени, рука привычно покоилась на эфесе палаша, а воротник мундира был небрежно расстёгнут.

Капитан остановился, подставляя лицо прохладному ветру, и его взгляд на мгновение замер на пустом, казалось бы, месте, где стояли герои. Магия плаща обманывала глаз, но Вард, как старый вояка, почувствовал движение воздуха и вескость чужого присутствия.

Даймон на секунду ослабил волю, позволяя своему силуэту проявиться из дымки. Вард вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Он молча кивнул Страннику, и в этом жесте было больше уважения, чем в любом официальном рапорте.

— Уходите, значит, — негромко, так, чтобы слышал только Даймон, произнёс капитан. — Правильно. В Посаде скоро станет тесно. Из Старого Остеля уже выслали смену Малху, и шепчутся, что с ними едет кто-то из Инквизиции.

Вард перевёл взгляд на Илу, заметив, как уверенно она теперь держит посох.

— Береги её, Мастер. И.... спасибо за город. Сердце в Маяке горит ровно. Пока оно светит, мы выстоим.

Даймон не ответил, лишь коротко коснулся пальцами края капюшона в знак прощания. Силуэты путников снова подёрнулись пеленой и окончательно растворились в тени домов. Вард ещё долго смотрел им вслед, прежде чем сплюнуть на камни и зашагать в сторону ратуши, выкрикивая приказы просыпающимся патрулям.

Они миновали последний переулочек, и впереди показался массивный проём Южных ворот. Решётка-герса была уже поднята, и через пост стражи тянулась вереница крестьянских телег.

— Почти пришли, — прошептал Даймон. — Сейчас мы пересечём черту, Ила. Назад дороги не будет.

Девочка лишь крепче перехватила посох. В её сознании на мгновение вспыхнули яркие, как искры костра, обрывки прошлой жизни: приземистая изба в Глуши, ворчание бабки Марты над котелком, добрые руки матери Елены и вечные проделки брата Мики. Весь этот мир, пахнущий парным молоком и свежей травой, теперь казался бесконечно далёким. Ила вдруг отчётливо осознала: её детство закончилось здесь, под сводами каменных ворот Бастиона. Начинаясь новый этап — опасный, полный теней и неведомых сил, но она принимала его открыто.

Рядом был Мастер, и она была готова не просто следовать за ним, а учиться, помогать и стать частью этого нового, грозного мира.

Её взгляд, теперь твёрдый и ясный, был прикован к открывшемуся впереди тракту, который змеился вдоль берега Серой Быстрицы.

Как только последняя тень надвратной башни Вербного Посада растаяла за спиной, мир внезапно стал огромным и пугающе пустым. Привычный городской гул — лягг железа и гомон толпы — мгновенно поглотил рокот Серой Быстрицы. Река здесь ревела сильнее, разбиваясь о прибрежные валуны, а ветер, пришедший с севера, принёс запах мокрой хвои и едва уловимый, горький привкус озона.

Даймон не замедлял шага, но его походка изменилась. Он больше не шёл как горожанин; теперь он двигался как хищник — мягко, почти бесшумно, постоянно сканируя взглядом изгибы дороги и кромку леса. Свинцовая Печать в его груди, освобождённая от магического «шума» Бастиона, начала транслировать ему чистые, тревожные вибрации земли.

— Не смотри под ноги, Ила, — не оборачиваясь, бросил он. Голос на открытом пространстве звучал сухо и жёстко. — Смотри на верхушки деревьев и туда, где трава примята не ветром. Река течёт с севера, она слышит всё, что коснулось воды выше по течению. Слушай её.

Тракт змеился по самому краю обрыва. С одной стороны — серая пена Быстрицы, с другой — стена векового, «седого» леса, застывшего в ожидании. Ила старалась подражать его шагу, крепко сжимала Посох Хранителя. Она чувствовала, как Слеза на её груди пульсирует в такт её собственному сердцу — медленно, грузно, словно живое существо, впервые вдохнувшее вольный воздух.

— Мастер, почему здесь так тихо? — прошептала Ила, оглядываясь на зубчатые стены города, окутанные утренней вуалью.

Бастион за их спинами казался теперь игрушечным, зажатым между серой водой и нависающими скалами. Здесь же, на открытом тракте, тишина не была пустой — она была плотной, наполненной шуршанием сухой травы и далёким, монотонным гулом Серой Быстрицы.

Даймон не оборачивался. Его шаг был размеренным и весомым, подбитые металлом сапоги вгрызались в дорожную пыль, выбивая глухой ритм.

— Город притупляет чувства, Ила, — негромко произнёс он, и его голос, лишённый эха стен, показался ей непривычно резким. — Там ты слышишь людей. Здесь — саму землю. Она всегда молчит перед тем, как что-то случится.

Тракт вился вдоль берега, то поднимаясь на скалистые уступы, то спускаясь к самой кромке воды, где пена Быстрицы выплескивалась на камни, оставляя после себя клочья грязной изморози. Лес по правую руку стоял стеной — древний, седой от лишайника, он словно следил за путниками тысячами невидимых глаз. Ила невольно прижала Посох Хранителя ближе к груди. Она чувствовала, как Слеза в оправе едва заметно вибрирует, отвечая на далёкий гул Разломов, который Даймон слышал через свою Печать.

— Привыкай к этому холоду в затылке, — бросил Странник через плечо, заметив, как девочка передёрнула плечами. — Это не ветер. Это Седой Рубеж пробует тебя на прочность. Не давай страху кормить твою фантазию. Видишь изгиб дороги впереди? Там старый путевой столб. Дойдём до него — сделаем первый глоток воды.

Ила кивнула, стараясь попадать в его след. Она видела, как уверенно возвышается над его плечом рукоять Звёздного Клинка. Мастер не нервничал, он просто был... готов. Его спокойствие, рождённое сотнями таких переходов, медленно передавалось и ей. Она больше не была той девчонкой, что пряталась в телеге. Каждый шаг по этому тракту, подальше от Вербного Посада, делал её частью этого огромного и грозного мира.

Над рекой поднялся первый коршун, медленно описывая круги в поисках добычи. День только начинался.

Они шли уже четвёртый час. Город давно скрылся за изгибами прибрежных круч, и единственным спутником путников оставался монотонный рокот реки. Ила заметно притомилась: её шаги стали труднее, а Посох Хранителя теперь служил ей скорее опорой, чем магическим инструментом. Она упрямо молчала, стараясь не отставать, но Даймон, даже не оборачиваясь, чувствовал за спиной её сбитое, прерывистое дыхание.

Странник едва заметно укоротил свой широкий шаг, подстраиваясь под ритм девочки, чтобы та не выбилась из сил раньше времени, но делал это так искусно, чтобы она не почувствовала его жалости. Для Странника выносливость напарника была залогом выживания всей группы.

Внезапно Даймон замер. Его тело мгновенно напряглось, пластины «Чешуи» на плечах едва заметно дрогнули, приходя в боевое положение. Свинцовая Печать в груди отозвалась резким, колючим импульсом, от которого во рту появился знакомый привкус меди.

— Тише, — коротко бросил он, приподнимая руку.

Ила замерла, прислушиваясь. Сначала ей казалось, что это просто камнепад или шум крупной волны, разбившейся о валуны. Но через мгновение ветер донёс из-за ближайшего утёса нечто иное: отчётливый, сухой лязг стали о сталь, надрывное ржание лошадей и чей-то короткий, оборвавшийся на высокой ноте крик.

— Там бой, Мастер? — прошептала девочка, непроизвольно прижимаясь к мшистой скале. Слеза на её груди начала пульсировать тревожным, рваным ритмом, отвечая на чью-то агонию впереди.

— Не просто бой. Засада, — Даймон пригнулся, увлекая Илу за собой в густую тень прибрежных кустов. — Слишком много криков для обычной стычки патрулей. И вонь... чувствуешь?

Воздух внезапно стал спёртым. К запаху речной сырости примешался едкий, тошнотворный аромат гнилого мяса и жжёной шерсти — верный признак того, что из Разлома вылезло нечто голодное.

— Иди за мной, дыши через раз. Если увидишь фиолетовые искры — закрывай глаза, — Даймон бесшумно извлёк Звёздный Клинок из ножен за спиной.

Сталь меча не издала ни звука, лишь тускло блеснула в сером свете дня. Они начали осторожно пробираться по кромке обрыва, туда, где за скалистым выступом, называемым местными «Чёрным прижимом», решалась чья-то судьба.

С высоты скалистых круч тракт у Чёрного прижима напоминал узкий желоб, в котором застряла и медленно захлёбывалась в собственной крови добыча. Гул Серой Быстрицы здесь становился яростным, превращая крики и лязг стали в жуткое, почти беззвучное представление.

Засада была устроена мастерски. Головная грузовая телега лежала на боку, перегородив дорогу горой обломков и мешков. Одна из лошадей, всё ещё запутавшаяся в упряжи, сучила ногами, выбивая искры из камней. Однако вторая карета — мощный, обитый сталью экипаж под чёрным лаком — чудом устояла на колёсах. Именно вокруг неё, вжавшись спинами в лакированные борта, держали последний рубеж пятеро выживших гвардейцев.

Жабороты атаковали слаженно, как стая утопленников. Это были тощие, сутулые полулюди с неестественно длинными конечностями и бледной, скользкой кожей оливкового цвета. Их головы, лишённые носов и ушей, венчали огромные, выпуклые глаза с горизонтальными зрачками, а беззубые пасти растягивались до самых плеч, скрывая ряды костяных пластин. Твари передвигались резкими, ломаными прыжками, опираясь на длинные ласты-пальцы, и издавали низкое, вибрирующее урчание, от которого закладывало уши.

— К реке не прижиматься! — надрывно кричал офицер, пытаясь закрыть собой дверцу кареты.

Там, за прочным деревом, замер новый наместник, присланный графом Вальмонтом. Его холёное лицо было белым, как мел. Но сидевший напротив человек в серой рясе оставался

неподвижен. Инквизитор откинул капюшон, обнажив бледный череп и глаза, в которых застыл холодный расчёт. Он не пытался помочь; он наблюдал, как один из Жаборотов, выгнувшись дугой, в один прыжок оказался на крыше кареты. Костлявые лапы монстра со скрежетом вонзились в дерево прямо над головой наместника.

Один из гвардейцев вскрикнул — Жаборот резким рывком вырвал щит из его рук, вонзив липкие пальцы в незащищённое горло воина. Кольцо обороны лопнуло. Твари, почувствовав скорую развязку, издали единый, тошнотворный хор и бросились в финальную атаку.

Ситуация для конвоя становилась отчаянной. Гвардейцы графа, обученные сражаться в строю против людей, пасовали перед ломаной, дёрганой пластикой Жаборотов. Твари не фехтовали — они вязли в клинках, пропуская удары по скользкой коже, чтобы тут же вцепиться длинными пальцами-ластами в сочленения доспехов.

— Держитесь центра! — надрывно прохрипел офицер, отбиваясь обломком щита. — У обрыва — смерть! Назад, к карете!

Один из солдат, молодой парень с залитым кровью лицом, не удержал равновесия, когда двое Жаборотов разом прыгнули ему на плечи. Твари методично потащили воина к самому краю, где камни обрывались в ревущую пену Серой Быстрицы. Стая действовала как единый механизм, выдавливая людей с твёрдой земли.

В этот момент дверь уцелевшей кареты распахнулась. Наместник, обезумев от ужаса, попытался выскочить наружу, но стоило его сапогу коснуться подножки, как ближайший Жаборот метнулся к нему. Инквизитор, сидевший в тени, резким движением вдёрнул чиновника обратно. Его рука, закованная в сегментированную сталь, начертила в воздухе короткий знак. Невидимый толчок отбросил тварь, заставив её изрыгнуть густую зелёную жижу.

Инквизитор не спешил обнажать оружие. Он медленно поднялся, выходя на подножку. Его серая ряса затрепетала на ветру. Он смотрел на умирающих гвардейцев с тем же бесстрастным спокойствием, с каким смотрят на догорающую свечу. Для него они были лишь расходным материалом Союза.

Его взгляд, острый и холодный, метнулся к скалистому склону. Он знал, что за ними наблюдают. В отношениях Инквизиции и Странников никогда не было дружбы — лишь брезгливое сожительство. Инквизиторы считали Странников «отродьями», копающимися в грязи Разломов, полезными до тех пор, пока онидохнут вместо честных солдат. Но сейчас, глядя на притаившегося в кустах Даймона, Инквизитор лишь тонко улыбнулся.

Он не собирался звать на помощь. Он ждал, когда Странник, верный своему кодексу или простому инстинкту выживания, сам прыгнет в это пекло. Пусть «грязный наёмник» проредит стаю, а Инквизиция потом соберёт плоды... или добьёт выживших, если те окажутся слишком запятнаны Бездной.

— Ну же, — едва слышно прошептал он, поправляя наруч. — Покажи, на что ты годеи, «пастух». Оправдай своё существование ещё на один день.

Даймон приник к земле, его обсидиановые наплечники едва слышно звякнули о гранит. Свинцовая Печать в груди работала на пределе, транслируя ему каждое движение Жаборотов у кареты. Он видел, как одна из тварей, припав к земле, готовится к прыжку на коренную лошадь — если та падёт, конвой застрянет здесь навсегда.

— Слушай меня, — выдохнул он Иле, не отрывая взгляда от Инквизитора. — Сейчас я иду вниз. Твоя задача — не давать им зайти мне за спину. Посох не для красоты, Ила. Соединяй! Живо!

Ила побелела, её пальцы дрожали, когда она рванула шнурок на шее. Она выхватила Слезу из кожаного чехла — сфера пульсировала тревожным фиолетовым светом, чувствуя близость Искажения. Девочка с сухим щелчком вжала артефакт в навершие Посоха Хранителя. Дерево отозвалось мгновенно: по резным рунам пробежала лазурная искра, и навершие плотно сомкнулось, удерживая Слезу, словно драгоценный глаз.

Даймон не стал ждать. Чёрной тенью он сорвался со склона, активируя боевой режим «Чешуи». Пластины доспеха на его спину разошлись, выпуская избыток магического тепла, и в тот же миг Звёздный Клинок покинул ножны.

Воздух у Чёрного прижима взорвался чистым, лазурным сиянием.

Первый удар пришёлся на Жаборота, который уже занёс лапу над лошадьё. «Зеркало» прошло сквозь скользкую плоть, как сквозь гнилую солому. Тварь даже не успела издать звук — её разрубленное пополам тело отлетело в сторону, орошая камни густой фиолетовой жижей.

— Странник! — выкрикнул офицер стражи, в его голосе смешались ужас и безумная надежда.

Даймон не ответил. Он вращался в вихре стали, его движения были пугающе быстрыми. Каждому взмаху меча аккомпанировал сухой треск Свинцовой Печати. Жабороты, ошеломлённые внезапной атакой, на мгновение отступили, но тут же начали смыкать кольцо вокруг Странника.

Инквизитор на подножке кареты даже не шелохнулся. Он лишь чуть сильнее прищурился, наблюдая, как «пастух» в одиночку перелаживает ход бойни.

— Ила, бей! — взревел Даймон, когда трое Жаборотов одновременно прыгнули на него с фланга.

Девочка, стоявшая на уступе чуть выше, занесла посох обеими руками. Теперь, когда Слеза была на месте, артефакт казался ей живым, вибрирующим от ярости. Она со всей силы обрушила наверх на плоский камень.

Вспышка была не просто светом — это был удар по самой сути реальности. Волна чистой, стабилизирующей энергии ударила в землю, заставив Жаборотов буквально оцепенеть. Тетива реальности на мгновение натянулась, лишая тварей возможности двигаться. Этого Даймону хватило: три коротких, точных выпада — и ещё три туши повалились на тракт, изрыгая болотную вонь.

Наступила секундная тишина, прерываемая лишь рёвом Серой Быстрицы. Даймон стоял в центре круга, меч в его руке гудел, стряхивая капли чужой крови. Он медленно поднял голову, встречаясь взглядом с Инквизитором.

Взгляд Инквизитора, острый и холодный, на мгновение скрестился со взглядом Даймона. В этом безмолвном поединке не было ни благодарности, ни облегчения — лишь сухой расчёт двух хищников.

— Пастух, обернись! — внезапно выкрикнул Инквизитор, и его голос, усиленный какой-то внутренней мощью, ударил Даймона в спину подобно физическому толчку.

Странник не стал оборачиваться — он рухнул на колени, пропуская над собой тушу огромного Жаборота-вожака, который бесшумно спрыгнул с нависающего над дорогой скального карниза. Тварь была вдвое крупнее сородичей, её кожа имела трупно-синий оттенок, а костяные пластины в пасти скрежетали, как мельничные жернова.

Пролетев над головой Даймона, вожак врезался в борт кареты, едва не перевернув её. Наместник внутри взвизгнул, когда когти монстра пропороли лакированное дерево в дюйме от его лица.

— Ила, держи их! — взревел Даймон, совершая стремительный кувырок.

Девочка, всё ещё стоявшая на уступе, снова вскинула Посох Хранителя. Слеза в наверх пульсировала яростным лазурным светом, от которого Жабороты поменьше в ужасе пятились к самой кромке Серой Быстрицы. Она видела, как вожак разворачивается для нового прыжка, и её страх окончательно сменился холодной сосредоточенностью.

— Назад! — выкрикнула она, и на этот раз энергия артефакта отозвалась не вспышкой, а низким, вибрирующим гулом, от которого задрожали камни под ногами тварей.

Даймон воспользовался секундным замешательством вожака. Он рванулся вперёд, его Звёздный Клинок описал короткую, смертоносную дугу. Сияние меча вошло в резонанс с гулом посоха — сталь словно удлинилась, превратившись в полосу чистого лазурного пламени.

Первый удар отсёк вожаку лапу-ласту. Тварь взвыла, изрыгая фонтан фиолетовой жижи, но вместо того, чтобы бежать, она в безумии бросилась на Странника, пытаясь достать его костяным шипом на хвосте. Даймон уклонился, чувствуя, как Чешуя на его плече раскалилась, поглощая остаточный всплеск Искажения. Вторым удар, нанесённый с разворота, пришёлся прямо в широкую, безносую морду монстра.

«Зеркало» вошло в череп вожака по самую рукоять.

Мир на мгновение замер. Даймон резко выдернул клинок, и туша синего Жаборота грузно повалилась на тракт, придавив собой одного из раненых гвардейцев. Оставшиеся в живых твари, лишившись лидера и ослеплённые светом Слезы, с истошным кваканьем бросились врассыпную: кто-то нырял в ледяные воды реки, кто-то исчезал в густых зарослях седого леса.

Бой был окончен.

На дороге воцарилось безмолвие, разбавленное лишь шумом реки и прерывистым дыханием тех, кто остался в живых. Даймон медленно выпрямился, стряхивая фиолетовую слизь с меча. Его доспех медленно остывал, пластины возвращались в пассивное состояние.

Инквизитор на подножке кареты небрежно поправил складки своей серой рясы. На его лице играла едва заметная, циничная усмешка. Он медленно похлопал в ладоши — сухой, издевательский звук, который прозвучал в этой тишине как объявление приговора.

— Bravo, Мастер, — негромко произнёс он, глядя Даймону прямо в глаза. — Старая школа. Я уж, грешным делом, подумал, что ты совсем заржавел в своей Глуши.

Над трактом у Чёрного прижима повисла удушливая тишина, нарушаемая лишь прерывистым хрипом раненых и яростным рокотом Серой Быстрицы. Воздух был пропитан тяжёлым, сладковато-гнилостным запахом внутренностей Жаборотов, который смешивался с острой гарью магического озона.

Даймон стоял неподвижно, не убирая Звёздный Клинок в ножны. Его обсидиановый доспех медленно «дышал», пластины Чешуи со щелчком возвращались в пассивный режим.

Инквизитор медленно сошёл с подножки кареты, его серая ряса едва касалась залитых кровью камней. Он остановился в нескольких шагах от Странника, заложив руки за спину.

— Память — забавная штука, Мастер, — негромко произнёс он, игнорируя стоны умирающих гвардейцев. — В Белокаменске поговаривали, что ты сгинул в одном из северных Разломов. Оказывается, ты просто сменил декорации, Пастух.

Даймон вздрогнул. Слово «Пастух» отозвалось в голове резким, болезненным ударом, но он не подал виду.

— Я не знаю, за кого ты меня принимаешь, — голос Странника прозвучал хрипло и жёстко. — Но в Союзе Пяти Мечей всегда слишком много болтают.

Инквизитор лишь тонко улыбнулся, и его взгляд переместился на подошедшую Илу. Девочка робко встала за плечом Даймона, мёртвой хваткой сжимая Посох Хранителя. Слеза в навершие уже не сияла, она лишь тлела глубоким багрянцем.

— А вот это... это уже не просто забавно, это почти святотатство, — Инквизитор чуть склонил голову, и в его глазах блеснуло искреннее, злое любопытство. — Знаменитый одинокорд Орден, «пустой» и безоружный перед Бездной, а его главный инструмент — в руках у ребёнка? Ты лишился не только памяти, Пастух, но и гордости? Отдать Слезу девчонке... Орден перевернулся бы в гробу, узнай они о твоём новом «методе».

Ила инстинктивно прижала посох к себе, чувствуя, как этот человек в сером буквально «раздевает» её взглядом, изучая чистоту камня. Даймон же ощутил, как внутри закипает глу-

хая ярость — он не помнил правил Ордена, но чувствовал, что этот человек бьёт по самому больному.

— Отставить разговоры! — хриплый выкрик офицера стражи разрезал напряжение.

Выживший командир с залитым кровью лицом с трудом поднялся.

— Десятник, живых — в кучу! Остальным — заняться лошадьми и починкой оси. Нам нужен временный лагерь, живо! Мы не тронемся с места, пока не перевяжем раненых.

Гвардейцы начали медленно шевелиться, стаскивая туши монстров к обрыву и сбрасывая их в бурлящие воды Быстрицы. Из экипажа, наконец, рискнул высунуться новый наместник. Он брезгливо прикрывал нос кружевным платком.

— Мастер... Странник, — пролепетал он. — Вы ведь... вы ведь защитите нас? Граф щедро вознаградит...

Даймон даже не обернулся к чиновнику. Он смотрел только на Инквизитора, понимая, что их «союз» на этом тракте будет стоить ему многих нервов. Наконец Странник медленно отвел взгляд и повернулся к раненому офицеру, который пытался организовать выживших.

— Ваша карета выдержит, если сбросите лишний груз с разбитой телеги, — голос Даймона разносился над рекой, перекрывая гул воды. — Дальше путь чист. Моя Печать молчит до самого Старого Остеля. Жабороты — стайные твари, они не нападут дважды в одном месте, пока не зализжут раны. Можете не опасаться за свои спины до самого места назначения.

Офицер замер, тяжело дыша, и в его глазах промелькнуло невольное облегчение. Слово Странника в этих землях значило больше, чем сотня указов.

Инквизитор, всё ещё стоявший на подножке, издал короткий, сухой смешок.

— Какая трогательная забота о казённом имуществе и жизнях простых солдат, Мастер. Ты стал... мягче. Или это близость твоей маленькой Хранительницы так на тебя влияет?

Даймон проигнорировал колкость, жестом приказав Иле присесть у колеса уцелевшей кареты. Девочка послушно опустилась на камни, не выпуская посоха, и начала дрожащими руками развязывать мешок с припасами, который дала Аглая. Она видела, как гвардейцы, пересяливая боль, начали растаскивать завалы на дороге.

— Привал сорок минут, — отрезала Даймон, обращаясь уже ко всем. — Очистите тракт, перевяжите тех, кто ещё дышит, и уходим. Тень Чёрного прижима — не самое лучшее место для долгих бесед.

Над трактом затрещал небольшой костёр, разведённый гвардейцами из обломков первой телеги. Дым, горький от горящей сырой древесины и просыпанного зерна, лениво поднимался к хмурому небу. Солдаты, шатаясь от усталости и шока, стаскивали раненых к огню, укладывая их прямо на холодные камни.

Ила сидела у колеса уцелевшей кареты, наблюдая, как офицер, сцепив зубы от боли, пытается перевязать глубокую рваную рану на бедре. Грубая ткань мгновенно пропитывалась тёмным, почти чёрным — яд Жаборотов не давал крови сворачиваться, превращая края разреза в гнилую кашу.

— Подождите, — не выдержала девочка. Она решительно поднялась, прислонив Посох Хранителя к лакированному борту экипажа, и вытащила из дорожной сумки заветный свёрток Аглаи. — Это не поможет. Рана уже «цветёт». Если не вытянуть слизь сейчас, к закату ногу придётся отнимать.

Офицер замер, глядя на неё исподлобья. Его лицо было бледным, а в глазах читалось недоверие вперемешку с яростью человека, не желающего принимать помощь от ребёнка.

— Откуда тебе знать, малявка? Сядь на место.

— Моя бабушка — Марта из Глуши, а её родная сестра Аглая — из Вербного Посада, — звонко, с неожиданной для её лет силой отрезала Ила, разворачивая тряпицу с густой изумрудной мазью. — Мои бабушки знают об Искажениях больше, чем весь ваш гарнизон. Хотите сгнить заживо — воля ваша, но Мастер Даймон не для того вас спасал.

Странник, стоявший чуть поодаль и методично вытиравший Звёздный Клинок ветошью, едва заметно кивнул. Он не вмешивался, давая ей возможность проявить волю Хранительницы.

Инквизитор же, прислонившись к дверце кареты и скрестив руки на груди, наблюдал за сценой с холодным интересом. Его взгляд скользнул от уверенных рук девочки к Слезе, венчающей её посох. Почувствовав её решимость, камень отозвался мягким золотистым сиянием.

— Забавно, — прошептал он, обращаясь скорее к Даймону. — Смирренная лечит тех, кого Бездна уже пометила. Ты учишь её состраданию, Пастух? В нашем мире это самый короткий путь в могилу. Ила не слушала. Она осторожно нанесла мазь на рану офицера. Зелёная субстанция зашипела, вступая в реакцию с ядом, и из разреза повалил тонкий белёсый дымок. Воин вскрикнул, его тело выгнулось дугой, но уже через мгновение он обмяк, и его дыхание стало ровным. Чёрная, густая жижа сменилась алой, здоровой кровью.

— Спасибо... — выдохнул он, удивлённо глядя на Илу. — Словно лёд к огню приложили.

Девочка молча перешла к следующему раненому. Она чувствовала на затылке тяжёлый взгляд Инквизитора, но сейчас её это не пугало. Слова Марты — “Ведунья жива, пока она нужна” — стали для неё щитом. Даймон убрал очищенный меч в ножны за спиной и подошёл к ней.

— Пять минут, Ила. Закрывай мешок. Колесо почти на месте, а тени на Серой Быстрице удлиняются. Пора уходить.

Ила послушно затянула кожаный шнурок на сумке, стараясь не смотреть на окровавленные бинты, разбросанные у костра. Гвардейцы, которым она помогла, провожали её долгими, благодарными взглядами — для них эта девчонка с Посохом стала маленьким чудом в преддверии смерти.

Даймон стоял у самой кромки тракта, закинув дорожный мешок на плечо. Его тёмный силуэт чётко вырисовывался на фоне заходящего солнца, окрасившего бушующие воды в цвет запёкшейся крови. Инквизитор медленно вышел из тени кареты и направился к ним.

Его серая ряса едва слышно шелестела по камням. Он остановился в паре шагов от Даймона, и его взгляд — холодный, лишённый тени тепла — впился в лицо Странника.

— Значит, наши пути здесь расходятся, Мастер, — негромко произнёс он, глядя, как кучер понукает лошадей, разворачивая тяжёлый экипаж в сторону Вербного Посада. — Я еду принимать дела в твоём бывшем убежище, а ты... ты упрямо лезешь в самое горло Северного Края.

Даймон медленно повернул голову. Свинцовая Печать в его груди отозвалась на близость Инквизитора глухим, предупреждающим гулом.

— В Посаде теперь будет кому раздавать приказы и искать виноватых, — голос Даймона был сух. — А моё дело — там, где тишина слишком громкая. Дальше по тракту на север чисто, гвардейцы докатят наместника до ворот без лишних дыр в шкуре.

Инквизитор чуть прищурился, переводя взгляд на Илу, которая инстинктивно сжала Посох Хранителя.

— Чисто... — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — И всё же, куда ведёт твой путь, Пастух? Неужели ты надеешься, что в Старом Остеле или, того хуже, в Пустых Сводах тебя ждёт что-то, кроме новых провалов в памяти? Ты ищешь исток ледяной артерии, но можешь найти лишь обрыв.

Даймон ответил не сразу. Он посмотрел на юг, туда, где тракт уходил в густую, пахнущую хвоей синеву лесов.

— Моя дорога вьётся так же, как эта река, Инквизитор: она не спрашивает разрешения у карт, она просто течёт к своему устью. А что я там найду — моё дело.

Инквизитор издал короткий, сухой смешок.

— Красиво. Почти поэтично. Но помни: Союз Пяти Мечей не любит тех, кто гуляет сам по себе с такими артефактами на шее. Я буду ждать вестей о тебе, Мастер. Живым или мёртвым — для архивов Белокаменска это не имеет значения.

Он коротко кивнул и, не оборачиваясь, зашёл в карету. Дверца захлопнулась с веским, окончательным стуком. Офицер стражи, отдав Даймону честь, прикрикнул на солдат. Экипаж, надсадно скрипя осями, тронулся в обратный путь — на север, к стенам Бастиона.

Даймон и Ила остались одни на пустом тракте у Чёрного прижима.

— Пойдём, — коротко бросил он девочке, разворачиваясь спиной к уходящему конвою. — Нам нужно уйти с открытого места до того, как его «ищейки» вернутся за нашим следом.

Они ушли достаточно далеко от дороги, когда Даймон наконец свернул в густые заросли ельника, скрытые за нагромождением замшелых валунов. Здесь, в естественном укрытии, шум реки доносился лишь приглушённым рокотом, а лесная чаща надёжно защищала от холодного ветра.

— Сбрасывай вещи, Ила. Здесь заночуем, — коротко бросил Странник, оглядывая периметр.

Девочка с тихим вздохом облегчения опустила дорожный мешок на мягкий слой хвои. Её плечи ныли, а ноги гудели от долгого перехода и пережитого страха. Она бережно прислонила Посох Хранителя к стволу старой ели и села рядом, наблюдая, как Даймон быстро и умело разводит крохотный, почти бездымный костёр.

Когда первые языки пламени начали лизать сухие ветки, освещая их лица неровным оранжевым светом, тишина леса стала почти осязаемой. Даймон достал Звёздный Клинок и, положив его на колени, принялся методично протирать сталь ветошью.

— Мастер... — Ила первой нарушила молчание, глядя на то, как блики огня играют на обсидиановых пластинах его доспеха. — Тот человек в сером... он называл вас Пастухом. И говорил о Белокаменске, словно вы там были легендой.

Рука Даймона на мгновение замерла. Он не поднимал головы, но Ила видела, как плотно сжались его губы. Свинцовая Печать в его груди, успокоившаяся после боя, теперь снова начала едва слышно вибрировать — не на внешнюю угрозу, а на внутренний хаос в его сознании.

— Он знает меня, Ила. Но я его — нет, — голос Даймона был тихим и хриплым. — Для меня его лицо — лишь маска из тумана, как и всё, что было до той пещеры в Глуши. Но когда он произнёс это имя... в голове словно что-то лопнуло. Боль, старая и холодная.

Он наконец поднял взгляд на девочку. Его штормовой глаз в свете костра казался почти чёрным.

— Инквизиторы не разбрасываются именами ради забавы. Если я для него «Пастух», значит, в прошлом я делал для Союза Пяти Мечей работу, о которой не пишут в летописях. И работа эта, судя по его ухмылке, была кровавой.

Ила невольно сжала пальцы, чувствуя, как Слеза на её груди отзывается на его горечь едва заметным теплом.

— Но вы ведь спасли их, Мастер. И меня спасли. Неважно, кем вы были в том Белокаменске. Сейчас вы — тот, кто учит меня не бояться Бездны.

Даймон едва заметно усмехнулся — горько и коротко.

— Прошное имеет привычку догонять тех, кто от него бежит, Хранительница. Теперь мы знаем две вещи: в столице меня считают мёртвым, и Инквизиция очень недовольна тем, что я воскрес. Особенно с тобой и этим камнем в придачу.

Он убрал меч в ножны и протянул ей кусок вяленого мяса, который дала Аглая.

— Ешь и спи. Завтра нам нужно быть у Урсулы. Если слова этого серого пса — правда, то на переправе нас могут ждать не только Жабороты.

Ночь в лесу была густой и холодной, как болотная жижа. Костёр давно прогорел, оставив лишь кучку седого пепла и едва тлеющие угли, которые лениво перемигивались в темноте. Ила,

свернувшись калачиком под своим новым плащом, спала крепко, прижав к груди Посох Хранителя. Слеза в наверхие пульсировала ровным, баюкающим светом, создавая вокруг маленького лагеря едва заметный купол покоя.

Даймон сидел, прислонившись спиной к корявому стволу ели. Его глаза были закрыты, но Свинцовая Печать в груди продолжала бдеть, сканируя тьму. Однако на этот раз угроза пришла не снаружи. Она поднялась из самых глубин его истерзанного разума.

Ему снилось небо. Оно не было серым, как над Серой Быстрицей. Оно было багровым, затянутым удушливым дымом горящих предместий Белокаменска. В воздухе стоял крик — не монстров, а людей. Сотни голосов, сливающихся в единый стон.

Даймон видел свои руки. Они были затянуты в старый, ещё не обсидиановый, а простой стальной доспех, залитый чем-то тёмным. В правой руке он сжимал не «Зеркало», а тяжёлый, грубый тесак Странника. Перед ним, прижавшись к обгорелой стене собора, стояла толпа. Мужчины, женщины, дети... Их глаза светились тем самым фиолетовым огнём, который он видел у Жаборотов. Они ещё молили о пощаде, ещё тянули к нему руки, но их кожа уже покрывалась чешуёй, а слова превращались в бульканье.

— Пастух, — раздался за спиной холодный, до боли знакомый голос. — Время вышло. Загон полон. Очищай.

Даймон обернулся. В тени разрушенной арки стоял человек в серой рясе. Тот самый, из кареты. Только моложе, с ещё не тронутым шрамами лицом, но с теми же ледяными глазами ищейки Союза.

— Они ещё люди! — выкрикнул Даймон во сне, и его собственный голос показался ему чужим, полным отчаяния.

— Нет, Мастер, — инквизитор лениво повёл рукой, и из теней вышли другие Странники. — Они — паршивые овцы. Если не забьёшь их сейчас, завтра зараза сожрёт всю провинцию. Бей. Это твой заказ. Это твоё предназначение.

Даймон во сне сделал шаг вперёд. Он поднял тесак. Первый удар... второй... Кровь брызнула на забрало, застилая мир красным туманом.

Даймон резко распахнул глаза, едва не выхватив меч. Его лоб был покрыт ледяным потом, а дыхание вырывалось из груди с присвистом. Свинцовая Печать бешено колотилась о рёбра, словно пытаясь вырваться наружу.

Он посмотрел на свои руки. В темноте они казались чёрными.

— Пастух... — прошептал он, и это слово теперь имело вкус железа и пепла.

Ила заворочалась во сне, что-то невнятно пробормотав. Свет Слезы на мгновение усилился, обдав Даймона волной тепла, и кошмар начал медленно отступать, оставляя в душе лишь вязкий осадок. Он понял: Инквизитор не просто знал его. Он был тем, кто отдавал ему приказы. И эти приказы были страшнее любого Разлома.

Даймон поднялся, подбросил в угли пару сухих веток и снова сел, уставившись в огонь. До рассвета оставалось совсем немного, но он знал — сегодня он больше не уснёт.

Утро пришло вместе с густым, молочным туманом, который плотным одеялом опустился на ельник, поглотив рокотом реки. Даймон поднялся задолго до рассвета. Первым делом он привёл в порядок снаряжение: проверил сочленения «Чешуи», убедившись, что Свинцовая Печать остыла, и короткими, уверенными движениями ополоснул лицо ледяной росой, собранной с широких листьев папоротника. Эта простая процедура окончательно смыла липкие остатки сна о Белокаменске, оставив в голове лишь кристально чёткие образы дорог.

Ила проснулась, когда Даймон уже раздул угли костра до крохотного, едва заметного огонька. Девочка, потирая заспанные глаза, последовала примеру Мастера — умылась холодной водой из ручья и аккуратно заплела каштановые волосы в тугую косу, как учила Марта.

— Ешь, — коротко бросил Даймон, протягивая ей ломоть подсушенного хлеба и кусок сыра из запасов Аглаи. — На пустой желудок ноги к Урсуле не донесут.

Конец 6 главы.

Глава 7. Узел на речном пороге

Лес за спиной сомкнулся бесшумным изумрудным занавесом, отсекая гул Серой Быстрицы и обманчивый уют проезжего тракта. Здесь, под сводами древних елей, чьи лапы грузно свисали до самой земли, воцарилась иная тишина — густая, колючая, пропитанная запахом прелой хвои и застоявшейся магии. Даймон шёл первым, и его походка изменилась: исчезла веская поступь воина, её сменила кошачья, почти невесомая точность движений человека, который вернулся в знакомую стихию.

— След в след, Ила, — его голос, приглушённый мхом, прозвучал как шелест сухой бересты. — Эти тропы не любят чужаков. Если сойдёшь с камней — лес сочтёт тебя добычей.

Ила сжала пальцы на гладком древке посоха, который без своего намерения казался теперь обычной дубовой палкой. Утром она, повинувшись предостерегающему взгляду Мастера, вновь укрыла сферу в заговорённый кожаный мешочек, бережно сшитый руками бабки Марты. Спрятанный глубоко под плащом и висящий на шее, футляр едва сдерживал лихорадочное тепло артефакта, который теперь, вдали от солнечного света, пульсировал в такт её собственному сердцу. Золотистое сияние, едва пробивающееся сквозь поры плотной кожи, служило единственным ориентиром в вечных сумерках, где корни деревьев изгибались, точно застывшие в агонии змеи.

— Я готова, Мастер, — тихо отозвалась она, и это слово, принятое ею с новой, осознанной решимостью, заставило Даймона на мгновение замереть.

Он не обернулся, но Ила увидела, как под его серым дорожным плащом едва заметно сдвинулись обсидиановые пластины надетого на него Живого доспеха. Броня, почуяв близость Искращения, пришла в движение, подстраиваясь под шаг владельца, а вмурованная в нагрудник Свинцовая Печать начала едва слышно гудеть, вылавливая фальшивые ноты этого леса. Даймон вёл её по старым маршрутам Ордена, которые когда-то знал назубок. Прошрое возвращалось к нему обрывками имперских карт и забытых паролей, вплетавшихся в нынешний путь Странника.

Тропа круто забирала вверх, петляя между валунами, поросшими седым лишайником. Здесь ели расступались, уступая место мёртвым остовам дубов, чьи ветви были завязаны в узлы неведомой силой. Даймон остановился у высокого обломка скалы, на котором едва проступал выветренный знак: перечёркнутый ромб, символ Ордена.

— Мы почти на месте, — произнёс он, всматриваясь в пелену тумана, поднимающуюся из низины. — Впереди Десятая застава. Там, под корнями Старого Остеля, лежит наш путь к великой реке. Но будь осторожна... память этого места отравлена. Десять дней назад здесь оборвалась чья-то жизнь, и лес до сих пор не может переварить этот крик.

Ила невольно прижала ладонь к груди, чувствуя, как мешочек под её пальцами стал обжигающе горячим. Впереди, сквозь серую хмарь, проступили очертания приземистой каменной башни, наполовину ушедшей в землю и оплётённой чёрными, липкими лозами Искращения.

Они замерли у границы вымощенной камнем площадки. Даймон медленно поднял руку, преграждая Иле путь, и его пальцы в мощной перчатке непроизвольно коснулись Свинцовой Печати на нагруднике. Артефакт отозвался не просто гулом — он полоснул по его сознанию ледяным ветром, принеся с собой обрывки звуков, которых не могла слышать Ила: дребезжание надтреснутого колокола и сухой треск лопающегося льда.

— Стой, — его голос прозвучал глухо, словно из глубокого колодца. — Я узнаю этот диссонанс.

Он указал клинком на вход в башню. Там, прямо в пустом дверном проёме, в воздухе застыли хрустальные капли дождя. Они не падали на землю, а висели неподвижно, сверкая в тусклом свете, точно битое стекло. Рядом с ними в такой же неестественной коме замерли

несколько пожелтевших листьев. Время здесь словно наткнулось на невидимую преграду и расплескалось, превратив мгновение в вечность.

— Я был здесь, Ила. Десять дней назад... — Даймон заговорил тише, и в его глазах отразился холод этой застывшей петли. — В тот самый час, когда мой мир погас, я стоял на этом самом камне. Десятая застава была моим последним рубежом. Мы пытались удержать прорыв, но Бездна оказалась сильнее.

В его памяти, пробиваясь сквозь пелену амнезии, вспыхнула ослепительная лазурная искра. Он снова почувствовал тот безумный жар в ладонях, когда его Звёздный Клинок встретился с плотью Разлома.

— Я не просто ударил по ней, — он обернулся к Иле, и она увидела, как в его зрачках дрожит отсвет того давнего взрыва. — Я пробил реальность насквозь. Меня не отбросило назад — меня всосало в самую изнанку мира. Тот Разлом в пещере у Глуши, Грохотун... это был не случайный прорыв. Это был «выход». Меня протащило сквозь пустоту и выплюнуло в твой дом на кончике моего собственного меча.

Ила заворожённо смотрела на неподвижные капли дождя. Она наконец поняла, почему Мастер был так изломан в день их первой встречи: он был человеком, который преодолел лиги пути за один удар сердца, оплатив этот прыжок собственной памятью.

— Значит, здесь остался корень? — прошептала она, прижимая ладонь к заговорённому мешочку, который теперь пульсировал в такт её учатившемуся дыханию.

— Здесь остался «вход», — отрезал Даймон. — И, если мы войдём через дверь, нас снова разметает по Седому Рубежу или распылит в прах. Время здесь ядовито. Нам нужен другой путь — старый водовод под фундаментом. Там «Грань» устояла под защитой древней кладки. Идём, Хранительница. Нам нельзя позволить этой петле заметить наш свет.

Даймон первым шагнул с мощёной площадки, увлекая Илу за собой в густые заросли папоротника, подступавшие к самому фундаменту башни. Здесь, в тени огромного валуна, обнаружился узкий косой проём, наполовину заваленный сухими ветками и старой листвой.

— Здесь время течёт правильно, — Даймон присел, одним коротким движением рассчитывая вход в старый дренажный желоб. — Грань между мирами внизу укреплена кладкой древних мастеров, она выдержала удар. Но помни: мы пройдём прямо под эпицентром того взрыва.

Ила помедлила у края темноты. Она обернулась на башню, чьи стены в дымке казались не каменными, а вырезанными из дрожащего фиолетового дыма. Хрустальные капли дождя всё так же висели в воздухе, напоминая о застывшем мгновении чужой боли.

— Мастер, — тихо позвала она. — Если мы просто уйдём... этот шрам так и останется здесь?

Даймон, уже наполовину скрывшийся в лазе, замер. В полумраке его глаза блеснули холодным, увесистым светом.

— Он будет гнить, Ила. Со временем петля станет шире, поглощая лес, а потом и тракт. Это цена моей ошибки. Но у нас нет времени быть героями. Нам нужно к великой реке.

Ила не шелохнулась. Она прижала ладонь к заговорённому мешочку, чувствуя, как сфера внутри рвётся наружу. Слеза не просто грела — она требовала. Она узнавала этот излом реальности, как врач узнаёт знакомый недуг, требующий немедленного вмешательства.

— Бабка Марта говорила, что заставы — это узлы на ткани мира, — голос девушки окреп, несмотря на страх. — Если узел развязался, его нельзя бросать, иначе вся ткань поползёт. Мы не можем просто пройти мимо. Ты ведь сам сказал: я — Хранительница. А это... это часть мира, которую нужно сохранить.

Даймон медленно выбрался обратно. Он выпрямился, возвышаясь над ней, и его фигура в сером плаще казалась частью этой суровой скалы. Между ними повисла тишина, нарушаемая лишь едва слышным, надтреснутым звоном «петли» за их спинами.

— Ты предлагаешь «сшить» время? — в его голосе не было насмешки, только суровое понимание сложности задачи. — Для этого придётся вытащить артефакт там, внизу. Прямо под корнем Бездны. Это привлечёт всё Искажение, что затаилось в камнях башни.

— Придётся, — твёрдо кивнула Ила. — Ты будешь моими глазами, Мастер, а я.. я попробую вернуть этому месту его завтрашний день.

Даймон коротко кивнул, и в этом жесте было больше уважения, чем во всех его прежних наставлениях. Он первым нырнул в тесный зев водовода, и Ила последовала за ним, погружаясь в сырую, пахнущую старым железом темноту, где им предстояло дать бой самому времени.

Внутри дренажного лаза было тесно. Стены, сложенные из грубого чёрного гранита, казались ледяными на ощупь, а с низкого свода за шиворот падали крупные, пахнущие ржавчиной капли. Даймон шёл впереди, почти сложившись вдвое, и его дыхание в этой каменной кишке звучало как работа кузнечных мехов.

— Мы прямо под порогом, — его голос, отражённый камнем, приобрёл металлический оттенок. — Свинцовая Печать на моей груди сейчас вибрирует так, что, кажется, разорвётся от крика этого места. Доставай артефакт, Ила. Здесь корень.

Ила опустилась на колени в липкую холодную жижу, устилавшую дно желоба. Дрожащими пальцами она потянула за шнурки кожаного кисета. Слеза внутри не просто грела — она требовала свободы, узнавая излом реальности, который десять дней назад породил её саму. В ту же секунду, как девушка извлекла сферу, подземелье залило яростным, нестерпимым золотом. Камень в её ладонях не просто светился — он пел, и этот тонкий звон ввинчивался в самый мозг, заглушая диссонанс Бездны.

— Смотри на свод! — выкрикнул Даймон, обнажая Звёздный Клинок, который в ослепительном сиянии стал похож на ледяной осколок.

Прямо над их головами, в кладке, зияла рваная трещина, из которой сочилось фиолетовое облако. Но стоило чистому свету артефакта коснуться этого разлома, как реальность вокруг них начала истончаться, становясь прозрачной, словно слюда под пламенем свечи.

Стены водовода исчезли. Вместо них Ила увидела залитый солнцем сосновый бор у Каменной пади — то самое место, где неделю назад она правила повозкой.

— Мастер, глядите... — прошептала она, не в силах отвести глаз.

Там, по ту сторону «петли», время замерло в своей самой страшной и прекрасной точке. Ила увидела саму себя — испуганную девчонку в серой шерстяной накидке, сжимающую вожжи. Она увидела Мику, который, притаившись в телеге, указывал пальцем на стаю кружащих ворон.

А в самом центре этого видения, на выжженной дочерна земле, лежал человек. Даймон в изорванной вороной броне, залитый собственной кровью, медленно поднимал голову, устремляя взгляд холодного штормового неба прямо на них — на тех, кто смотрел на него из будущего.

— Это я.. — выдохнул Даймон, стоящий рядом с Илой в водоводе. Его меч дрогнул. — Тот миг, когда я коснулся рукояти и сизое облако втянулось внутрь металла...

Ила видела, как в том, прошлом мире, её «двойник» спрыгивает в траву и тянется к раненому воину. Но её внимание привлекло иное. Там, в примятом окровавленном мху, наполовину скрытая сорванным куском хитина Грохотуна, лежала небольшая сфера. Она была из мутного тёплого стекла, и внутри неё медленно вращался иссиня-чёрный вихрь.

Мика в видении закричал: «Ила, стой! Гляди, там... блеснуло!».

— Это Слеза... — прошептала Ила в темноте подземелья, чувствуя, как артефакт в её руках начинает вибрировать с неистовой силой, стремясь воссоединиться со своим прошлым «я». — Мы должны закрыть это, Мастер. Сейчас! Пока мы не провалились в это воспоминание навсегда!

Даймон резко вскинул свой клинок, перекрывая лазурным блеском золотое сияние сферы.

— Шей, Ила! — рявкнул он, и его голос вернул её в сырую реальность. — Тяни нить! Возвращай этому месту его право на завтра!

Ила зажмурилась, вкладывая в посох не только волю, но и всё то тепло, что хранила в себе с самого детства. Слеза Странника в намерении отозвалась оглушительным, кристально чистым звоном, который перекрыл гул Бездны. Золотой луч, прямой и острый, как игла, вонзился в фиолетовую трещину на своде водовода.

Мир вокруг содрогнулся. Видение соснового бора у Каменной пади начало сворачиваться, точно брошенный в костёр пергамент. Окровавленный двойник Даймона, тянущаяся к нему прошлая Ила и кричащий Мика — всё это подёрнулось рябью и начал стремительно удаляться, превращаясь в крошечную светящуюся точку.

— Шей! — голос Даймона сорвался на рык, когда он всем телом навалился на невидимую преграду, не давая теням из петли прорваться в их реальность.

Ила почувствовала, как через её руки проходит поток колоссальной силы. Она не просто закрывала дыру — она буквально сшивала два края разорванного времени. Золотые нити света потянулись от посоха к камням, переплетаясь с фиолетовыми искрами и принуждая их гаснуть.

В этот миг наверху, на поверхности Десятой заставы, произошло то, чего лес ждал долгих десять дней.

Хрустальные капли дождя, застывшие у порога башни, внезапно потяжелели. Безмолвная петля, державшая их в плену, лопнула с сухим, костяным треском. Тысячи водяных бусинок одновременно обрушились на камни, разбиваясь в пыль. Пожелтевшие листья, замершие в падении, наконец коснулись земли, гонимые первым настоящим вздохом ветра.

В водоводе воцарилась абсолютная, звенящая тишина. Золотое сияние Слезы медленно угасло, сменившись ровным, мягким светом артефакта, который вернулся в своё привычное состояние. Фиолетовое марево исчезло, оставив лишь старый, мокрый гранитный свод.

Даймон опустил Звёздный Клинок. Его плечи веско вздымались, а по лицу стекал холодный пот, смешанный с ржавой водой. Он посмотрел на Илу, которая всё ещё сжимала посох обеими руками, прерывисто дыша.

— Всё, — глухо произнёс он, и в его голосе впервые за всё время пути послышалось нечто похожее на облегчение. — Петля лопнула. Мы вернули этому месту его завтра.

Ила медленно опустила посох. Золотое сияние Слезы внутри древка затухало неохотно, оставляя на стенах водовода дрожащие блики, похожие на солнечных зайчиков в мутной воде. Руки девушки мелко дрожали, а в ушах всё ещё стоял тот хрустальный звон разбитого времени.

— Мы спасли их, Мастер?.. — её голос сорвался, едва слышный в воцарившейся тишине подземелья. Она всё ещё видела перед глазами того, другого Даймона — изломанного, окровавленного, смотрящего на неё из десятидневного «вчера».

Даймон не ответил сразу. Он стоял, опершись рукой о влажную стену, и смотрел на то место, где только что зияла трещина. Его Звёздный Клинок медленно возвращался в ножны, и этот сухой металлический щелчок прозвучал в тишине как окончательный приговор прошлому.

— Мы вернули долг, Ила, — наконец произнёс он, оборачиваясь. Его лицо, выхваченное из полумрака угасающим светом артефакта, казалось высеченным из того же серого гранита, что и своды заставы. — Я не знаю, можно ли спасти тех, кто уже стал частью истории. Но мы убрали камень с дороги, о который споткнулись бы другие.

Он подошёл ближе, и Ила увидела, как на его ладонях, затянутых в кожу перчаток, выступила испарина. Свинцовая Печать на груди Мастера больше не гудела — она замолчала, словно насытившись энергией закрытого Разлома.

— Идём, — он указал на выход из желоба, где сквозь переплетение ветвей пробивался настоящий, не искажённый магией свет угасающего дня. — Внизу нам больше делать нечего. Воздух здесь становится спёртым.

Они выбрались из водовода молча. Когда Ила наконец выпрямилась во весь рост, жадно вдыхая прохладный воздух, пахнувший мокрой хвоей и озоном, она не узнала Десятую заставу.

Дымка исчезла. Башня, которая казалась дрожащим видением, теперь стояла прочно и приземисто — просто старый, заброшенный форпост, поросший обычным зелёным мхом. Капли дождя больше не висели в пустоте; они мирно стекали по камням, собираясь в лужицы между выбоинами. Ветер, настоящий лесной ветер, лениво шевелил папоротник, сбрасывая с листьев лишнюю влагу.

Даймон подошёл к тому самому порогу, где раньше время было завязано в узел. Он поднял с земли пожелтевший лист — тот самый, что секунду назад был заложником вечности — и медленно растёр его между пальцами. Тлен остался тленом. Время снова потекло вперёд, неумолимо и правильно.

— Мастер, глядите... — Ила указала на основание башни.

Там, где чёрные лозы Искажения раньше пульсировали подземным ритмом, теперь лежала лишь сухая, серая труха. Без подпитки из Разлома зараза издохла мгновенно, превратившись в пыль, которую тут же начал развеивать ветер.

Даймон долго смотрел на эту пыль, а затем перевёл взгляд на Илу. В его глазах больше не было холодного безразличия «Пастуха». Там была усталость человека, который только что осознал: его путь к искуплению только начался, и ведёт его по этому пути девчонка, чью жизнь он сам едва не разрушил неделю назад.

— Ты справилась, Хранительница, — просто сказал он. — Теперь я точно знаю, почему Аглая велела мне беречь тебя больше, чем собственную голову.

Ила хотела улыбнуться, но силы окончательно покинули её. Она осела на поросший мхом валун, чувствуя, как на плечи давит пудовая тяжесть изнеможения.

— Значит, теперь... к великой реке? — спросила она, глядя на то, как сумерки начинают заливать низину.

— Теперь — привал, — отрезал Даймон, оглядывая очищенную площадку перед башней. — Это место теперь самое безопасное в лесу. Тени ушли, а Искажение не вернётся сюда ещё долго. Нам обоим нужно переварить то, что мы увидели в «окне».

Даймон первым переступил порог очищенной башни. Внутри пахло старой пылью и сухим камнем — живыми, земными запахами, окончательно вытеснившими приторную сладость Искажения. Он указал Иле на обломок крепкой дубовой скамьи, уцелевший в углу залы, а сам расположился напротив, на груде обвалившейся кладки.

Полуденное солнце, пробиваясь сквозь узкие бойницы и прорехи в своде, чертило на полу чёткие золотистые полосы. В их свете медленно кружились обычные пылинки, и это зрелище казалось Иле самым прекрасным из всего, что она видел за последние дни. Она опустилась на дерево, чувствуя, как мелко дрожат пальцы, всё ещё сжимающие посох. Слеза в намершии теперь мерцала едва заметным, умиротворённым светом, словно засыпая после изнурительной охоты.

— Мастер, — тихо начала она, глядя на то, как солнечный луч медленно ползёт по выщербленным плитам. — Те капли дождя, что висели в воздухе... Как время может просто споткнуться?

Даймон не шелохнулся, его взгляд был прикован к солнечному пятну у ног девушки. В этой тишине, нарушаемой лишь щебетом какой-то смелой птицы снаружи, его голос прозвучал удивительно спокойно.

— Время не останавливается, Ила. Оно просто запутывается, как нить на веретене, — он поднял руку и указал на светлую полосу на полу. — Представь, что реальность — это река.

Течение всегда идёт в одну сторону. Но если в русло бросить огромный валун — такой, как тот выброс энергии десять дней назад — вода начинает кружить на месте. Образуется омут. В нём плавают те же щепки, те же листья, они крутятся по кругу, думая, что всё ещё плывут вперёд. Но на самом деле они заперты в одной секунде.

Он замолчал, и Ила увидела, как на мгновение расслабились его плечи под серым плащом.

— Когда ты направила свет артефакта в ту трещину под фундаментом, ты не просто «сшила» края. Ты разрушила этот валун силой своей воли. Ты дала воде снова течь прямо. Именно поэтому дождь у порога наконец упал. Для тех капель прошла всего секунда, а для мира — десять долгих дней.

Ила заворожённо слушала. Мир магии, который раньше казался ей набором туманных бабушкиных сказок, обретал суровую, почти осязаемую логику.

— Ты должна понимать структуру того, с чем работаешь, — Даймон подася вперёд, и его взгляд стал наставническим. — Хранительница не просто носит камень. Ты — камертон. Ты чувствуешь, где реальность начинает «фальшивить», где звук мира становится дребезжащим. Моя Свинцовая Печать ловит эти вибрации через резонанс доспеха, но ты чувствуешь их самой сутью.

Он протянул руку и коснулся шероховатой коры её посоха.

— В следующий раз, когда почувешь внезапный холод или ту самую мёртвую тишину, не жди моего слова. Прислушайся к тому, как ведёт себя артефакт. Если он тяжелеет — значит, «вода» впереди начинает кружить. Это верный знак, что Грань истончена, и Искажение уже пробует её на вкус.

Ила коснулась ладонью тёплого дерева. Она чувствовала, как наставления Мастера ложатся в её сознании рядом с заговорами бабки Марты, сплавляясь в единое целое.

— А та сфера в видении... — она запнулась, вспоминая мутный серый шар в окровавленном мху рядом с раненым воином. — Почему она выглядела такой... пустой? Совсем не такой, как сейчас?

— Потому что в тот миг она была лишь сосудом, лишённым якоря, — Даймон качнул головой. — Она впитывала в себя «эхо» моего неудачного удара и искала того, кто сможет её наполнить. Мы с тобой — два конца одной нити, Ила. И здесь, на Десятой заставе, эта нить наконец затянулась в узел, который нам ещё только предстоит распутать у великой реки.

Ила молча кивнула, переваривая услышанное. Она бережно убрала Слезу обратно в кожаный мешочек, чувствуя, как артефакт, исполнив свой долг, стал прохладным и увесистым. Золотистое сияние окончательно погасло, уступив место обычному свету погожего дня, который теперь беспрепятственно заливал залу башни.

— Пора, — Даймон поднялся, легко вскинув на плечо походную сумку. — Солнце миновало зенит, а нам ещё нужно преодолеть лесной излом, прежде чем мы увидим реку.

Они вышли на площадку перед заставой. Теперь, когда магическая петля была разорвана, камни под ногами ощущались твёрдыми и надёжными. Дождь, застрявший в вечности, впитался в почву, оставив после себя лишь свежесть и блеск мокрой травы. Даймон бросил прощальный взгляд на приземистую громаду башни. Больше она не «фонил» Бездной — это было просто старое, мёртвое строение, памятник эпохе, которая медленно уходила в небытие.

— Идём строго на юг, — скомандовал он, указывая на едва заметную просеку между двух исполинских елей. — Аглая говорила, что за Вербным логом лес редееет. Там начинаются каменистые гряды, ведущие к пойме Урсулы. Если не сбавим шаг, к вечеру выйдем к Старому Остелю.

Тропа, по которой он повёл Илу, была одной из тех самых «волчьих лаз», о которых Даймон вспомнил утром. Она не петляла, как звериные тропы, а шла прямо, прорезая чащу,

словно шрам от старого меча. Здесь не было бурелома — деревья по сторонам лаза росли ровно, их стволы были чисты от пепельного налёта Искращения.

Ила шла следом, стараясь подстраиваться под широкий, размеренный шаг Мастера. Она видела, как он то и дело бросает взгляд на межевые камни, скрытые во мху, — на каждом из них она теперь безошибочно узнавала выбитый ромб Ордена. Эти знаки служили Даймону невидимыми вехами, восстанавливая карту мира в его израненной памяти.

Спустя два часа пути лес действительно начал меняться. Вековые ели сменились редким березняком и низким кустарником, а под ногами всё чаще стала попадаться серая крошка сланца. Воздух стал иным — в нём больше не было застоявшейся магической гари, зато появился резкий, бодрящий запах большой воды и речного ила.

— Слышишь? — Даймон остановился на вершине небольшого каменистого гребня.

Ила замерла, прислушиваясь. Сквозь шелест листвы пробивался низкий, утробный гул, похожий на дыхание огромного зверя. Это был звук миллионов тонн воды, перекатывающейся через пороги.

— Великая река, — прошептала она, чувствуя, как сердце забилось чаще.

— Урсула, — поправил её Даймон. Он стянул с головы капюшон, позволяя ветру взъерошить волосы. — Граница Северного Края. Там, на том берегу, закон Союза Пяти Мечей уже не имеет такой силы, как в Посаде. Но зато там властвуют тени, которые помнят Первопуток.

Он указал вперёд. Там, где лес окончательно обрывался, над зеркальной гладью реки возвышался Старый Остель. Громада цитадели, выстроенная из тёмного камня на отвесной скале, казалась естественным продолжением горного хребта. Её шпили, покрытые ржавчиной веков, вонзались в небо, а магические маяки на вершинах башен сейчас были мертвы, ожидая заката.

Даймон медленно опустил руку, но его взгляд остался прикованным к далёким шпилям. Ветер, дующий со стороны реки, принёс с собой запах соли, мокрого камня и застарелой гари — Остель жил войной и торговлей, не зная покоя даже в самые ясные дни.

— Нам нужно попасть туда до того, как закроют речные ворота, — Даймон начал спуск по каменистому склону, выбирая путь среди обломков скал. — Ила, спрячь посох под плащ. В Остеле не любят Странников, считая нас разносчиками скверны. Но ещё больше там боятся непонятной магии. Если стража увидит Слезу или почует силу твоего посоха, нас закроют в карантинных казематах до тех пор, пока мы не сгниём. Мы должны войти туда как обычные путники, ищущие переправы.

Ила послушно перехватила посох, пряча его под широкой полрой своего нового плаща, подаренного кузнецом Марком. Она чувствовала, как Слеза в кожаном мешочке у её сердца стала прохладной, словно артефакт сам старался не привлекать лишнего внимания к их маленькому отряду.

Спуск к подножию скалы, на которой высился Остель, занял меньше часа, но по мере приближения цитадель становилась всё более пугающей. Стены из тёмного гранита, испещрённые выбоинами от старых осад, нависали над путниками, закрывая собой полнеба. Река Урсула внизу ревела, разбиваясь в белую пену о прочные быки моста, который был единственной нитью, связывающей этот берег с крепостью.

— Не смотри стражникам в глаза, — вполголоса наставлял Даймон, когда они вышли на мощёную дорогу, ведущую к воротам. — Говорить буду я. Для них ты — моя немая племянница, которую я везу к родственникам на тот берег. Помни: в Остеле слова стоят дорого, а молчание — ещё дороже.

Впереди показался первый блокпост. Гвардейцы в плотных кирасах с гербом графа Вальмонта — скрещёнными алебардами на фоне речной волны — лениво осматривали редких путников. В воздухе витал запах канифоли и свежего дёгтя: на верфях у подножия крепости кипела работа.

Даймон поправил капюшон своего серого плаща, подаренного Еленой; ткань привычно потяжелела, активируя свои защитные свойства и скрадывая под обычным дорожным сукном обсидиановые пластины Живого доспеха. Сделав шаг навстречу страже, он на мгновение оглянулся назад, на тёмный провал, из которого они только что вышли.

Вербный лог остался позади — сырая, пахнущая мхом низина, ставшая последним рубежом дикого леса, была окончательно пройдена. Тени гигантских чёрных верб больше не тянулись к ним, а магический туман лога рассеялся, разбившись о холодный речной ветер Урсулы. Путь через чащу был завершён, и цена этого перехода — закрытая петля времени и возвращённая память — теперь навсегда легла в основу их общего долгого пути.

Глава их лесного похода подошла к концу. Впереди, за грохочущей переправой, возвышался Старый Остель, и его ржавые ворота уже начали медленно, с натужным скрипом, опускаться, отсекая последних путников от безопасности каменных стен.

Даймон ускорил шаг, не оборачиваясь, но Ила чувствовала его нарастающее напряжение. Металл Свинцовой Печати под его плащом едва заметно запел, ловя низкочастотный гул опускающейся решётки. Это не был звук Искажения, но в нём была своя, человеческая угроза — холодная и неотвратимая.

— Быстрее, — бросил он через плечо. — Если ворота встанут в пазы, нам придётся ночевать под стенами скал, а берег Урсулы после заката — не то место, где стоит испытывать судьбу.

Они почти бежали по узкому каменному карнизу, вырубленному в скале. Справа нависала громада Остеля, слева ревела река, обдавая путников ледяными брызгами. Ила прижала посох к боку, стараясь, чтобы его древко не стучало по камням. Каждый её вдох был пропитан солью и запахом старого железа.

Когда до ворот оставалось не более тридцати шагов, массивная кованая решётка — герса — со страшным скрежетом замерла, оставив до земли просвет всего в два человеческих роста. Из караульного помещения, встроенного прямо в толщу стены, вышли двое. На них были плотные кожаные доспехи с эмблемой графа Вальмонта и длинные алебарды, которые они тут же скрестили, перекрывая путь.

— Стоять, — рявкнул один из них, широкоплечий детина с лицом, иссечённым мелкой каменной крошкой. — Солнце коснулось зубцов. Приём окончен. Убирайтесь в низовья, к рыбацким хижинам.

Даймон остановился, и Ила увидела, как он медленно выдохнул. Под плащом Елены его фигура стала казаться незначительной, серой и сутулой — грозный мастер меча исчез, уступив место измотанному дорогой бродяге. Он не стал спорить или просить милости. Вместо этого его рука в перчатке нырнула в кошель, и между пальцами тускло блеснули две серебряные «искры» — монеты Союза, которые в предзакатных сумерках притягивали взгляд стражи лучше любого магического артефакта.

— Путь через Вербный лог был долгим, почтённый, — голос Даймона прозвучал надтреснуто, с хрипотцой. — Племянница моя совсем сбила ноги о сланец. Нам бы только крышу над головой да кружку горячего сбитня.

Он сделал шаг вперёд, и монеты словно сами собой перекочевали в широкую ладонь стражника. Тот коротко глянул на серебро, прикусил край одной из «искр» и, удовлетворённо хмыкнув, кивнул напарнику. Алебарды со звоном разошлись, освобождая узкий проход.

— Проходи, ветеран, — буркнул гвардеец, пряча деньги в складках широкого пояса. — Спускайтесь в Сырой Подол, к самым причалам. В «Рыбацкой заводи» ещё принимают на ночлег таких, как вы. Но заруби себе на носу: после второго колокола в Остеле комендантский час. Если патруль застукает вас на улице — церемониться не станут. У нас тут военный порядок, а не ярмарка.

Даймон коротко кивнул, не поднимая глаз, и осторожно подтолкнул Илу вперёд. Они пересекли черту тени под массивной решёткой и вошли в гулкий каменный туннель, прорубленный в самой скале. Звук их шагов здесь стал сухим и звонким, многократно отражаясь от сводов, пропитанных сыростью великой реки. Ила невольно пригнула голову, чувствуя, как над ней смыкаются тысячи тонн древнего гранита, хранящего холод многих столетий. За их спинами раздался финальный, натужный скрежет — герса встала в пазы, окончательно отсекая их от дикого леса.

Даймон не замедлил шага, его рука всё ещё лежала на плече Илы, направляя её вперёд сквозь гулкую тьму туннеля. Когда своды скалы наконец расступились, на героев дохнуло удушливым, влажным воздухом, в котором смешались запахи дёгтя, жареной рыбы и конского навоза.

Они вышли в Сырой Подол. Пейзаж здесь разительно отличался от светлого Вербного Посада. Дома, сложенные из грубого тёмного камня, лепились друг к другу, точно кости в старом скелете, оставляя лишь узкие, извилистые щели улиц. Вместо мостовых здесь был мокрый, отполированный тысячами подошв булыжник, по которому вечно стекала речная влага. Над головами путников, на уровне вторых этажей, тянулись бесконечные верёвки с рыболовными сетями, похожие на паутину гигантских пауков.

— Смотри под ноги и не оглядывайся, — негромко бросил Даймон.

Они миновали кузницу, где молот бил по наковальне с тяжким, нездоровым звоном, и прошли мимо открытой лавки мясника, где на крюках раскачивались туши речных сомов. Прохожие — в основном хмурые матросы в промасленных куртках и грузчики с верфей — провожали их подозрительными взглядами, но плащ Елены делал своё дело: фигуры Даймона и Илы казались лишь серыми тенями в наступающих сумерках, не заслуживающими долгого внимания.

В конце улицы, почти у самой кромки воды, где Урсула с рёвом билась о гранитную набережную, показалось двухэтажное здание с перекошенным крыльцом. Над дверью на ржавой цепи покачивалась вывеска: облезлый деревянный окунь, заглотивший ржавый крюк.

Это была «Рыбацкая заводь» — постоянный двор самого низкого пошиба, который в этих краях заменял путникам и приют, и убежище. Здесь не спрашивали имён, лишь бы в кошельке звенело серебро, а в глазах не было лишнего любопытства.

Даймон толкнул мощную, обитую железом дверь. В лицо им ударил густой смрад дешёвого эля, табачного дыма и немытых тел. Внутри было полутемно; единственным источником света служил закопчённый очаг, в котором тлели сырые дрова.

Даймон повёл Илу через задымлённый зал к стойке, вырубленной из цельного куска морёного дуба. За ней возвышался трактирщик — крупный мужчина с лицом цвета сырой говядины. Он небрежно протирал оловянную кружку, не удостоив вошедших даже взглядом.

— Комнату. Подальше от лестницы, — Даймон положил на стойку серебряную «искру».

Трактирщик медленно накрыл монету ладонью, взвешивая её ценность, но не успел он выдать ключ, как из-за крайнего стола, где сидела компания в промасленных куртках, раздался издевательский свист. Один из них — плечистый громила с гнилыми зубами и сальным взглядом — вальяжно откинулся на спинку стула, обводя Илу маслянистым взором.

— Эй, ветеран! — гаркнул он, и в зале стало тише. — Не жирно ли тебе одному такую молодую девку на ночь снимать? Слишком хороша она для твоих старых костей.

По залу прокатился глумливый смешок. Ободрённый поддержкой, громила поднялся, вытирая рот рукавом, и сделал шаг к Иле.

— Ты бы поделился с нами прелестями этой молоденькой шлюшки, старик, — он оскаллился, и в его глазах блеснула похоть. — Мы в Остеле народ гостеприимный. Давай, не жадничай, встанем в очередь, а тебе, так и быть, плеснём лишнюю кружку за беспокойство.

Даймон даже не потянулся к мечу. Его движение было коротким и страшным в своей будничности. Первый удар — кованым сапогом в колено — заставил громилу взвыть и рухнуть на грязные доски пола. Второй, наотмашь, пришёлся точно в челюсть, обрывая гнусную фразу на полуслове и выбивая вместе с кровью пару жёлтых зубов.

Громила повалился навзничь, опрокидывая скамью, но Даймон не дал ему и шанса прийти в себя. Странник шагнул вперёд и с хлестким, костяным хрустом придавил сапогом пах обидчика.

Зал захлебнулся собственным хохотом. Наступила мёртвая, звенящая тишина, в которой был слышен лишь тонкий, похожий на писк раздавленной крысы, стон поверженного. Его приятели, уже наполовину поднявшиеся из-за стола с зажатыми в руках ножами, замерли. Взгляд Даймона, холодный и пустой, скользнул по их лицам, и охотничий азарт в глазах сброда мгновенно сменился животным страхом.

— Ещё одно слово о ней, — голос Даймона был тихим, но он прорезал гул таверны лучше крика, — и я заставлю тебя сожрать собственный язык. Племянница моя — не для ваших грязных ртов. И если кто-то из вас решит встать в очередь, он встанет в неё на кладбище за стенами Остеля. Понятно?

Он чуть сильнее надавил на сапог, и громила под ним судорожно забился, царапая ногтями мокрый булыжник пола. Дружки его попятились, пряча глаза и медленно опускаясь обратно на свои места. Даймон убрал ногу и, не оборачиваясь к затихшему залу, снова посмотрел на трактирщика.

Тот, невозмутимо спрятав серебряную «искру» в складках жира на животе, швырнул увесистый медный ключ на стойку.

— Пятая дверь по правой стороне, — буркнул хозяин, словно ничего не произошло. — И уберите это мясо с прохода, пока я не вычел его зубы из стоимости выпивки.

Даймон подхватил ключ и, подтолкнув притихшую Илу, направился к скрипучей лестнице. Желание «пошалить» у местных пропало окончательно, уступив место липкому пониманию того, что под серым плащом ветерана скрывается некто куда более опасный, чем обычный бродяга.

Тяжелый медный ключ с натужным скрежетом провернулся в замке, отозвавшись в зубах Илы противной свербящей дрожью. Даймон толкнул дверь плечом, пропуская девушку вперёд, и тут же задвинул прочный железный засов, отсекая их от смрада и липких взглядов общего зала.

Вопреки мрачным ожиданиям и скудному виду самой таверны, помещение оказалось неожиданно просторным. Высокий, уходящий в затаённую тень потолок поддерживали крепкие балки из чёрного морёного дуба, а серые каменные стены, хоть и хранили прохладу реки, не давили на плечи. В центре одной из стен высился монументальный камин, сложенный из крупных речных валунов. Прямо перед его зевом, словно страж, стояло солидное кресло с высокой спинкой, чьи подлокотники венчали резные звериные головы.

Напротив холодного очага располагалось единственное ложе — массивная кровать, чьё тёмное изголовье было украшено грубой резьбой. Она прочно покоилась на толстых лапах, напоминающих когти неведомого зверя, мёртвой хваткой вцепившиеся в неровные плиты пола. Рядом примостился трёхногий табурет, иссечённый глубокими бороздами, а в глубине покоев, за широким каменным выступом, скрывался отдельный закуток для умывания с медным тазом и большим кувшином.

Даймон помедлил, глядя на тёмный зев очага, а затем решительно качнул головой.

— Впрочем, к чёрту сумерки, — глухо произнёс он. — В этом Сыром Подоле холод пробирает до самых костей быстрее, чем любая Инквизиция. Нам обоим нужно согреться.

Он сбросил с плеча плотную дорожную сумку, бережно собранную Аглаей, и, запустив руку в её недра, выудил обмотанный мягкой кожей свёрток. Внутри, среди алхимических скля-

нок и запасных ремней, покоилось надёжное стальное кресало и кремёнь. Спустя минуту в глубине валунов зародилось робкое рыжее пламя. Оно жадно вгрызлось в кору припасённых поленьев, и вскоре по просторной комнате поплыло живое, сухое тепло, оттесняя речную сырость в самые дальние углы. Блики огня заплясали на резных лапах кровати и заставили звериные головы на подлокотниках кресла зловеще, но уютно сощуриться.

Ила с благодарностью протянула озябшие ладони к огню. В свете камина суровый гранит стен приобрёл мягкий янтарный оттенок, а яростный рёв Урсулы за единственным окном-бойницей перестал казаться таким угрожающим.

— Располагайся, — Даймон указал на массивное ложе, а сам медленно опустился в глубокое кресло. — Я посижу здесь. В таком зале огонь — не только знак для врагов, но и граница, за которую не решится заглянуть ни одна тень из тех, что мы оставили за стенами.

Ила медленно опустилась на жёсткую рогожу, не снимая плаща. В этот момент в дверь комнаты тихо, но настойчиво постучали. Даймон мгновенно подобрался в кресле, и его рука, словно сама собой, легла на рукоять меча, прислонённого к подлокотнику.

— Кто там? — голос Мастера прозвучал сухо и резко.

— Это Лиза, дочка хозяина, — донёсся из-за двери тонкий девичий голос. — Я воду принесла, тёплую. Отец велел спросить, не желаете ли отужинать в комнате.

Даймон коротко глянул на Илу и, убедившись, что та плотно запахнула плащ, скрывая артефакт, отодвинул засов. На пороге стояла невысокая девушка в чистом переднике, удерживая увесистое дымящееся ведро.

— Поставь у закутка, — распорядился Даймон, пропуская её внутрь. — И принеси ещё одно такое же. Племяннице нужно смыть дорожную пыль.

— Будет сделано, милсдарь, — Лиза осторожно прошла к нише для умывания. — А по еде как? У нас сегодня свежий запечённый сиг и ячменные лепёшки с козым сыром. Есть ещё горячий сбитень на травах.

— Неси рыбу и лепёшки. И сбитня, побольше, — Даймон вложил ей в руку пару мелких медных монет. — Только не задерживайся. Мы устали.

Девушка присела в коротком поклоне и исчезла за дверью, вскоре вернувшись со вторым ведром и подносом, от которого исходил умопомрачительный аромат пряностей и жареного речного мяса. Как только за ней снова щёлкнул засов, Даймон кивнул в сторону закутка.

— Иди, Ила. Приведи себя в порядок, пока вода не остыла. Я присмотрю за дверью.

Ила поднялась с кровати, чувствуя, как всё тело ломит от усталости. Взяв чистый отрез льна, оставленный Лизой, она скрылась за каменным выступом. Журчание тёплой воды в медном тазу и пар, поднимающийся от вёдер, принесли первое за день облегчение. Смывая с лица пот и серую пыль Вербного лога, она слушала, как Даймон в основном зале комнаты негромко переставляет посуду, и в этом домашнем шуме было что-то глубоко правильное, чего им обоим так не хватало на проклятых лесных тропах.

Даймон работал аккуратно и бесшумно. Он расчистил место на столе, расставил кружки с горячим сбитнем и разломил запечённого сига, от которого шёл густой, аппетитный пар. Когда Ила, посвежевшая и раскрасневшаяся от горячей воды, вышла из-за выступа, стол был уже накрыт. Мастер молча кивнул ей на еду и, дождавшись своей очереди, сам отправился в закуток, чтобы смыть с себя дорожную копоть и тяжесть прожитого дня.

Даймон вышел из ниши, на ходу осушая лицо и шею куском грубой холстины. Лишившись угольно-черных пластин Живого доспеха, что теперь дремали на краю ложа, и скинув тяжесть дорожного плаща, Странник утратил былую массивность. Но в одной лишь тугой тёмной коже, облежавшей его торс подобно чешуе, он казался ещё опаснее: каминное пламя жадно облизывало каждый бугор натренированных мышц, а старые шрамы на предплечьях проступали мертвенно-белым узором в неверных отблесках огня.

Конец 7 главы.

Глава 8. Поступь «Старой выдры»

Ила проснулась от тишины. После яростного рёва Урсулы, который всю ночь бился в окно-бойницу, утреннее безмолвие казалось почти осязаемым. Она открыла глаза и уставилась в высокий потолок, где в глубоких тенях прятались массивные балки из чёрного дуба. Тело больше не болело — горячая вода и густой травяной сбитень, принесённый Лизой, сделали своё дело, погрузив её в глубокий, спокойный сон без сновидений.

Она осторожно повернула голову на подушке. Комната в «Рыбацкой заводи» тонула в сером предрассветном сумраке. Огонь в камине давно прогорел, оставив после себя лишь гору седой золы и едва уловимый запах остывающего камня.

Даймон был там же, где она видела его в последний раз перед тем, как закрыть глаза. Он сидел в увесистом кресле напротив камина, откинув голову на высокую спинку. В этом полумраке резные звериные головы на подлокотниках казались живыми, словно они тоже несли стражу. Его руки, лишённые перчаток, неподвижно лежали на коленях, а рядом, прислонённый к креслу, тускло мерцал обнажённый Звёздный Клинок.

Взгляд Илы скользнул к изножью своей кровати. Там аккуратной стопкой лежали пластины Живого доспеха. Без хозяина обсидиановый панцирь казался мёртвым — просто куски холодного чёрного камня, лишённые своего внутреннего движения. Но Ила знала: стоит Даймону коснуться их, и свинцовый страж снова оживёт, откликаясь на волю Мастера.

Девочка медленно села на кровати, стараясь, чтобы жёсткая рогожа не закрипела. Первым делом она коснулась груди — заговорённый мешочек был на месте. Слеза Странника внутри была прохладной и плотной, словно артефакт тоже отдыхал после вчерашнего «сшивания» времени на заставе.

— Ты вовремя, — голос Даймона был низким и совершенно бодрым, хотя он даже не пошевелился. — Туман в Подоле начал редеть.

Он открыл глаза и медленно выпрямился в кресле. Ила увидела, как он привычно потянулся к мечу. В его движениях не было ни капли утренней вялости — Странник был готов к бою в ту же секунду, как разомкнул веки.

В тишину комнаты вплёлся осторожный, едва слышный стук в дубовую дверь. Даймон среагировал мгновенно: клинок в его руке не издал ни звука, но кончик меча замер точно напротив дверного засова. Ила инстинктивно втянула голову в плечи, прижимая ладонь к заговорённому мешочку на шее.

— Кто? — коротко бросил Даймон, не сводя глаз с порога.

— Это Лиза, милсдарь, — донёсся приглушённый голос служанки. — Вещи ваши принесли... Просохли они у очага.

Мастер жестом приказал Иле оставаться на кровати, а сам, не убирая меча, отодвинул мощный железный засов. На пороге стояла дочка трактирщика. В руках она бережно держала стопку одежды, от которой пахло речной свежестью и сухим жаром печи.

— Вот, — она протянула вещи, стараясь не смотреть на обнажённую сталь в руках гостя. — Отец велел передать: на пристанях сегодня суета, судов нагнали больше обычного. Досмотры долгие, списки проверяют.

Даймон принял вещи и коротко кивнул. Лишняя суета в порту была им не на руку, но и не была чем-то необычным для такого крупного узла, как Старый Остель.

— Спасибо, Лиза. Твоему отцу скажи — мы скоро спустимся.

Как только дверь снова закрылась и засов со знакомым лязгом встал на место, Даймон бросил часть вещей на кровать к Иле. Это были её собственные рубаха и накидка, из которых наконец-то выстирали кровь и грязь Вербного лога.

— Надевай своё, — скомандовал он. — В чистом ты меньше похожа на лесную бродяжку. Нам нужно смешаться с толпой, а не выглядеть как те, кто только что вылез из болота.

Ила быстро переоделась. Знакомая ткань рубахи, ещё хранившая тепло печи, приятно облегла тело. Она проверила заговорённый мешочек — он был надёжно спрятан под воротником, не выдавая присутствия артефакта ни единым бугром.

Даймон в это время начал облачаться. Ила наблюдала, как он берёт с изножья кровати пластины обсидианового панциря. Как только его пальцы коснулись доспеха, камень словно ожил. Чёрные чешуйки пришли в движение, мягко наползая друг на друга и подстраиваясь под рельеф мышц Мастера прямо поверх его тёмного кожаного поддоспешника.

Даймон привычным, отточенным за годы жестом закинул перевязь за спину. Веские ножны с тихим стуком легли на панцирь. Рукоять Звёздного Клинка теперь возвышалась над его правым плечом — так, чтобы её можно было выхватить одним слитным движением, не глядя. Затем он набросил плащ Елены. Внешне ничего не изменилось, но Ила кожей почувствовала, как внимание в комнате словно соскользнуло с фигуры Странника, делая его присутствие незначительным и пустым.

Ила тоже накинула свой дорожный плащ, поправляя капюшон.

— Посох, — напомнил Даймон, протягивая ей кусок грубой мешковины. — Обмотай наверх. В порту лишнее любопытство к дереву нам ни к чему.

Ила послушно спрятала Посох Хранителя в ткань, превращая его в обычную суковатую палку. Даймон проверил, легко ли выходит из ножен меч за спиной, и коротко кивнул на дверь.

— Идём. Пока Подол не проснулся окончательно, нам нужно успеть к причалам.

Даймон первым вышел в коридор, и Ила последовала за ним, стараясь ступать так же бесшумно. Лестница «Рыбацкой заводи» отозвалась лишь едва слышным, сухим поскрипыванием под их весом.

В общем зале было сумрачно и пахло свежесвеженным подовым хлебом. Хозяин таверны стоял за стойкой, сосредоточенно пересчитывая медные жетоны в солидной деревянной кассе, а Лиза расставляла миски на соседнем столе. Увидев спускающихся гостей, трактирщик на мгновение замер, провожая их привычным, оценивающим взглядом опытного хозяина, который повидал на своём веку сотни таких угрюмых путников.

Даймон неспешно подошёл к стойке. Ила осталась чуть позади, опираясь на обмотанный мешковиной посох и стараясь казаться лишь невзрачной тенью своего спутника. Мастер положил ладонь на изрезанную ножами столешницу, и под его пальцами тускло блеснули две монеты.

— За гостеприимство, — негромко произнёс Даймон. Его голос был лишён угрозы, но в нём чувствовалась крепость, заставившая хозяина мгновенно подобраться. — И за то, что память в Подоле иногда бывает такой же короткой, как утренний туман. Нас здесь не было, ты нас не видел.

Трактирщик молча накрыл монеты широкой, мозолистой ладонью. В этом районе Остеля умение вовремя забыть лицо постояльца ценилось дорого, и он прекрасно понимал правила игры, не задавая лишних вопросов.

Затем Даймон повернулся к Лизе, которая замерла неподалёку с охапкой чистых полотенец. Он достал ещё одну монету и протянул её девушке.

— Это тебе, — добавил он. — За чистые вещи и доброе слово.

Лиза удивлённо моргнула, принимая плату, и быстро спрятала металл в складках передника. Трактирщик, уже прибравший свои две монеты, веско опёрся на стойку. Его лицо, иссечённое морщинами, как старая кора, на мгновение разгладилось, а в глазах блеснула искра понимания. Он демонстративно оглядел пустой угол зала, затем перевёл взгляд на Даймона и громко произнёс:

— Ну вот, Лиза, гляди-ка! Едва рассвело, а у нас уже новые гости с самой лестницы спустились. Прямо из тумана, почитай.

Он повернулся к Даймону, и в его взгляде теперь не было и тени узнавания — только радушие хозяина, впервые видящего путников.

— Доброго утра, почтенный! — прогудел он, едва заметно подмигнув. — Вижу, вы только с дороги, пыль ещё на плащах не осела. Я вас в глаза не видел и слыхом не слыхивал, но голодными вы от меня не уйдёте. Негоже в Подоле на пустой желудок дела вести.

Он хлопнул ладонью по столешнице, призывая дочь к порядку.

— Лиза, не стой столбом! Принеси-ка нашим «вновь прибывшим» гостям по чарке горячего сбитня и того жаркого из оленины, что мы с утра томили. На дорожку — самое оно будет.

Лиза быстро кивнула, подхватывая игру отца. Через минуту на столе, в самом тёмном и удобном углу зала, дымились две миски и стоял свежий хлеб. Даймон оценил шутку трактирщика едва заметным движением углов губ. Это была хорошая сделка: в Сыром Подоле молчание, подкреплённое сытым брюхом, стоило куда больше клятв на крови.

— Садись, — негромко бросил он Иле, поправляя перевязь меча за спиной, чтобы ножны не упирались в спинку лавки. — Ешь быстро. Урсула не любит ждать тех, кто задержался за столом.

Ила послушно опустилась на лавку, пристроив обмотанный мешковиной посох между колен. Горячий пар от жаркого приятно коснулся лица, и она впервые за это утро почувствовала, что силы по-настоящему возвращаются к ней.

Жаркое из оленины оказалось именно тем, что было нужно. Густой соус, пропитанный ароматом можжевельника, обжигал горло, а мягкое мясо возвращало силы, потраченные на заставе. Даймон ел сосредоточенно и быстро, не снимая плаща. Ила последовала его примеру: она ломала ещё тёплый хлеб, макая его в миску, и чувствовала, как живительное тепло окончательно вытесняет ночной холод.

В пустом зале «Рыбацкой заводи» стояла гулкая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в очаге да мерным шарканьем тряпки трактирщика. Хозяин больше не смотрел в их сторону, делом подтверждая купленное молчание. Лиза замерла у окна, провожая взглядом ключья тумана, бившиеся в стекло.

Когда с едой было покончено, Даймон поднялся. Он привычным жестом проверил, как сидит перевязь меча за спиной — рукоять Звёздного Клинка послушно легла под руку. Мастер коротко кивнул трактирщику. Тот лишь мазнул взглядом по пустому столу, словно там никогда никто и не сидел.

— Пусть Урсула будет к вам милостива, — тихо прошептала Лиза, когда они подошли к дверям.

Даймон ничего не ответил. Он первым толкнул массивную, обитую железом дверь и шагнул наружу.

Улица встретила их плотным, серым маревом. Сырой Подол тонул в тумане, который был настолько густым, что соседние дома казались лишь размытыми тенями. Пахло солью, гнилой древесиной и угольным дымом. Где-то со стороны цитадели Вальмонта глухо и торжественно пробил первый рассветный колокол, возвещая о начале портовых работ.

Даймон натянул капюшон глубже и уверенно зашагал в сторону набережной, мгновенно растворяясь в серой хмари. Ила, опираясь на обмотанный мешковиной посох, двинулась следом, стараясь не отставать ни на шаг.

Туман в Сыром Подоле был таким густым, что его, казалось, можно было осязать кожей — липкий, холодный, пропитанный солью и угольной гарью. Даймон шёл впереди, и его фигура в этом «плаще-невидимке» то и дело становилась незначительной, почти стираясь из памяти случайных прохожих. Ила следовала за ним тенью, стараясь не стучать обмотанным мешковиной посохом по склизким, отполированным тысячами подошв булыжникам.

Район просыпался неохотно, с натужным скрипом грузовых ворот и далёкими криками чаек. Они миновали ряд приземистых складов, чьи стены из тёмного камня поросли сизым речным мхом. Под ногами хлюпала грязная жижа, перемешанная с рыбьей чешуёй и гнилой соломой.

У поворота к набережной туман чуть расступился, обнажая двухэтажное здание с красными фонарями, которые тускло догорали над перекошенным входом. Это был местный публичный дом — «Узел русалки». Несмотря на ранний час, здесь кипела своя, специфическая жизнь.

На невысокое крыльцо, кутаясь в дешёвые накидки из облезлого меха, вышли несколько женщин. Их лица, густо набелённые и подведённые углём, в сером свете рассвета казались восковыми масками. Они лениво переругивались между собой, поправляя сбившиеся причёски и зазывая редких моряков, возвращавшихся с ночной вахты на дальних причалах.

— Эй, ветеран! — хрипло выкрикнула одна из них, завидев широкие плечи Даймона. — Куда в такую рань? Зайди, обогреем, пока туман кости не выстудил!

Даймон даже не повернул головы. Его взгляд был направлен вперёд, туда, где за пеленой проступали мачты барж. Обсидиановый панцирь под одеждой оставался холодным — эти люди не несли в себе Искжения, лишь обычную человеческую нужду и усталость. Благодаря действию его «плаща-невидимки», выкрик женщины был скорее автоматическим: её взгляд скользнул мимо Даймона, не зацепившись, и она тут же потеряла к нему интерес.

Ила, опустив голову и ниже натянув капюшон, ускорила шаг. Запах дешёвых приторных духов, смешанный с ароматом пережаренного сала из открытых дверей заведения, вызывал у неё тошноту.

Они миновали «Узел русалки» и вышли к стене старого пакгауза. Даймон резко остановился, прижимаясь к холодному камню и жестом приказывая Иле замереть. Причиной стал не магический зов и не ищейки Союза, а самый обычный городской патруль.

Сквозь плотную завесу тумана, прямо у информационного столба, проступили очертания трёх стражников в плотных стёганках с гербом Вальмонта. Один из них, судя по всему — десятник, лениво пережёвывал кусок вяленого мяса, пока двое других перегораживали проход к набережной алебардами.

— Списки, — донёсся до Даймона хриплый голос десятника. — Все, кто к причалам идёт, показывают подорожные. Указ господина графа: досматривать каждый узел, каждую телегу. Поторопись, матросик, не задерживай очередь.

Даймон почувствовал, как Ила напряглась. У них не было подорожных грамот, а любое лишнее внимание со стороны стражи сейчас могло закончиться проверкой их лиц по тем самым спискам, о которых говорила Лиза. «Плащ-невидимка» Даймона отлично отводил глаза в толпе, когда люди просто идут мимо, но он не мог заставить стражника «забыть» проверить документ, если тот стоит прямо перед тобой в узком проходе.

— Сторожевой пост, — одними губами произнёс Даймон, не оборачиваясь. — Лиза была права, досмотры сегодня серьёзные. Если сунемся к столбу — упрёмся в их железо.

Он быстро оценил обстановку. Впереди, за спинами стражников, уже слышался плеск Урсулы и скрип мачт, но путь был перекрыт. Справа тянулся глухой фасад пакгауза, а слева — та самая сточная канава, заполненная портовой грязью и остатками рыбьих потрохов.

— Нам нужно обойти их через погрузочные площадки, — прошептал он. — Там всегда суeta, тюки таскают. Если повезёт, затеряемся среди носильщиков и выйдем к воде на пару причалов дальше.

Даймон осторожно выглянул из-за угла, выжидая момент, когда стражники отвлекутся на очередного ругающегося моряка. Тот размахивал какой-то засаленной бумагой и орал на весь переулочек, что его баркас отчалит с отливом, со списком или без.

— Сейчас, — шепнул Даймон, коснувшись плеча Илы. — Иди за мной шаг в шаг. Смотри под ноги, не вздумай зацепить эти пустые корзины.

Они начали медленно отступать вглубь тени, подальше от яркого пятна фонаря у информационного столба. Даймон двигался плавно, словно вливаясь в серую мглу тумана, а его плащ помогал им оставаться лишь парой неясных пятен на фоне тёмного камня.

Они миновали вонючую сточную канаву и свернули в узкий проход, заваленный обломками вёсел и рваными сетями. Здесь туман был ещё гуще, он застаивался между высокими стенами пакгаузов, превращаясь в липкую взвесь, которая гасила любые звуки.

— Куда мы? — едва слышно спросила Ила, стараясь, чтобы обмотанный мешковиной посох не стучал по булыжникам.

— В обход, через рыбный рынок, — Даймон на мгновение остановился, прислушиваясь к далёкому лязгу алебард. — Там стража нос воротит от вони, а в толпе носильщиков мы станем просто парой лишних теней.

Чем дальше они уходили от главных причалов, тем сильнее в нос бил навязчивый, приторный запах ворвани. Рыбаки в этом районе густо смазывали ею свои куртки и сапоги, защищаясь от вечной сырости Урсулы, и этот дух пропитал здесь каждую щель в мостовой.

Они вышли к первым рядам рынка. Здесь уже всю кипела жизнь: в тумане мелькали огни масляных ламп, слышались крики зазывал и хлопанье грязи под грубыми сапогами грузчиков. Ила ниже натянула капюшон, стараясь не смотреть на горы серебристой чешуи, которую вываливали из корзин прямо на грязную рождю.

Даймон вёл её уверенно, прокладывая путь сквозь толпу так, чтобы их не задевали плечом. Он искал глазами не выход к набережной, а конкретные знаки на мачтах, которые начали проступать сквозь пелену впереди. Ему нужно было судно, которое не боится лишних вопросов и готово идти до самой столицы.

Они миновали центральные пирсы, где стояли пузатые купеческие коги под флагами Союза, и вышли к дальним, пропахшим дёгтем и сырой рудой причалам. Здесь туман застаивался особенно плотно, скрывая очертания пакгаузов.

Наконец Даймон замер. Прямо перед ними, тяжело осев в мутную воду Урсулы, покачивалась приземистая двухмачтовая баржа. Её борта были густо замазаны чёрной смолой, а на корме виднелось грубо вырезанное название — «Старая выдра». Это было именно то, что нужно: рабочая лошадка реки, способная проглотить в своё чрево сотни пудов груза и парочку пассажиров, не задавая лишних вопросов.

— Стой здесь, за штабелем, — негромко приказал Даймон, указывая Иле на гору пустых бочек, пахнущих селёдочным рассолом. — Посох прижми к себе, мешковину не поправляй. Если я махну рукой — выходи медленно, голову не задирай.

Даймон проверил, не цепляет ли «плащ-невидимка» рукоять меча за спиной, и шагнул из тени. Он намеренно сбросил капюшон, позволяя своему присутствию стать явным для тех, кто был на борту.

У самого трапа «Выдры», прислонившись к просмоленному кнехту, стоял коренастый человек в поношенном капитанском камзоле. Он сосредоточенно ковырял в зубах щепкой, лениво наблюдая, как матросы крепят пеньковые канаты.

— Доброго утра, мастер, — произнёс Даймон, останавливаясь в нескольких шагах.

Капитан медленно выпустил струю горького дыма, окинув взглядом высокую фигуру незнакомца, задержавшись на эфесе светлой стали Звёздного Клинка, торчащем над плечом.

— Утро добрым не бывает, когда в порту ищек больше, чем крыс, — прохрипел он, сплёвывая в реку. — Чего надо, служивый? Если работу ищешь, так мне воины не нужны, мне нужны те, кто груз таскать умеет.

— Я ищу место на палубе до Белокаменска, — спокойно ответил Даймон, игнорируя грубость. — Для себя и племянницы. Мы не привередливы, еда своя, мешать не будем.

Капитан «Старой выдры» прищурился, вытирая грязную ладонь о борт.

— До столицы, значит? Путь в три недели, заставы на каждом повороте. За пассажиров без подорожных мне шею намылят быстрее, чем я успею якорь бросить. Цена будет кусаться, парень.

Он замолчал, выжидающе глядя на Даймона. В Сырой Подоле тишина всегда имела свою цену, и сейчас наступал момент торга. Даймон не стал тратить время на пустые препирательства. Он знал, что в таких местах, как Сырой Подол, золото говорит убедительнее любых клятв.

Медленно, не делая резких движений, он запустил руку во внутренний карман, где лежал солидный кожаный мешочек, переданный бабкой Мартой. Пальцы нащупали холодный металл. Даймон извлёк одну-единственную монету и, раскрыв ладонь, позволил тусклому свету утра отразиться от её поверхности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.